

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ РЕКОМЕНДУЕТ

Армен Гаспарян

Россия и Германия Друзья или враги?

«Эта книга об истории отношений Германии и России, построенная на малоизвестных фактах, настолько захватывает, что от нее трудно оторваться, не дочитав до последней страницы»

Евгений Сатановский, президент Института Ближнего Востока

Annotation

Судьбы России и Германии в XX веке тесно переплелись. Сложилась общая история, в которой ее герои прожили свои жизни фактически на стыке двух стран. Они стали активными участниками Первой мировой войны, революций в России и Германии, сотрудничества времен Веймарской республики и, конечно, Великой Отечественной войны. Их непримиримое противостояние считается одним из символов прошлого столетия.

Могли ли Москва и Берлин избежать двух мировых войн или это было предопределено судьбой? Из книги вы получите ответы на следующие вопросы:

Как будущие императрица Фике и черносотенец Грингмут становились истинно русскими людьми?

Что послужило причиной немецкого погрома в Москве в 1915 году?

Почему провалилась революция в Германии?

Действительно ли учились генерал Гудериан в Казани, а рейхсмаршал Геринг в Липецке?

Должен ли СССР разделять ответственность с Германией за начало Второй мировой войны?

Почему Третий рейх был обречен на итоговое поражение уже осенью 1941 года?

-
- [Армен Гаспарян](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [От императрицы Фике до черносотенца Грингмута](#)
 - [Война кузенов](#)
 - [Эпоха революционных потрясений](#)
 - [В русле Рапалло](#)
 - [Пакт, изменивший мир](#)
 - [Война на уничтожение](#)
 - [Когда Германий стало две](#)
 - [После Берлинской стены](#)
 - [Послесловие](#)
 - [Список использованной литературы](#)
-

Армен Гаспарян

Россия и Германия

Друзья или враги?

Во внутреннем оформлении использованы фотографии: © ullstein bild / Gettyimages.ru; © Keystone / Gettyimages.ru; © Григорий Вайль, Макс Альперт, Борис Лосин, Сергей Шиманский / РИА Новости; Архив РИА Новости

Серия «Сатановский Евгений рекомендует»

© Гаспарян А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Предисловие

Dankbarkeit lieber Mutter für die aufgepfropfte Liebe zur Geschichte.

Не так давно и в России, и в других странах отметили печальную дату – сто лет с начала Первой мировой войны. Пройдет еще немного времени, и будем праздновать 75-летие разгрома гитлеровской Германии в Великой Отечественной войне. Но всё ли мы с вами знаем о драматических событиях первой половины минувшего века? Понимаем ли суть основных политических и общественных процессов? К огромному сожалению, должен признать: нет. Вместо подлинных знаний многие довольствуются устоявшимися мифами – ласкающими слух, но далекими от реалий той эпохи.

Жаркие споры о Первой мировой и Великой Отечественной, не говоря уже о межвоенном периоде, не смолкают ни на день. И сегодня очень многие придерживаются даже более радикальных взглядов, чем сами участники событий. Если бы их оценочные суждения базировались на действительном знании исторического материала – это можно было бы понять. Однако у большинства основу мировосприятия по-прежнему составляет разнообразное наследие ведомства агитации и пропаганды. Этот путь, путь споров, ведет в никуда. Переиграть прошлое невозможно. Но можно и нужно наращивать моральный капитал, чтобы не повторять в дальнейшем роковых ошибок.

Я убежден: чрезвычайно важно знать и, самое главное, понимать ту непростую эпоху. Да, это были страшные годы в жизни нашей страны. И да, в них была своя романтика – хотя, стоит признать, исключительно на страницах газет и в воспоминаниях спустя десятилетия после событий. Теперь то время окончательно стало историей. Не пора ли осмыслить его по-настоящему?

За годы работы на радио я рассказал о противостоянии России и Германии, казалось бы, все, что можно. Не обходил острые углы, не уклонялся от обсуждения самых сложных моментов, не манкировал участием в дискуссиях на далеко не самые приятные темы. Говорил обо всем подробно и беспристрастно. Но и вопросов ко мне не становилось меньше с каждым эфиром. Напротив, их число росло как снежный ком с каждым следующим рассказом об эпохе. На большую часть из них я

попытаюсь ответить в этой книге.

Перед вами – не очередной сборник документов или трудночитаемая монография со сложным научно-справочным аппаратом в виде кучи приложений. Таких книг уже много написано, и полагаю, что выйдет достаточно новых уже в ближайшее время. Если будет на то желание – сможете ознакомиться. В то же время это и не учебник истории для средней школы. Представьте себе, что вы настроились на частоту любимой радиостанции. Присаживайтесь поудобнее и приготовьтесь слушать. Я буду рассказывать вам точно так же, как вы привыкли за эти годы. Все останется неизменным: неожиданные сравнения, ирония, сарказм, уважение, негодование и беспристрастные оценки.

Я выражаю огромную признательность Владимиру Соловьеву, в чьей программе «Полный контакт» на радио «Вести FM» окончательно сформировался стиль серии книг «Тайные смыслы истории». Отдельное спасибо – читателям моего Твиттера, которые помогали определить основные мифы эпохи и понять, на что обязательно нужно обратить внимание.

От императрицы Фике до черносотенца Грингмута

*Народ... не ведал даже имен всех этих Романовых –
Брауншвейг-Вольфенбюттельских или Гольштейн-
Готторпских.*

А. Герцен

Едва ли найдется взрослый человек, да даже и подросток в нашей стране, который ни разу в жизни не слышал бы хоть одной из многочисленных поговорок про немцев. Широкий спектр, на любую жизненную ситуацию что-нибудь непременно придет на ум. От «у немцев на всё инструмент есть» и «вечно немцы что-то такое придумают, а русский человек потом разбирайся» до «хитра лиса, но хитрее лисы – немец» и «что русскому хорошо – то немцу смерть». И даже при нескрываемом сарказме слышится в них что-то исключительное родное. Не милые нашему сердцу березки, конечно, но где-то в той же плоскости.

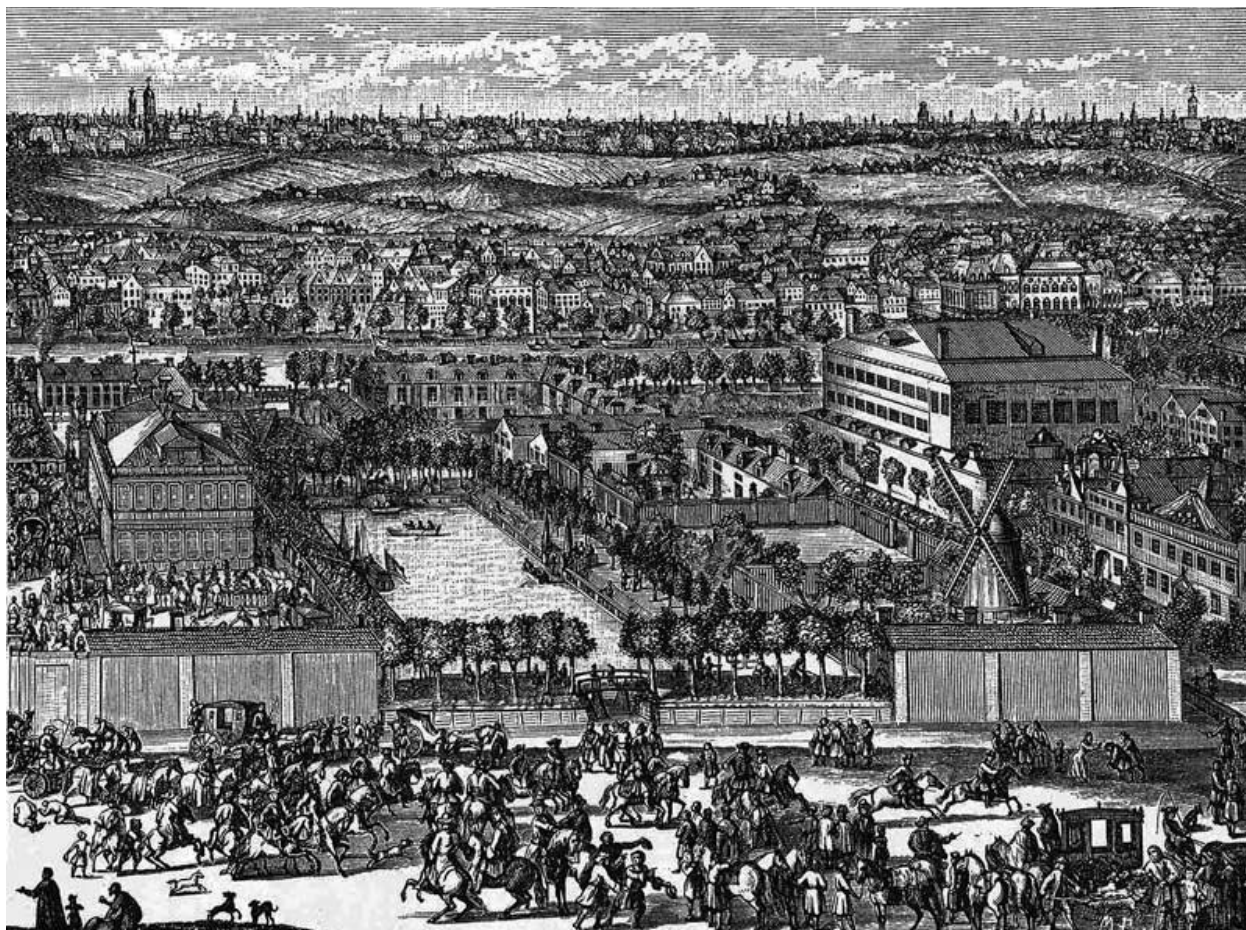
При этом вряд ли большинство из нас сможет с ходу ответить, когда же, собственно, эти самые немцы появились в России-матушке. Не с сотворения же мира они жили в Москве и Санкт-Петербурге, Поволжье и Крыму? Конечно нет. Должен сразу огорчить пытливые умы: точная дата неизвестна. Можно лишь временной промежуток обозначить: X век. Русью правила вдова князя Игоря, княгиня Ольга. Та самая княгиня Киевская, которая приняла христианство еще до крещения Руси. Передовым человеком была во всем.

Пройдут два века, и в русских летописях мы найдем упоминания о торговле с германскими княжествами и немецком квартале в Киеве. Местные жители называли его Латиной. Почему – догадаться не очень сложно. А в Новгороде строится немецкая церковь Святого Петра в центре все более расширяющегося Немецкого двора. Процесс ассимиляции во времена правления Ярослава Владимировича был чрезвычайно прост: «Если убьют купца, то 10 гривен; если мужа свяжут без вины, то 12 гривен за бесчестье; если ударят жену или дочь мужа, то князю 40 гривен за бесчестье, столько же – обиженной. Немца в Новгороде не сажать в тюрьму, но брать свое у виновного». Весьма справедливо.

Число выходцев из Германии значительно возросло в царствование Ивана Грозного. Во многих городах появились «немецкие слободы». Самая известная была, разумеется, в Москве. Но тут необходимо понимать одну особенность эпохи: немцами тогда называли не только и даже не столько уроженцев Баварии, Саксонии или Пруссии, а вообще всех иностранцев, не знавших русского языка. «Немые» они были. То есть – немцы.

В Москве они селились на правом берегу Яузы. Иван Грозный не был бы самим собой, если бы обделил Немецкую слободу своим вниманием. На втором этапе своего царствования он вообще стал превеликим «нежелателем добра» для всех и делать исключение для каких-то там немцев не пожелал. В 1578 году случился первый погром. При Борисе Годунове слободу и вовсе спалили дотла. Те немцы, которые не успели заблаговременно сбежать в другие города, переселились в район современных Арбата, Тверской, Сивцева Вражка. Там было в целом спокойнее. Сказывалось и то, что немцы жили достаточно обособленно. Они служили русским царям, но при этом сохраняли свою веру и в браки предпочитали вступать между собой.

В 1652 году согласно указу Алексея Михайловича немцев в очередной раз переселили. Теперь – за пределы города, где возникла «Новая Немецкая слобода». Сюда же перевезли из Москвы и две лютеранские кирхи. Но интеграция в местное общество от этого не застопорилась. Остановить этот процесс вообще невозможно, если говорить объективно, особенно при наличии активной заинтересованности одной из сторон. Русское дворянство старательно заимствовало у немцев предметы быта: зеркала, часы и мебель из эбенового дерева.

«В Немецкой слободе»
(художник А. Н. Бенуа, 1911 год)

Это было только начало. 4 декабря 1762 года Екатериной II был подписан манифест о переселении колонистов (так называли в ту эпоху немецких крестьян) на свободные земли в Поволжье и Северном Причерноморье. Но и оказавшись исключительно среди русского населения, они почти полтора столетия сохраняли язык (который, конечно, претерпел значительные изменения по сравнению с классическим языком Шиллера и Гете), католическую веру и все основные традиции собственной национальной культуры.

Впрочем, это не сильно помогло сохранить полную идентичность.

Немцы-колониисты под Одессой, 1918 год

Благодаря особенностям российских регионов некогда единая этническая общность трансформировалась. Появились поволжские, волынские, бессарабские, кавказские немцы. Все они изначально говорили только на родном языке и придерживались своего уклада. Но уже через какое-то время начали отмечать основные русские праздники: Рождество, Пасху и Троицу. Делали это, конечно, пока еще своеобразно – что, однако, не отменяет стремления к полному соответствию социуму.

Особняком стояли немцы Санкт-Петербурга. Начиная с царствования Петра Великого иностранные ученые, военные, дипломаты, деятели искусств верно служили русской монархии. Было среди них и множество выходцев из Германии. Их потомки оседали в России, сохраняя язык и некоторые традиции, претерпевавшие со временем изменения на русский манер, и в результате становились зачастую даже более русскими, чем коренные жители. Что говорить, дошло до того, что и самодержцев российских с полным на то основанием можно было называть немцами.

Установление родственных связей между династиями началось с брака родителей Петра III – цесаревны Анны Петровны и герцога Гольштейн-Готторпского Карла Фридриха. После этого процесс принял необратимый характер, и через два века Романовы имели уже доминирующий процент немецкой крови. Многие из них родились в Германии и, даже выучив

русский, разговаривали на нем с характерным акцентом. Вообще, если говорить объективно, российская императорская династия превратилась в ответвление Ольденбургской. Ее так и стали называть в официальных документах – Гольштейн-Готторп-Романовы. И ничего оскорбительного для русского национального сознания в этом не было.

Ярким примером немецкой составляющей династии Романовых стала императрица Фике – так до сих пор многие называют Екатерину Великую. Родилась она в столице Померании Штеттине и звалась София Фредерика Августа Анхальт-Цербстская. Домашние называли ее Фике – «Маленькая Фредерика». Будущая российская императрица была на редкость подвижным ребенком. Ее бесконечные игры с соседскими мальчишками огорчали родных, но изменить характер девочки не удалось, и цербстдорнебургской линии Ангальтского дома пришлось смириться.

Екатерина Великая
(художник И. Аргунов, 1762 год)

Основную роль в судьбе Фике сыграл ее дядя Карл Август Гольштейн-Готторпский. Русская императрица Екатерина I планировала выдать за него свою дочь Елизавету Петровну. Подготовка к свадьбе шла полным ходом – но тут жених заболел оспой. Ее и в новейшее время далеко не всегда удавалось излечить, что уж говорить про те далекие годы. Карл умер. Его бывшая невеста, взошедшая на русский престол, навсегда сохранила симпатии к своей потенциальной родне. И как только встал вопрос о браке наследника Петра Федоровича, выбор, по сути, ограничился единственным именем: племянница Карла Августа – Фике.

В 1744 году она приезжает в Санкт-Петербург и начинает учить язык своей новой родины. Это достойное занятие могло стоить ей жизни. Нет, на Фике не покушались противники брака, как кто-то, быть может, поспешил подумать. Она сама была виновата. Занималась всегда ночами, сидя у открытого окна. Результатом стало воспаление легких. Фике едва не повторила судьбу своего дяди, но молодой организм смог одолеть болезнь. Больше браку с Петром Федоровичем ничто не мешало.

28 июня 1744 года стал последним днем жизни Софии Фредерики Августы Анхальт-Цербстской. Она перешла из лютеранской церкви в православную и при крещении получила имя Екатерина Алексеевна. На следующий день она обручилась с 17-летним наследником русского престола. Было ей на тот момент 15 лет, а год спустя состоялось венчание. Супруги приходились друг другу троюродными братом и сестрой – для европейских династий ничего необычного в этом не было.

Первым в браке родился мальчик. Его окрестили Павлом. В будущем он станет русским императором и запомнится современникам своей невероятной любовью ко всему немецкому. Сказалась наследственность – зря товарищ Сталин отрицал генетику, называя лженаукой. Доходило до абсурда. Чтобы русская армия максимально напоминала войско его кумира Фридриха Великого, Павел упрямо заставлял всех плести косы, пудриться и надевать узкие штиблеты на ноги. Дворянство было крайне недовольно. А была ведь еще и бесконечная муштра. Адмирал Шишков вспоминал позднее: *«Государь, поставя во фронт офицеров, обучал их метать ружьем и алебардами, со строгим наблюдением, что ежели кто хоть чуть ошибется или не проворно сделает, то сорвут с него шляпу и потащат под караул».*

Бывшая принцесса София Фредерика Августа Анхальт-Цербстская, ставшая императрицей Екатериной Алексеевной, должна была наглядно доказать своим подданным: иных интересов, кроме российских, для нее не существует в принципе.

Но вернемся к Фике. Ее брак при всем желании невозможно назвать счастливым. Еще до восшествия на престол супруг планировал отправить ее в монастырь. Екатерина Алексеевна в долгу не осталась и стала обдумывать планы дворцового переворота. Морально-этических преград для нее в тот момент не существовало: Петр III не таясь жил со своей фавориткой Елизаветой Воронцовой. В свою очередь, Фике не только завела роман на стороне с Григорием Орловым, но и родила от него ребенка. Именно с него начинается знаменитый графский род Бобринских.

28 июня 1762 года. Тезоименитство российского самодержца Петра III. Он едет в Петергоф, где по этому случаю планируется торжественный обед. Устраивает его, разумеется, супруга – Екатерина Алексеевна. Но рано утром она уезжает в Петербург с братом своего фаворита Алексеем Орловым. Для такого поступка была весомая причина: гвардия в столице подняла восстание. Пройдет несколько часов, и Сенат, Синод и армия присягнут новой императрице. Петр III сопротивления не оказывает. В 33 года Фике восходит на русский престол.

Бывшая принцесса София Фредерика Августа Анхальт-Цербстская, ставшая императрицей Екатериной Алексеевной, должна была наглядно доказать своим подданным: иных интересов, кроме российских, для нее не существует в принципе. Всем своим правлением, и в первую очередь проводимой внешней политикой, она это убедительно продемонстрировала. Никаких особых отношений с родной Германией императрица не поддерживала – ни в политике, ни в жизни, ни в быту. Переписка с немецким двором велась исключительно по-французски. Полный разрыв с родственниками – ни один из них не был приглашен в Петербург. Сама Екатерина за 52 года проживания в России ни разу не пересекала ее границ.

Русская императрица отказалась от модного в ту пору обычая брать в услужение иностранцев. Только свои! Дипломатам, русским по происхождению, она предписала составлять депеши на родном языке. Российская внешняя политика при Екатерине Великой вновь обрела присущий ей при Петре I динамизм, утраченный было при его незадачливых преемниках. Важно, что импульс исходил от государыни, обладавшей стратегическим мышлением, целеустремленностью, силой воли, упорством. Не случайно русский историк Сергей Платонов отмечал:

«Если бы в конце царствования Екатерины встал из гроба московский дипломат XVI или XVII веков, то он бы почувствовал себя вполне удовлетворенным, так как увидел бы решенными все вопросы внешней политики, которые так волновали его современников».

Вслед за Петром I Екатерина считала, что Россия должна занимать активную позицию на мировой арене и вести наступательную внешнюю политику. Вступив на престол, она разорвала заключенный мужем союзный договор с Пруссией. Благодаря ее усилиям был восстановлен на курляндском престоле герцог Бирон. В 1763 году, опираясь на поддержку Пруссии, Россия добилась избрания своего ставленника Станислава Августа Понятовского на польский трон. Это привело к охлаждению отношений с Австрией, которая, опасаясь чрезмерного усиления России, стала подстрекать Турцию к войне с Российской империей. С самого начала боевых действий проявились стратегические преимущества противника – обладание Крымом и господство на море, что позволяло наносить удары в любой точке побережья.

Российское командование собиралось прежде всего овладеть выходом из Азовского моря, *«дабы зунд Черного моря чрез то заполучить в свои руки, и тогда нашим судам способно будет крейсировать до самого Царьградского канала и до устья Дуная».* Русский флот обошел всю Европу, появился в водах архипелага и начал наносить туркам одно поражение за другим. Не менее блестяще действовал князь Долгорукий, занявший со своими войсками весь Крым. По заключенному в 1774 году мирному договору наша страна получила берега Черного и Азовского морей, а крымский хан перестал зависеть от Турции. Через девять лет Крым был присоединен к Российской империи. Прусский император Фридрих II тогда писал своему брату Генриху: *«Россия – страшное могущество, от которого через полвека будет трепетать вся Европа».*

Еще раз откроем работу историка Платонова. Вот как он оценивает эпоху Екатерины: *«Завершила успешным концом вековые стремления нашего племени и, оканчивая решение старых задач, спешила ставить новые, вроде «аккорда» и греческого проекта, не всегда вытекавшие из реальных потребностей времени и народа, но иногда близкие народному делу».* Исчерпывающе.

Многие, вероятно, не согласятся, но лично у меня царствование Екатерины Великой ассоциируется с фигурой графа Безбородко. Нынче, к сожалению, он мало известен. Другое время – другие герои. Поэтому давайте я вас познакомлю, хоть и кратко, с этим великим русским дипломатом, бывшим без преувеличения правой рукой императрицы Фике.

Александр Андреевич родился 17 марта 1747 года в Малороссии, в семье генерального писаря. Считается, что он получил образование в Киевской духовной академии, но документальных подтверждений не сохранилось. В 1765 году Безбородко поступил на службу в канцелярию графа Румянцева. Он довольно быстро завоевал доверие начальника и во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов успел проявить себя не только храбрым офицером, отличившимся в битвах при Ларге и Кагуле, но и весьма способным чиновником.

Именно он вел всю секретную переписку фельдмаршала. В 1775 году по рекомендации Румянцева Безбородко назначили статс-секретарем Екатерины Великой. *«Представляю Вашему Величеству алмаз... Ваш ум даст ему цену»* – так Александр Андреевич был представлен императрице. Сначала ему было невероятно тяжело. Безбородко не говорил по-французски, не был обучен изысканным манерам, как все придворные. В глазах свиты он выглядел грубым провинциалом, но это не помешало ему сделать блестящую карьеру. Провожают, как известно, по уму.

В отличие от многих своих предшественников он оставался бессменным главным докладчиком императрицы на протяжении 20 лет. Однажды в разговоре с Безбородко Екатерина Великая упомянула какой-то закон. Александр Андреевич немедленно прочел его наизусть, и когда государыня приказала подать книгу, он, не дожидаясь, пока ее принесут, сказал, на какой именно странице напечатаны те самые слова. Нужно ли говорить, кто оказался прав?

Уникальная память Безбородко, пожалуй, более всего поражала современников. Граф Евграф Комаровский вспоминал, что перед отъездом в Вену великий князь Константин послал его, своего адъютанта, к Безбородко, за уточнением – кому и какие подарки надо будет делать при венском дворе. Александр Андреевич стал *«рассказывать, как будто читал родословную венских вельмож, кто из них чем примечателен, кто и в какое время наиболее оказал услуг двору нашему»*. Комаровский слушал около часу с большим вниманием и любопытством – Безбородко перечислил всех вельможей, которых им предстояло увидеть. *«Потом он сел и написал своею рукой список всех, которым должно дать подарки и какие именно. Граф, конечно, и о прочих дворах имел такие же сведения»*. Вы много назовете таких примеров в мировой политике?

А. А. Безбородко
(художник И. Б. Лампи, 1794 год)

При такой феноменальной памяти Безбородко за два года выучил французский язык, а следом – немецкий и итальянский. Современники уверяли, что он владел также латинским и греческим. Официально Александр Андреевич ведал прошениями на высочайшее имя, но в действительности ему поручались особо трудные дела самого разного свойства, которые требовали деликатности и такта. Он обладал *«редким даром находить средства для благополучного исхода самых щекотливых дел»*. Именно поэтому главным делом жизни Безбородко стала внешняя политика Российской империи.

В стране тогда вырабатывалась новая внешнеполитическая доктрина, в основе которой лежал так называемый «Греческий проект». Он предусматривал восстановление Византийской империи со столицей в Стамбуле и русским ставленником на троне. Сама идея впервые была сформулирована лично Безбородко в меморандуме, который он составил и подал императрице в 1780 году. Тогда же он сопровождал Екатерину Великую при ее свидании с австрийским императором Иосифом II в Могилеве и принимал участие в обсуждении возможности заключения тайного союзного договора. По итогам Александр Андреевич был назначен в Государственную коллегия иностранных дел и в Государственный совет, оставшись при этом статс-секретарем императрицы.

Безбородко отличался выдающимися способностями в разработке новых дипломатических мер и служил связующим звеном между Екатериной Великой и Коллегией иностранных дел. Никто из окружения императрицы не мог представить ей более обстоятельного доклада в наитруднейших случаях. Доходило до того, что, когда государыня давала приказание написать указ или письмо, Безбородко уходил в приемную и минут через 10 приносил проект, написанный с таким изяществом, что иные варианты уже не рассматривались в принципе. Это и сегодня выглядит сильно, а уж по тем-то временам!

В 1780 году Безбородко был причислен к Коллегии иностранных дел, а после смерти Никиты Панина стал вторым ее членом. В этой должности он и состоял вплоть до кончины Екатерины Великой. Но поскольку место канцлера все это время оставалось вакантным, главным исполнителем воли императрицы и ее первым советником в делах внешней политики был именно Безбородко. Ему направляли из-за границы депеши русские послы, с ним вели переговоры иностранные представители в Петербурге, он регулярно докладывал государыне обо всем, что обсуждалось и решалось в коллегии.

Безбородко отличался выдающимися способностями в разработке новых дипломатических мер и служил связующим звеном между Екатериной Великой и Коллегией иностранных дел.

В 1770–1780-х годах Екатерина Великая много работала над новыми законами, и именно Александр Андреевич активно помогал ей в этом. Законодательные акты того времени, включая те, что издавались от имени императрицы, зачастую были написаны им собственноручно от первого до последнего слова – Безбородко завоевал полное доверие Екатерины. Он был пожалован сперва графским достоинством, а в дальнейшем – и титулом светлейшего князя. Не случайно русский историк и журналист Сергей Шубинский в своих «Исторических очерках и рассказах» отмечал: *«Политический мир признавал за Екатериной великое имя в Европе и силу, принадлежащую ей исключительно. В это царствование соседи нас не обижали и наши солдаты побеждали всех и прославились. Это простейшее общее впечатление Безбородко, самый видный дипломат после Панина, выражал в изысканной форме, говоря в конце своей карьеры молодым дипломатам: «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела».* Слова эти широко известны и сегодня, только авторство уже забыто потомками. В лучшем случае их приписывают Екатерине II, в худшем – графу Бестужеву-Рюмину. Понятно – выражаясь современным языком, эти люди «больше в пиаре».

Интересно, что Безбородко всегда в большей степени интересовала не возможная оценка его деятельности потомками, а мнение о нем Екатерины Великой. Он ревниво осведомлялся у своего друга, президента Коммерц-коллегии графа Александра Воронцова, действительно ли им довольны *«или уже теперь жребий всякого, что никто так не угодит, как Потемкин, который все один знал и умел».* Между тем великий визирь Юсуф-паша так отзывался о Безбородко: *«Доброжелателен, благоразумен, проницателен и справедлив».*

Я не случайно уделил столько внимания фигуре Александра Андреевича. Во-первых, во многом благодаря ему императрица Фике стала больше русской, чем многие уроженцы Российской империи. Благодаря ему немецкая принцесса вошла в историю великим русским монархом. Короля всегда играет свита. И если Михаил Сперанский утверждал, что в России в XVIII столетии было только четыре гения (Меншиков, Потемкин, Суворов и Безбородко), то в нашем случае за это стоит сказать спасибо Екатерине.

Именно она помогла раскрыться многочисленным талантам графа. А есть еще и во-вторых.

Все и всегда познается в сравнении. Вот и давайте посмотрим на этнического немца, пришедшего на смену уроженцу Малороссии. Андрей Яковлевич Будберг принадлежал к дворянскому роду выходцев из Вестфалии, переселившихся в Россию еще во второй половине XVI века. Служить начал во времена Екатерины Великой. Императрица поручила барону наблюдать за занятиями ее любимого внука – великого князя Александра, при котором Будберг числился в качестве «помощника воспитателя». Был он строг, однако Александр к нему привязался и выполнял все его указания безропотно.

Барон А. Я. Будберг. Министр иностранных дел Российской империи в начале XIX века

Екатерина Великая, присмотревшись к Будбергу, решила возложить на него секретные поручения, поскольку считала его «очень честным человеком». В 1783 году барон отправляется в Дрезден на тайные переговоры с графом Ангальтом – генерал саксонской армии должен был перейти с тем же чином в русскую армию. Будберг свою миссию завершил успешно.

В царствование Александра I барон был возведен в звание члена Государственного совета, а в дальнейшем император уговорил Будберга возглавить министерство иностранных дел. Но, к сожалению, дипломатическими талантами Александр Яковлевич наделен не был. Это стоит признать откровенно. Вспомним оценки современников. Небезызвестный граф Карл Нессельроде на закате своей долгой карьеры так и говорил: *«Генерал был прекрасный человек, болезненный, ума не слишком возвышенного, не созданный для места министра, на которое попал»*. Еще более нелицеприятно отзывался о Будберге великий князь Николай Михайлович. Он считал его малообразованным, устаревшим человеком, который не мог оставаться во главе русской дипломатии.

Но самую точную оценку выдал русский мемуарист Филипп Вигель: *«Этот Будберг был, кажется, лицо совсем без физиономии. При воспитании Александра находился он в числе наставников. Потом еще при Екатерине был назначен посланником в Стокгольм и там ничего не умел сделать. Дали ему название министра иностранных дел. Трудно определенно сказать что-нибудь насчет характера такого человека, который сквозь столь важные места и события прошел невидимкой»*. Сравните с оценками, которые современники давали Безбородко, – как говорится, второй раз спрашивать не нужно.

Однако пора от преданий старины глубокой переходить к интересующему нас вопросу. Как говорил немецкий социал-демократ Август Бебель: *«Предоставим небо птицам, а сами обратимся к земле»*. В данном случае – к противостоянию двух великих держав. Конец XIX века становится той самой точкой отчета. Сразу с момента основания Германской империи в 1871 году отношения с Россией не заладились. Вызвано это было двумя ключевыми факторами: традиционной поддержкой, близкой по духу Австро-Венгерской империи, и сопротивлением расширению влияния Российской империи прежде всего на Балканах.

Дальше – больше. Канцлер Отто фон Бисмарк организует Берлинский конгресс. На нем в значительной степени урезаются выгодные для нас результаты Русско-турецкой войны. Не помогло даже участие с нашей стороны Александра Горчакова. А ведь именно при его активном содействии сложился тот самый Союз трех императоров, который стал стержнем мировой политики 1870-х годов. Но критиковать за это великого русского дипломата не стоит. Он первым осознал: славянский вопрос является причиной недоверия и боязни между государствами. Пытаясь удержать Австро-Венгрию в качестве своей союзницы, Россия вынуждена

была признать за ней право на влияние в славянских землях. Это был очередной компромисс, которыми богата внешняя политика нашей страны тех лет.

Хуже всего то, что он оказал негативное влияние на внутреннюю политику. Недоверие к Германии очень быстро переросло сначала в глухое недовольство, а потом и вылилось во вражду ко всему немецкому народу. В общественном сознании тех лет Германская империя представлялась свирепой милитаристской державой и одним из главных противников панславизма. Если кто-то не слышал данного определения – панславизм означает необходимость славянского национального и политического объединения на основе этнической, культурной и языковой общности. Эта идеология была весьма популярна в России в XIX веке.

Но при этом именно Германия была главным торговым партнером и одним из основных инвесторов в российскую экономику. Достаточно привести лишь одну цифру. Принадлежит расчет знаменитому советскому дипломату Георгию Чичерину – а старого большевика трудно даже заподозрить в приукрашивании действительности Российской империи. Так вот, он считал, что накануне 1917 года весь иностранный акционерный капитал составлял примерно 1,3 млрд. рублей, из них германские вложения – 378 млн. рублей. То есть Россия с Германией хоть и были идеологическими противниками, однако взаимовыгодного сотрудничества, мягко говоря, не избегали.

Недоверие к Германии очень быстро переросло сначала в глухое недовольство, а потом и вылилось во вражду ко всему немецкому народу.

Стоит ли после этого удивляться тому, что этнические немцы, родившиеся и выросшие в России, однозначно воспринимались обществом как свои, русские? Больше того: зачастую получалось, что они были даже большими русскими, чем славяне. Ярчайшим примером служит Владимир Андреевич Грингмут. Подозреваю, что подавляющее большинство моих читателей никогда про него не слышало, – но убежден, что про черносотенцев каждый хоть что-нибудь да знает. Так вот, именно Грингмут был одним из создателей того самого Всенародного русского союза и его главным идеологом. Впечатлились?

Давайте по порядку. Родился этот убежденный русский националист в семье силезского немца лютеранского вероисповедания Христиана Виллибальда Генриха Грингмута, заведующего кафедрой классической

филологии Бреславльского университета. В Россию он приехал по приглашению попечителя московского учебного округа графа Строганова. Согласимся, что для русского уха его имя звучало тяжело. Поэтому стал Христиан Виллибальд просто Андреем Ивановичем. И сына своего назвал уже на русский манер. Так всем было проще.

В. А. Грингмут, главный идеолог черносотенного движения

Грингмут-младший закончил Московский университет, принял русское

подданство и православную веру. Взгляды имел ультраконсервативные. Публиковался в газете «Московские ведомости», потом стал ее редактором. Все для него круто изменилось в феврале 1905 года после манифеста Николая II «К русским людям». Государь император призывал поддержать самодержавие. Наступил звездный час Грингмута. В одной из программных статей он указывал, за что должен всегда ратовать подданный династии Романовых: *«Римское самодержавие, византийское православие и русская народность соединились в одно гармоническое, неразрывное целое. Стать великим самодовлеющим государством, не нуждающимся ни в нравственной, ни в материальной поддержке со стороны каких бы то ни было иноземных держав».*

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ВѢРНОСТЬ“ № 23

В. А. Г.

Русскіе и Евреи

ВЪ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦІИ.

✻ Цѣна 3 коп. ✻

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1907.

Обложка книги В. А. Грингмута «Русские и евреи в нашей революции».

Одна из основ черносотенной идеологии

Казалось бы, ничего особо выдающегося в этих словах нет. Классический набор идеологом славянофилов. Но Грингмут внес свежую струю в привычное консервативное мышление. В революционных потрясениях он обвинил... евреев. Это для нас, обладающих послезнанием событий XX века и взглядов Гитлера, в этом нет ничего непривычного. А самые подкованные в исторических вопросах в курсе, что таких же воззрений придерживались и многие русские эмигранты. Все правильно. Вот только Грингмут был первым, кто вынес еврейский вопрос в широкую политическую плоскость. Откроем его книгу: *«Ни один еврей не высказался за Царское самодержавие, а большинство евреев, войдя в состав революционного «бунда», всячески поддерживает революцию в России, особенно денежными средствами, для того чтобы добиться равноправия с Русскими, рассеяться по всей России и высосать все ее жизненные соки»*.

Этим строчкам выпала невероятно счастливая жизнь. Прошло уже более ста лет, забылся их автор, но дело его успешно живет. Сегодняшние малограмотные сторонники данной концепции умудрились договориться даже до того, что объявили себя православными национал-социалистами, черпающими вдохновение в традиционном русском консерватизме. Должен их огорчить. Во-первых, отцов-основателей черносотенного движения сильно тошнило от одного только слова «социализм». Все они были убежденными сторонниками самодержавной монархии и учение Маркса сотоварищи люто ненавидели. Во-вторых, если тут и можно вообще говорить о каком-то консерватизме – так явно о германском. Он все-таки отличается от русского. И, наконец, в-третьих – подобные утверждения демонстрируют элементарное незнание истории даже в объеме средней школы.

О Гитлере мы еще подробно поговорим на страницах этой книги. Пока же – вводный курс ликвидации безграмотности. Фюрер великого германского рейха неустанно подчеркивал, что придуманная им партийная идеология не является товаром для экспорта. Столь же регулярно он высказывался и насчет того, что религия в государстве должна быть сведена к минимуму. Соратники Гитлера не только солидаризировались с ним по данному вопросу, но и пошли значительно дальше. Вот что писал идеолог Германской национал-социалистической рабочей партии и, что характерно, бывший студент Московского университета Альфред

Розенберг: *«Пусть все эти святоши сами роют себе могилы. Они предадут своего драгоценного Бога ради нас. Вместо крови своего Спасителя они будут благословлять священную кровь нашего народа. Они возьмут плод германской земли и причастятся им как символом вечного единства нашего народа».* Теперь вопрос: в чем тут выражается православная традиция?

Идем дальше. Само определение «православный национал-социалист» уже содержит в себе непреодолимое противоречие. Дух учения фюрера был взят из германского эпоса, который, однако, не находится в родстве с православной традицией, хотя это и пытались доказать десятки «мыслителей» разных мастей. Но это еще полбеды. Будучи главным противником коммунизма в мире, фюрер тем не менее аккуратно вписал в свои выступления в 1920-х годах запрет частной собственности на землю, рабочий контроль над администрацией заводов и фабрик, национализацию крупных предприятий. Понятно, что ничего из этого он выполнять не собирался, но факт есть факт. И у него нет ничего общего с русским славянофильством, откуда, собственно, вытекло черносотенное движение.

На этом, кстати, разграбление идей Маркса немецкими национал-социалистами не закончилось. Напротив, именно у него они позаимствуют нелюбовь к славянам и возведут это чувство в абсолют. Отец коммунизма в 1856 году написал: *«В России у этой варварской расы имеется налицо такая энергия и активность, которых тщетно было бы искать у монархий более старых государств».* Теперь вопрос: а чем это отличается, например, от такого откровения Гитлера: *«Славяне не годятся для того, чтобы быть носителями новой культуры. Они не творческий народ: стадные животные»?* И в очередной раз поинтересуюсь: что в этих мыслях корреспондирует с русской православной традицией?

А теперь вновь обратимся к воззрениям русского немца Грингмута: *«Враги самодержавия назвали «черной сотней» простой русский народ, который во время вооруженного бунта 1905 года встал на защиту самодержавного Царя. Почетное название. Нижегородская черная сотня, собравшаяся вокруг Минина, спасла Москву и всю Россию от поляков и русских изменников».* Комментировать тут, на мой взгляд, нечего.

Если бы столь глубокий патриотизм не обрел в дальнейшем откровенно преступного выражения в виде отвратительных погромов, политических убийств, «дела Бейлиса», – вероятно, и сегодня потомки читали бы Владимира Андреевича как выдающегося государственника, верного сына исторической России. Одного из многих этнических немцев, для которых все русское было свято и чья верность царствующему дому

Романовых никогда не ставилась под сомнение. Но запоминается всегда последнее. Спросите любого из окопавшихся вокруг партии «Парнас» националистов, кто такой Грингмут, – звенящая тишина станет вам ответом. Потому что со времен знаменитых слов Василия Розанова: «...*Не стой у них поперек горла «правительство», разорвали бы на клоки Россию и раздали бы соседям даже и не за деньги, а просто за «рюмочку» похвалы*», – ничего не поменялось.

Война кузенов

*Ни к одной стране судьба не была так жестока,
как к России.*

Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду.

У. Черчилль

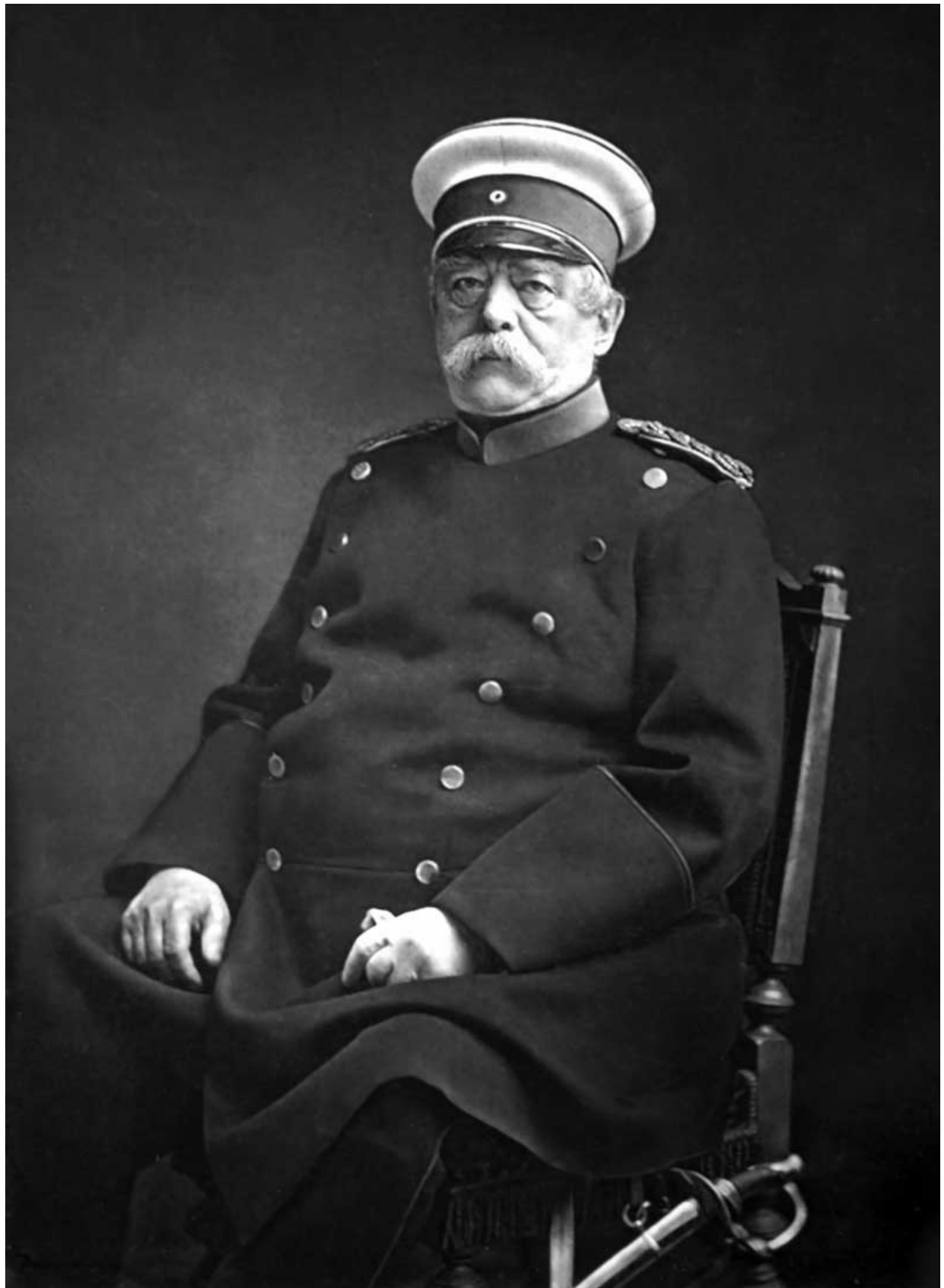
Давайте сразу внесем ясность в определение, чтобы в дальнейшем у нас не возникало ненужной путаницы. События 1914–1917 годов в Российской империи именовались вовсе не Первой мировой, как это принято сегодня, а Великой или Второй Отечественной войной. В первые годы советской власти название трансформировалось в «германская», а потом в «империалистическая». Идеологический посыл последнего очевиден, поэтому я буду использовать бытовавший тогда в российском социуме вариант «Великая война». Тем паче что именно так ее и воспринимали. По крайней мере на первом этапе, в момент высочайшего патриотического подъема.

Нынче все чаще можно услышать дикую псевдопатриотическую теорию, будто войны вполне можно было избежать и только тлетворное влияние на государя глупых министров вкупе с неудачными обстоятельствами погубило Россию-матушку. Не берусь судить, какая оценка у верящих в эту чепуху стояла в графе «История» в аттестате о среднем образовании. Очевидно, прочерк. В любом ином случае они бы знали, что противоречия между ведущими европейскими державами появились задолго до рокового 1 августа 1914 года.

Да, изначально Бисмарк после создания Германской империи не стремился к господству на континенте. Он понимал силу соседей и именно поэтому говорил: *«Сильная Германия желает, чтобы ее оставили в покое и дали развиваться в мире, для чего она должна иметь сильную армию, поскольку никто не отважится напасть на того, кто имеет меч в ножнах»*. Но совершенно понятно, что такая политика не могла проводиться вечно. У самих немцев есть невероятно точная поговорка: *«Германию нужно посадить в седло, а дальше она поскачет сама»*. Так и произошло.

Германская империя начала бороться за первенство в Старом Свете. Колоний у нее не было, от чего закономерно страдал рынок сбыта. Но даже

не это более всего оскорбляло национальные чувства бюргеров. В конце концов, жили успешно без колоний и дальше проживем. А вот как решить проблему быстро растущего населения? Именно тогда впервые прозвучал тезис о необходимости расширения жизненного пространства, который сегодня у всех ассоциируется исключительно с Гитлером. Достичь этого можно было, лишь устранив конкурентов. Эта неблагодарная роль досталась трем странам: России, Франции, Великобритании. И они, естественно, о планах немцев были осведомлены. Последовали ответные меры.

Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен. Первый канцлер Германской империи

Союз между Россией и Францией, заключенный в декабре 1893 года, был продиктован не только общностью военно-стратегических интересов, но и экономической составляющей.

Наша страна во второй половине XIX века остро нуждалась в свободных капиталах для вложения их в промышленность и строительство железных дорог. В свою очередь, Франция не имела у себя необходимого числа объектов для собственных капиталовложений и активно вывозила капитал за рубеж. Российский рынок пришелся тут как нельзя кстати. К 1887 году было основано девять французских предприятий, началось взаимодействие в военно-промышленной сфере. Великий князь Владимир Александрович спустя год разместил взаимовыгодный заказ на изготовление 500 тыс. винтовок для русской армии.

Важную роль в развитии союза двух стран играл культурный вопрос. Едва ли кто-то оказал на Россию большее влияние в этом плане, чем Франция. Вольтер и Руссо, Гюго и Бальзак очень ценились русской интеллигенцией. В свою очередь, и в Париже начинают приобщаться к новым ценностям. Появляются издательства, специализирующиеся на русской литературе. Толстой и Достоевский, Гончаров и Салтыков-Щедрин и, конечно же, Тургенев становятся одними из любимейших писателей для французов.

Результаты не замедлили сказаться. В обеих странах появились сторонники проведения активной наступательной политики против Германии. В России предвестником так называемой «французской партии» стал знаменитый генерал Михаил Скобелев. 5 февраля 1882 года, выступая перед сербскими студентами в Париже, он, в частности, заявил: *«Если вы хотите, чтобы я назвал вам этого врага, столь опасного для России и для славян, я назову. Это автор «натиска на Восток» – он всем вам знаком – это Германия. Повторяю вам и прошу не забыть этого. Борьба между славянством и тевтонами неизбежна. Она даже очень близка!»* Речь была растиражирована европейскими газетами и доставила потом немало неприятных мгновений русским дипломатам.

Генерал от инфантерии М. Д. Скобелев.

Всегда участвовал в сражениях в белом мундире и на белом коне, поэтому и вошел в историю как «Белый генерал»

В Германии и в Австро-Венгрии речь Скобелева надолго стала политической злобой дня. Она воспринималась исключительно как ретрансляция взглядов русского двора – никто не хотел поверить, что знаменитый генерал говорил только от своего имени и отнюдь не был уполномочен делать важные внешнеполитические заявления. Скандал сошел на нет только спустя четыре месяца. И вовсе не потому, что последовало все объясняющее заявление российского министерства иностранных дел. Все проще: Скобелев умер. Но на позициях сторонников Франции это никак не сказалось.

В январе 1887 года Александр III в одной из бесед с главой внешнеполитического ведомства Николаем Гирсом заметил: *«Прежде я думал, что это только Катков недолюбливает Германию, но теперь убедился, что это – вся Россия»*. Но это, вне всякого сомнения, утрированная точка зрения. Были сильны в правительстве и германофильские настроения. Помимо упомянутого уже Гирса можно назвать его ближайшего помощника и будущего преемника Владимира Ламздорфа и военного министра Петра Ванновского.

Русско-французский союз складывался медленно и тяжело. Ему предшествовал ряд предварительных шагов к сближению между двумя странами. Шагов взаимных, но, говоря откровенно, – более активных со стороны Франции. Весной 1890 года, после того как Германия отказалась возобновить «договор перестраховки» (на случай новой войны в Европе, отсюда такое название) с Россией, в Париже блестяще воспользовались затруднительной для Петербурга ситуацией. Чтобы завоевать расположение Александра III, французские власти арестовали сразу 27 русских политических эмигрантов.

Государь император Александр III
(художник Н. Дмитриев-Оренбургский, 1896 год)

Всех приговорили к тюремному заключению. Русский император, узнав об этом, не скрывал восторга: *«Наконец-то во Франции есть правительство!»* Пикантности ситуации придает то обстоятельство, что французский кабинет министров возглавлял тогда Шарль Луи Фрейсине. В свое время его проклинала вся Россия – ведь именно он отказался выдать Петербургу народовольца Льва Гартмана, обвиненного в подготовке террористического акта против Александра II.

13 июля 1891 года в Кронштадт с официальным визитом прибыла французская военная эскадра. Событие должно было продемонстрировать всему миру крепнущую франко-русскую дружбу. Корабли встречал сам Александр III. Российский самодержец, стоя с непокрытой головой, смиренно прослушал революционный гимн Франции – «Марсельезу». Не берусь судить, каких душевных мук стоили государю эти мгновения, ведь в Российской империи за исполнение песни строго карали.

Вслед за визитом эскадры состоялся новый раунд дипломатических переговоров, результатом которых стал своего рода консультативный пакт между двумя странами. Подписали его министры иностранных дел – Николай Гирс и Александр Рибо. Согласно документу, стороны обязались в случае угрозы нападения на одну из них немедленно и одновременно договориться о совместных ответных мерах, которые можно было бы принять. Против кого заключается договор – всем было понятно без лишних слов. Германия.

Поистине царский прием, оказанный французским морякам, стал фактически событием года. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» удовлетворенно констатировала: *«Две державы, связанные естественною дружбой, располагают такой грозной силой штыков, что Тройственный союз должен остановиться невольно в раздумье»*. В свою очередь, германский поверенный Бернгард фон Бюлов в докладе рейхсканцлеру оценил кронштадтское свидание как *«очень важный фактор, который тяжело падает на чашу весов»*.

Дальнейшие шаги в создании русско-французского союза последовали тут же. Рауль Франсуа Буадефр, к тому времени возглавивший генеральный штаб Франции, вновь был приглашен на военные маневры русской армии. 5 августа 1892 года в Петербурге он и генерал Николай Обручев подписали согласованный текст военной конвенции, которая фактически означала договор между Россией и Францией о союзе. Главное условие документа:

немедленная всесторонняя помощь друг другу в случае нападения Германии.

Н. К. Гирс, министр иностранных дел Российской империи в царствование Александра III

Конвенция должна была вступить в силу после ее ратификации императором России и президентом Франции. Подготовить и представить ее текст полагалось министрам иностранных дел. Однако Гирс затягивал представление, ссылаясь на то, что болезнь мешает ему с надлежащей тщательностью изучить детали. Французское правительство, само того не желая, помогло Гирсу: осенью 1892 года оно запуталось в грандиозной панамской афере.

Многие почему-то считают, что коррупция может быть только в России. Абсолютная чепуха. Французы не дадут соврать. Международная акционерная компания, созданная в Париже в 1879 году для строительства Панамского канала, оперативно обанкротилась в результате масштабных хищений и подкупа множества высокопоставленных должностных лиц, включая трех бывших премьер-министров. Ряд видных чиновников, безнадежно скомпрометированных, предстал перед судом. Во Франции началась министерская чехарда.

Убежденные германофилы (происхождение обязывало их быть таковыми, несмотря на всю свою безукоризненную верность русской монархии) Гирс и Ламздорф злорадствовали, предвкушая реакцию императора. Потомок старинного аристократического рода, восходящего к германскому рыцарю Отто фон Ламесторпе, русский граф Ламздорф, например, записал в своем дневнике: *«Государь получит возможность убедиться, насколько опасно и неосторожно слишком тесно связываться с государствами без постоянного правительства, каковым является в настоящее время Франция».*

Конвенция должна была вступить в силу после ее ратификации императором России и президентом Франции. Подготовить и представить ее текст полагалось министрам иностранных дел.

Александр III действительно не торопил Гирса с изучением конвенции, однако правительство Германии расстроило всю тонкую игру министра. Весной 1893 года Берлин начал очередную таможенную войну против России, а 3 августа рейхстаг принял новый военный закон, по которому вооруженные силы Германии численно вырастали уже до 4 млн. человек. Получив подробную информацию об этом от французского Генерального

штаба, российский император рассердился и демонстративно сделал новый шаг к сближению с Францией. В Тулон была отправлена с ответным визитом русская военная эскадра.

Франция оказала нашим морякам настолько восторженный прием, что государь император оставил все сомнения. Он приказал Гирсу ускорить представление русско-французской конвенции и 14 декабря одобрил ее. Затем состоялся предусмотренный дипломатическим протоколом обмен письмами между Петербургом и Парижем. 23 декабря 1893 года конвенция официально вступила в действие. Русско-французский союз был оформлен.

Как и Тройственный союз, он создавался внешне оборонительным. По существу же оба являлись стратегическими аргументами в борьбе за сферы влияния. Договор Москвы и Парижа формально завершил ту перегруппировку сил, которая происходила в Европе после Берлинского конгресса 1878 года. Соотношение сил теперь во многом зависело от того, на чью сторону встанет Англия – самая развитая в экономическом отношении держава тогдашнего мира. Туманный Альбион сначала предпочитал оставаться вне блоков, продолжая свою традиционную политику «блестящей изоляции». Но нараставший из-за колониальных претензий друг к другу англогерманский антагонизм заставлял Лондон все определеннее склоняться к русско-французскому блоку. Так появится Антанта. Произойдет это в 1907 году.

Формальным предлогом для начала Великой войны послужил террористический акт. 28 июня 1914 года 19-летний боснийский серб, студент Гаврило Принцип, застрелил в Сараеве наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда. Тот приехал лично ознакомиться с вновь приобретенными территориями, но вместо этого получил несколько пуль от члена радикальной сербской националистической организации. В Вене и Берлине воспользовались удобным случаем для развязывания войны. Для начала обвинили во всем Сербию и выставили ультиматум, ключевым пунктом в котором значился допуск полиции Австро-Венгрии к проведению следствия. На размышления давалось 48 часов. Сербия объявила мобилизацию. Противник ответил тем же, сосредоточив войска в том числе и на границе с Россией.

Николай II объявляет о начале войны с Германией с балкона Зимнего дворца

Николай II отправил своему кузену Вильгельму II телеграмму с предложением решить австро-сербский вопрос на Гаагской конференции (в какой-то мере это всем известный сегодня суд). Ответа не последовало. Вместо него в германской армии были отменены все отпуска. Во Франции тут же объявили частичную мобилизацию. Россия, верная своим союзническим обязательствам, провела полную мобилизацию. Берлин выдвинул Петербургу ультиматум: прекратить призыв в армию или последует объявление войны.

Отсюда вытекает ряд важных вопросов к могучим интеллектуалам, пытающимся сегодня всех убедить в том, что можно было избежать подобного развития событий. Интересно, как вы себе это представляете? Предать славянский мир? Но как после этого Николай II будет выглядеть в глазах подданных империи, для которых идея панславизма давно стала догмой общественно-политической жизни? Согласимся – это невозможно. Тогда, быть может, отказаться от своих обязательств перед союзниками? Тоже не вариант. Все тогда хорошо понимали: Германия зарядила ружье вовсе не от скуки. И выдвигать ультиматум одной из ведущих европейских держав она решила явно не от безделья. Выхода иного у нашей страны не было.

В русском обществе был зафиксирован необычайный патриотический

подъем. Полагаю, вы еще не забыли те чувства, которые охватили вас 16 марта 2014 года после возвращения Крыма в состав России? В тот день плакали и не стеснялись своих слез десятки и сотни моих знакомых, не надеявшихся дожить до возвращения Севастополя в родную гавань. И вот этот миг настает. Помните? Так вот, для понимания атмосферы в русском обществе в августе 1914 года умножьте свои чувства на десять. Или даже на двадцать.

«На святое дело идем, друга из беды выручать». Эти знаменитые слова из фильма «Место встречи изменить нельзя» как нельзя более точно отвечают общественным настроениям в Российской империи. А первые же новости с фронта еще сильнее подняли градус патриотизма. Было от чего приходиться в восторг депутату Государственной думы и сельскому цирюльнику, профессору филологии и домохозяйке, впечатлительному гимназисту и ветерану Русско-турецкой войны. Наша армия героически громила противника в ходе Галицийской битвы.

Русские офицеры во Львове.
Первый триумф Великой войны

Сегодня, слыша эти слова, мы вспоминаем: *«Брали русские бригады*

Галицийские поля, и достались мне в награду два дубовых костыля». Действительно, вполне аутентичное свидетельство эпохи. В нашей стране эта песня обрела поистине всенародную популярность в конце 1980-х годов, на волне всеобщего помешательства на шлягерах «Поручик Голицын» и «Нас уже не хватает в шеренгах по восемь». Спору нет, Георгий Юматов весьма проникновенно исполнил ее в фильме «Акция». Но рассуждать про Галицийскую битву исключительно на основании песни – как минимум глупо.

Не стану напрасно утомлять вас описанием военной части кампании. Подведу лишь политические итоги нашей победы. Да, русской армии не удалось реализовать замысел в полном объеме. План предусматривал окружение и разгром основных сил австро-венгерской армии. Но при этом противник потерпел тяжелейшее поражение. Императорская армия заняла Галицию и часть австрийской территории Польши, образовался плацдарм для проведения наступления в Венгрию и Силезию. Эти достижения отразились и на германской армии: ее успех в боях в Восточной Пруссии был нивелирован.

«На святое дело идем, друга из беды выручать». Эти знаменитые слова из фильма «Место встречи изменить нельзя» как нельзя более точно отвечают общественным настроениям в Российской империи.

Не будем сбрасывать со счетов и внешний фактор. После неудачи в Галиции Австро-Венгерская империя отвлеклась от Сербии. Больше того: поражение вышло настолько болезненным, что Берлину пришлось отправить крупные соединения на поддержку своего главного союзника. Тем самым был разрушен до основания план проведения молниеносной военной кампании на обоих фронтах. Блицкриг (хотя звездный час этого определения придется на 1941 год) провалился. Всем стало понятно: Германия начала стратегически проигрывать войну. Преимущество в затяжной кампании было за державами Антанты.

Подождите, скажет иной нетерпеливый читатель, но ведь для Российской империи более показательна не победа в Галиции, а поражение в Восточной Пруссии! Вся дикость и отсталость страны отчетливо проявились именно тогда. Вам, видимо, неприятно об этом говорить, потому и рассуждаете исключительно про Львов. А нужно – про армию Самсонова и подлость Ренненкампа. Все об этом прекрасно знают, и нечего заниматься сокрытием правды.

О, сколько раз в жизни я слышал подобные монологи! Произносят их обычно с невероятно нездоровым блеском глаз. Выскажутся впроброс насчет низости Павла Карловича и начнут на тебя торжествующе смотреть. И очень огорчает таких граждан, что Гаспарян почему-то взгляд выдерживает спокойно и даже имеет наглость улыбаться. Нет, это не только потому, что я крайне неприятный человек, как любит говорить мой коллега и друг, известный теле– и радиоведущий Владимир Соловьев. Скорее, в силу того, что знает автор этих слов, откуда дровишки. То есть – что является источником мифа про пощечину, которая и послужила в дальнейшем причиной краха в Восточной Пруссии. Относится этот эпизод к событиям еще Русско-японской войны.

Генерал-лейтенант П. К. Ренненкампф.

В общественном сознании – главный виновник неудачи в Восточной Пруссии

Сначала искомая цитата. Специально привожу ее в полном объеме, чтобы не быть обвиненным потом в произвольном толковании «ценнейшего» исторического источника:

«Последний раз он сражался с японцами; после боев под Мукденом он пришел на перрон вокзала – прямо из атаки! – к отходу поезда. Когда в вагон садился генерал Ренненкампф (по кличке «Желтая опасность»), Самсонов треснул его по красной рожке:

– Вот тебе, генерал, на вечную память. Носи!

Ренненкампф скрылся в вагоне. Самсонов в бешенстве потрясал нагайкой вслед уходящему поезду:

– Я повел свою лаву в атаку, надеясь, что эта гнида поддержит меня с фланга, а он просидел всю ночь в гаоляне и даже носа оттуда не выставил».

Оценили? Думаете – это воспоминания очевидцев ссоры двух генералов из числа штабных офицеров? Или, быть может, фрагмент мемуаров генерала Деникина или генерала Головина? Вовсе нет. Это – держитесь крепче – отрывок из художественного произведения. Автор – Валентин Пикуль. И вот на основании этой дикости все и судят о событиях в Восточной Пруссии. Дескать, получил Ренненкампф пощечину еще во время Русско-японской, затаил на Самсонова обиду лютую и в нужный момент не пришел ему на помощь. Отсюда и последовало поражение нашей славной армии в 1914 году.

Пикуль, вероятно, необычайно гордился своим вкладом в изучение истории Великой войны. Сужу об этом хотя бы в силу того факта, что писатель с завидным постоянством публиковал этот эпизод, да еще и старался дополнительно усилить его в дальнейших книгах. В результате несчастный генерал-лейтенант Павел Ренненкампф переместится из зарослей гаоляна в галюн. Если кто-то не знает, то гаолян – кормовой злак с высоким стеблем, а галюн – уборная на корабле. Впрочем, оставим эти вздорные утверждения на совести Пикуля. Эпизод с пощечиной – вымышленный. К реальным событиям Великой войны он отношения не имеет в принципе.

Генерал от кавалерии А. В. Самсонов.
Застрелился после катастрофы в Восточной Пруссии

Наши с вами современники, охотно рассуждающие про поражение в Восточной Пруссии, обычно даже не могут объяснить: что же послужило причиной? Ритуальные стенания, что, мол, все у нас как всегда – то есть напроць отсутствует умение мыслить масштабно, анализировать данные разведки, проявлять инициативу и организовывать взаимодействие частей, – меня категорически не устраивают. Потому что в германской армии со всем этим всегда потрясающий воображение порядок – что почему-то не помешало Берлину сокрушительно проиграть обе мировые войны. А нам – закончить Великую Отечественную в столице врага, с удовлетворением рассматривая развалины Рейхстага.

Николай II в Ставке в Могилеве, 1916 год

Да, наши потери в Восточной Пруссии были значительными: 60 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. В плену оказалось 13 генералов. Командующий армией Александр Васильевич Самсонов застрелился. Последние слова настоящего русского офицера и человека высочайшей чести стоит знать потомкам: *«Император верил мне. Как же я смогу посмотреть ему в лицо после такого несчастья?»* Судьба была несправедлива к Самсонову, но именно трагический финал жизни сделал его бессмертным в глазах всех патриотов России.

Но постойте! – снова воскликнет читатель. Эти подробности прекрасны, но не отменяют главного: армия погибла. И не столь важно, что послужило причиной: невезение Самсонова или медлительность Ренненкампа, который не успел на выручку. Вы же сами все время говорите, что главное в любом деле – результат. А тут он налицо.

Ну что ж, не о чем спорить. С этим доводом я согласен. Только с оговоркой. По сути, получилось так же, как в 1941 году. Немцы нанесли слишком сильный удар. Но это не помешало в дальнейшем нашей армии научиться побеждать.

Вообще можно сказать, что все войны начинаются для России по привычной схеме. Это, если угодно, – вечная наша беда. Нас громят в первые месяцы, возникает угроза взятия столицы. Но ровно в тот момент, когда неприятель готовится торжественно вкусить шампанское, русский мужик берет в руки топор да вилы и идет крушить супостата. В принципе, при известном стечении обстоятельств этот сценарий мог быть успешно реализован и в годы Второй Отечественной войны. Не хватило самой малости – нужен был более сильный Верховный главнокомандующий. Который не поддавался бы влиянию придворной камарильи и Распутина.

Генерал от инфантерии М. В. Алексеев, начальник штаба Верховного главнокомандующего

Прекрасно понимаю, как недовольны сейчас поклонники государя императора. В их глазах он абсолютно безупречен во всем. Они привычно готовы не обращать ровным счетом никакого внимания на все многочисленные неприятные факты. Особой популярностью пользуются

слова последнего начальника штаба Корниловской ударной дивизии Генерального штаба полковника Евгения Месснера: *«Глядя на Императора, каждый видел в Нем стосемидесятимиллионную Россию, отчизну от Либавы до Владивостока. Не обожествляя, каждый видел в нем Земного бога России, мощь России, ее величие, ее славу»*. И не поспоришь! Настроение армии было именно таким. Но спустя сто лет после тех событий пора бы уже перестать жить в мире самодельных иллюзий.

Те успехи, вроде остановки «Великого отступления» или Брусиловского прорыва, которые у нас сегодня почему-то принято отождествлять исключительно с личностью Николая II, были бы в принципе невозможны без начальника его штаба – генерала от инфантерии Михаила Васильевича Алексеева. Его нынче принято поносить последними словами, обвиняя во всех смертных грехах: от мнимого участия в заговоре против государя императора до того, что именно он – главный виновник безблагодатности Белого движения прямо с момента его зарождения.

Между тем современники совершенно иначе оценивали Алексеева. Приведу лишь одно свидетельство. Адмирал Колчак: *«Я всегда считал его самым выдающимся из наших генералов, самым образованным, наиболее подготовленным к широким военным задачам. Это для меня являлось гарантией успеха в ведении войны, ибо фактически начальник штаба Верховного командования является главным руководителем всех операций»*.

В этом месте обычно слышатся истошные крики современных монархистов. Невозможно отрицать, что именно после того, как Николай II встал во главе армии, наладилось снабжение частей, вырос боевой дух, прекратились конфликты между гражданской и военной администрациями. Последний пункт мне особенно нравится. И ведь повторяющие эти слова даже не задумываются над невероятно простым вопросом: а кто мешал государю императору заняться армией до вступления в должность Верховного главнокомандующего? Неужели полномочий не хватало у самодержца Всероссийского, Московского, Киевского, Владимирского, Новгородского и т. д.?

Те успехи вроде остановки «Великого отступления» или Брусиловского прорыва, которые у нас сегодня почему-то принято отождествлять исключительно с личностью Николая II, были бы в принципе невозможны без начальника его штаба – генерала от инфантерии Михаила Васильевича Алексеева.

Но даже не это главное. Обычно в защиту Николая II как Верховного главнокомандующего приводится великолепный аргумент. Дескать, этот шаг позволил лишить оппозицию, которая готовилась к государственному перевороту, сильной фигуры в лице великого князя Николая Николаевича. Но, во-первых, непонятно, откуда берется утверждение, будто бывший Верховный главнокомандующий спал и видел, как бы поскорей примкнуть к Милюкову и Гучкову. А во-вторых, даже если принять данную версию за правду, отставка великого князя лишь отсрочила на время дворцовый переворот, а вовсе не ликвидировала заговор. К чему все это привело, я подробно описывал в книге «Крах великой империи».

Ярким примером неудачной кадровой политики лично Николая II в годы Великой войны является фигура Бориса Владимировича Штюрмера, еще одного этнического немца. Нынче этот человек, волею государя императора ставший премьер-министром в воюющей с Германией стране, основательно забыт. Но это вовсе не означает, что и мы не должны о нем вспоминать. Напротив – должны. И будем это делать, чтобы спустя сто лет начать избавляться от иллюзий, возвращенных в общественном сознании русскими эмигрантами первой волны и их нынешними последователями из числа отечественных либералов.

Б. В. Штюмер, глава правительства Российской империи

Для начала одна цитата. Современники так описывали Штюмера: *«Православный немец давно известен: неглупый, но бессердечный человек, известный ретроград, крайний правый, человек с умом, административной опытностью и с известным тактом. Спрашивается только, какое впечатление произведет в России и в армии назначение немца как раз в это время? Доказывай потом, что он православный и по-русски говорит лучше, чем по-немецки»*. Как вам такой типаж из «черной сотни Госсовета»? Не торопитесь отвечать, это свидетельство, что называется, для затравки.

После поражения в Польше летом 1915 года тяжелое бремя военных расходов заставило Россию настолько истощить свои ресурсы, что она оказалась в финансово-экономической зависимости от союзников по Антанте. Резко обострилась политическая обстановка внутри страны, где шел необратимый процесс разрушения государственной власти. И дело тут не столько в кознях Государственной думы, сколько в регулярных сменах министров и губернаторов и принятии Николаем II далеко не всегда хорошо продуманных решений.

В этой не самой здоровой обстановке главенствующую роль во внутренней политике стала играть императрица Александра Федоровна. И ладно бы только она одна! Но ведь и окружение во главе с Распутиным активно пыталось влиять на все процессы. Именно по настоянию супруги государь император решается укрепить собственную власть путем создания однородного правительства, в которое бы входили только представители правых и монархических кругов. 19 января 1916 года вместо совсем уже постаревшего председателя Совета министров назначается Штюмер. Он тоже уже не мальчик – 67 лет исполнилось к тому моменту.

Фактический руководитель экономического департамента Министерства иностранных дел Российской империи князь Сергей Урусов после смены премьера записал по следам событий в своем дневнике: *«О Штюмере не слышно нигде ни одного приличного слова. Все недоумевают, почему его назначили, и таксируют его весьма низко; слышал, что он неглупый человек; что же касается его нравственных качеств и государственных убеждений, то все сходятся на том, что никогда ничем себя не проявил и никаких данных нет ожидать, что он будет на высоте положения»*. Это, кстати, еще весьма толерантная оценка.

В глазах русской интеллигенции Штюмер вообще выглядел откровенно карикатурным персонажем. О нем ехидно говорили, что Борис Владимирович крестится сразу обеими руками, чтобы доказать всем свое

необычайное рвение к православной вере и прослыть глубоким знатоком церковных канонов. Еще более жестко высказывался петроградский обыватель. Оценка нового премьер-министра колебалась в диапазоне от «недоразумение» до «какое дело России до Штюмерера и Штюмеру до России?». Современные монархисты обычно на это ничего возразить не могут. По той лишь причине, что их подавляющее большинство про этого самого Штюмерера никогда не слышало и даже не подозревало о глубине управленческого кризиса в империи.

В глазах русской интеллигенции Штюмерер вообще выглядел откровенно карикатурным персонажем. О нем ехидно говорили, что Борис Владимирович крестится сразу обеими руками, чтобы доказать всем свое необычайное рвение к православной вере и прослыть глубоким знатоком церковных канонов.

Сам Штюмерер заявлял, что свою основную задачу видит в достижении победоносного конца войны какой угодно ценой. Любые предложения сепаратного мира с Германией он искренне презирал. Широкую известность получили его слова: *«Великая страна и великий народ могли заключить мир, находясь в полной солидарности со своими великодержавными союзниками»*. Согласимся, сказано хорошо. Но как именно глава правительства рассчитывал ускорить победу в Великой войне?

Рецепт Бориса Владимировича был невероятно прост: нужно сохранять гражданское спокойствие в обществе. Решить эту нехитрую задачу предполагалось полным повиновением воле монарха и правительства, отказом от каких-либо оппозиционных и революционных выступлений. Мысль невероятно ценная. Но на тот момент уже нереальная. Раньше надо было этим заниматься. Прямо в августе 1914-го, с момента объявления войны Германии, а не спустя полтора года, когда депутаты Государственной думы начали входить во вкус деструктивной деятельности, глядя на неудачи нашей армии.

Русская императрица симпатии к своей исторической родине сохраняла. Английскую политику она считала эгоизмом и полагала, что для успешного противостояния запросам Лондона нужен был более твердый переговорщик. Именно такого неукоснительного послушания самодержавной воле ожидала она от исполнительного Штюмерера. Борис Владимирович неоднократно говорил Пуришкевичу, что *«нужно несколько сократить аппетиты союзников, потому что они слишком много от нас*

требуют».

Конкретным поводом к решению назревшего вопроса стали разногласия Сергея Дмитриевича Сазонова со Штюмером по польскому вопросу. Заручившись поддержкой императрицы, Штюмер убедил Николая II в необходимости отставки министра иностранных дел. 7 июля 1916 года подданные Российской империи узнали имя нового главы внешнеполитического ведомства. Им стал, как нетрудно догадаться, сам Борис Владимирович.

По поводу этого назначения существует безукоризненное свидетельство князя Урусова: *«Отзывы о произошедшей смене единодушны – жалеют Россию, судьбы которой в столь решительный час из опытных, политически честных и государственно умных рук Сазонова вручены человеку, который себя ничем не проявил, не пользуется за границей никаким престижем и о котором опередившая его деятельность молва говорит, что его приход в МИД знаменует собой готовность заключить с немцами преждевременный мир»*. Хотелось бы, конечно, услышать оценку этих слов современными монархистами, но им, как обычно, будет недосуг. Этак ведь можно отвлечься от произнесения бесконечных монологов о силе правительства в эпоху Николая II – а на такое они пойти никак не могут.

В Лондоне и Париже восприняли новость о назначении Штюмера, мягко говоря, без энтузиазма. Союзникам по Антанте была прекрасно известна его репутация убежденного германофила, так что они справедливо расценивали перестановку в российском министерстве иностранных дел как первый шаг к заключению мира с Берлином. Английский посол в Петрограде Джордж Бьюкенен напишет потом: *«Обладая умом лишь второго сорта, не имея никакого опыта в государственных делах, преследуя исключительно свои личные интересы, он отличался льстивостью и крайней амбициозностью»*.

С таким же неудовольствием наблюдали за сменой главы российского внешнеполитического ведомства в Париже. Не случайно товарищ министра (так в ту эпоху называлась должность заместителя главы ведомства) иностранных дел Анатолий Нератов по личному указанию Николая II пытался успокоить французского и английского послов. Он заявлял, что перемена не отразится на внешней политике России, которая останется неизменной.

В самом министерстве иностранных дел к появлению Штюмера отнеслись настороженно. Как вспоминал один из ответственных чиновников – Георгий Михайловский, новый министр при личном

знакомстве с каждым сотрудником *«величественно кивал головой и двигался своим грузным телом с нарочитой торжественностью, от его рыжей завитой бороды и нафабранных усов веяло «оберцеремониймейстером».* Было совершенно ясно, что Штюмер будет министром не в фактическом, как был Сазонов, но в формальном смысле слова».

Провозгласив себя сторонником возрождения национальной внешней политики, Борис Владимирович пообещал ввести русские элементы в дипломатический этикет. Однако дальше слов не продвинулся. С появлением Штюмера в МИДе ничего не изменилось, если, конечно, не считать замедленного темпа работы. Объяснялось это некомпетентностью и нерешительностью нового министра, который не способен был оперативно принять нужного решения.

В деятельности Штюмера можно отыскать только два позитивных момента. Во-первых, вопреки печальным прогнозам, всесильный на тот момент Распутин не оказывал заметного влияния на внешнеполитическую деятельность Российской империи. Николай II в эту важнейшую для страны область старца не допускал, хотя тот, вероятно, и рассчитывал с помощью своего ставленника вмешаться и в эту сферу государственного управления.

Во-вторых, Штюмеру удалось вовлечь в войну Румынию. Это был серьезный дипломатический успех, и принижать здесь роль Бориса Владимировича глупо. Однако в самом министерстве многие карьерные дипломаты не одобряли такой сценарий развития событий. Они считали, что вступление Бухареста в войну растянет и без того уже достаточно широкий фронт. Кроме этого, русским войскам придется, вероятно, защищать еще и Румынию, поскольку боеспособность ее армии оставляла желать лучшего.

На этом карьере Бориса Владимировича, по сути, и закончилась. После памятного выступления Павла Николаевича Милюкова в Государственной думе 1 ноября 1916 года (я его описывал в книге «Крах великой империи») Николай II отправил Штюмера в отставку с обоих постов. Немалую роль в этом сыграла и английская дипломатия. Государь император писал в те дни супруге: *«Я приму Штюмера через час и буду настаивать на том, чтобы он взял отпуск. Увы! Я думаю, что ему придется совсем уйти – никто не имеет доверия к нему, даже Бьюкенен говорил мне в последнее наше свидание, что английские консулы в России в своих донесениях предсказывают серьезные волнения в случае, если он останется. И каждый день я слышу об этом все больше и больше. Надо с этим считаться».*

В день отставки Штюмера в министерстве иностранных дел царило

праздничное настроение. Все друг друга поздравляли. Дипломаты искренне считали, что хуже главы ведомства быть просто не может. Знали бы они, что уже через несколько месяцев их новым министром станет Милюков, по сравнению с которым Штюмер мог считаться эталоном практически во всем! Но вот ведь ирония судьбы: имя первого сегодня на слуху – второй же прочно забыт потомками. Явно не о такой памяти о себе мечтал «немец с русским сердцем».

В книге «Крах великой империи» я рассказывал, как идея с депортацией еврейского населения из Польши привела к множеству сложностей: от политических до экономических. Но это было еще отнюдь не самое дикое решение российского правительства в сфере общественной жизни в годы Великой войны. На первом месте стоит немецкий погром. Я далеко не случайно употребляю здесь слово «дикость». Немцы к тому моменту уже 200 лет входили в элиту Российской империи, а династия Романовых, как говорилось выше, была в большей степени немецкой, чем русской. И вдруг – погром.

Логика была чрезвычайно проста: требовалось поддержать патриотический подъем в обществе. Для начала запретили говорить по-немецки. Штраф составлял 3000 рублей. Сумма по тем временам, мягко говоря, немаленькая. Под запрет попало публичное воспроизведение немецких музыкальных произведений. И апогей – переименование городов, носивших немецкие названия. В рамках этой кампании Петербург стал Петроградом. Таким образом были успешно созданы предпосылки для ксенофобского взрыва, который закономерно и произошел в Москве.

26 мая 1915 года. Тверская улица. Почти сотня женщин пришли в Комитет великой княгини Елизаветы Федоровны. Они шили для армии и должны были получить очередной еженедельный заказ. Но в тот день москвички услышали, что работы для них пока нет. Тут же кем-то был запущен слух, что во всем виновата лично княгиня-немка. Это она подло обделила русских женщин работой и отдала заказ немецкой швейной фабрике. Толпа недовольно гудела, но после вмешательства полицейских разошлась. Казалось бы – конфликт исчерпан.

Но слухи уже пошли гулять по Златоглавой. Русские рабочие мануфактуры Гюбнера потребовали уволить всех эльзасцев. Была объявлена забастовка, которая прошла под безостановочное пение «Боже, царя храни» и скандирование «Долой немцев!». Недовольные пытались проникнуть на завод Прохорова и превратить его в еще один очаг стихийного недовольства. Но там незадолго до этих событий была зафиксирована вспышка холеры, и полиция непустила бастующих на

завод.

Продолжение последовало утром 27 мая. Недовольные засильем в промышленности выходцев из Германии отправились к заводу Цинделя. Управляющий Карлсен согласился пустить на территорию несколько представителей забастовщиков, чтобы они сами смогли удостовериться: никаких немцев тут нет. Полумеры не помогли – толпа накинулась на Карлсена. Полицейские попытались спасти беднягу, посадили его в лодку и оттолкнули от берега. Но толпа тут же забросала лодку камнями, и несчастный управляющий утонул. Никого, разумеется, не смущало, что погибший был не немцем, а шведом и имел российское подданство.

Жертвы немецкого погрома в Москве

Беспорядки продолжились в Хамовниках. Под раздачу попали вообще все, кто не понравился погромщикам, включая даже предприятия, принадлежавшие французам – союзникам по Антанте. Полиция приняла решение арестовать всех немцев в Москве, чтобы спасти их от расправы. Кроме того, их уволили со службы. А вот оружие против озверевшей толпы не применялось. Градоначальник считал, что нельзя так обходиться с патриотической манифестацией. Невероятного интеллекта был человек.

28 мая погромы прокатились по всей Москве. Красная площадь превратилась в базар, где с большим успехом шла торговля награбленными драгоценностями и иным имуществом. Закономерно появились и политические лозунги. Французский посол Жорж Морис Палеолог

беспристрастно отметит в своем дневнике: *«Толпа бранила Царских Особ, требуя пострижения Императрицы в монахини, отречения Императора, передачи Престола Великому Князю Николаю Николаевичу, повешения Распутина»*. Современные монархисты, рассуждающие о невероятной любви народа к Александре Федоровне, об этом, разумеется, не вспоминают. Равно как и о требованиях погромщиков в отношении «святого старца». Так значительно проще.

Власть спокойно взидала на все происходящее, считая погромы проявлением стихийного народного протеста против засилья немцев. Ну, имеют право подданные выразить недовольство! И лишь когда в Москве было зафиксировано 30 пожаров, высшие должностные лица спохватились. Полиции и войскам приказали открыть по погромщикам огонь. Но окончательно успокоить бушующую толпу удалось только к 5 июня – и то потому, что громить к тому моменту начали уже русские предприятия.

Общий ущерб составил в пересчете на современные деньги 60 миллиардов рублей. Для воюющей страны, чья экономика и так оставляла желать, мягко говоря, лучшего, – прекрасная иллюстрация абсолютной безмозглости властей. Интересно, с какими чувствами московский градоначальник осматривал Мясницкую улицу, где погромщики уничтожили все (!!!) магазины? Что испытывал этот удивительный человек при виде 60 полностью сгоревших зданий в центре города? Был ли он удовлетворен результатами своей кипучей деятельности, вчитываясь в статистику потерь: убито восемь иностранных подданных, семь солдат московского гарнизона, ранения получили свыше 500 москвичей?

Общий ущерб составил в пересчете на современные деньги 60 миллиардов рублей.

Николай II уроков из произошедшего не извлек. Он своим личным указом запретил принимать немцев на работу. Вы думаете, погромы от этого прекратились? Ничего подобного – они продолжались вплоть до падения 300-летней династии Романовых. Потом, начиная с мартовских дней 1917 года, громить начнут уже всех подряд. И вину за это несет лично государь император – как бы ни был этот факт неприятен его нынешним поклонникам.

В 1920-е годы в русской эмиграции возникнет союз ревнителей памяти Николая II. Его члены напишут великое множество апологетических статей и книг. Но предпочтут не вспоминать про события 1915 года. Неудобная тема. Особенно в свете безудержного восхваления в тех же самых кругах

графа Келлера, который в значительной степени является связующим звеном между двумя эпохами: от событий Великой войны к Октябрьскому перевороту и немецкой оккупации части территории бывшей Российской империи. С него и начнем – перед тем как станем рассказывать про гетмана Скоропадского и события в самой Германии.

Эпоха революционных потрясений

Мне показалось излишним объяснять, что дело не столько в прочитанных книгах, сколько в той умственной тренировке, которую давала работа.

Граф А. А. Игнатьев

«Кругом измена, и трусость, и обман». Знаменитые слова Николая II в день отречения от престола. И не поспоришь. Так все и было. Во всей державе тогда нашелся, по сути, лишь один человек, верный присяге до конца: первая шашка империи граф Федор Артурович Келлер. Он стал широко известен еще в 1905 году, когда, посланный на усмирение польского восстания, подвергся нападению революционеров. Раненный и контуженный при взрыве брошенной в него бомбы, Келлер избежал гибели лишь благодаря собственной ловкости: сумел поймать смертоносный снаряд на лету и отбросить его в сторону. Убежденный монархист, в дни Февральской революции граф сказал своим офицерам, что отправил Николаю II телеграмму: «Третий конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от престола. Прикажи, мы придем и защитим Тебя».

Граф Ф. А. Келлер, генерал от кавалерии А. А. Брусилов, Николай II на смотре 3-го кавалерийского корпуса.

Март 1916 года

Слова Келлера потонули в восторженных криках его казаков. Как и граф, они не скрывали своих монархических убеждений. А спустя несколько часов пришел ответ. Правда, не от Николая II. Командующий Румынским фронтом приказывал Келлеру сдать кавалерийский корпус, иначе его объявят бунтовщиком. Не дождавшись распоряжений от государя императора, граф был вынужден подчиниться полученному приказу.

Говорят, что Федор Артурович вспоминал в тот момент слова святого праведного Иоанна Кронштадтского: «Бог отнимет благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами». Под звуки «Боже, Царя храни!» 60-летний генерал прощался со своими солдатами и офицерами, принимая их последний парад. В глубокой горести, со слезами провожали его израненные в кровопролитных боях Великой войны фронтовики.

Сказать, что Келлера в армии любили, – не сказать в принципе ничего. Бывший его офицер Андрей Шкуро, ставший в годы Гражданской войны генералом в Белом движении, вспоминал уже в эмиграции: «*Воин с головы*

до пят, богатырь двухметрового роста, Федор Артурович Келлер в трудные моменты лично водил полки в атаку и был дважды ранен. Когда он появлялся перед полками в своей волчьей папаше, чувствовалось, как трепетали сердца обожавших его людей, готовых по первому его слову, по одному мановению руки броситься куда угодно и совершить чудеса храбрости и самопожертвования».

Говорят, что Федор Артурович вспоминал в тот момент слова святого праведного Иоанна Кронштадтского: «Бог отнимет благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами».

Покинув действующую армию, Келлер поселился в Харькове. На его глазах происходила «украинизация» губерний и последовавшая за этим оккупация Украины германскими и австрийскими войсками. В те дни Федор Артурович принимал активное участие в деятельности тайной монархической организации, ставившей целью освобождение царской семьи из тобольского заточения. В апреле 1918 года при поддержке немцев была провозглашена Украинская держава во главе с гетманом Скоропадским. И раз уж этот удивительный человек появляется в нашем повествовании, давайте отвлечемся ненадолго от первой шашки России и посмотрим на него внимательно.

Биография Павла Петровича Скоропадского чем-то напоминает увлекательный приключенческий роман. Извилистая дорога от настоящего патриота до врага исторической государственности. В начале ее он – участник Русско-японской и Великой войны, георгиевский кавалер. В представлении к ордену, в частности, отмечалось: *«Несмотря на жестокий артиллерийский и ружейный огонь противника, захватил часть позиции противника и удержал ее, не допустив даже немцев отойти без огромных потерь, чем значительно способствовал окончательному успеху»*. А вот после этого – глава Вооруженных сил Украинской народной республики, гетман Украины, один из лидеров украинской эмиграции, имевший дружеские отношения с Германом Герингом.

Скоропадский старался угодить всем и нигде толком не стал своим. Точнее всех его описал Булгаков в пьесе «Дни Турбиных»: *«Все обстоит благополучно. Какой вчера был ужин во дворце! На двести персон. Рябчики... Гетман в национальном костюме»*. Этим, по сути, и исчерпывается все тогдашнее правление Украиной. И вовсе не случайно,

что современные киевские власти считают Скоропадского кумиром. Они ведь поступают точно так же.

Генерал-лейтенант русской императорской армии П. П. Скоропадский, ставший гетманом Украины

В конце лета 1917 года главнокомандующий русской армией генерал Корнилов отдает приказ генералу Скоропадскому начать «украинизацию» его частей, чтобы поднять боевой дух армии. Это была вовсе не личная инициатива Лавра Георгиевича – он выполнял распоряжение главы правительства Керенского, который уже до этого договорился с самостийниками. Павел Петрович отлично зарекомендовал себя в глазах Центральной рады и прежде всего идеолога украинства Грушевского. Так начинается его стремительная политическая карьера.

Дело было за малым – остановить хаос на Украине. Своих сил у самостийников не имелось, решили сделать ставку на союз с немцами. Те были рады отторгнуть Малороссию. Нужно было только выбрать своего человека – и им становится Скоропадский. В гетманы его произвели... в цирке. Я сейчас вовсе не шучу. Специфика украинствующих сказалась в полном объеме именно в этот волнительный миг. Бывший генерал русской императорской армии, одетый в белую черкеску, вышел на манеж и благодарил за оказанную ему честь на ломаном украинском языке.

Не правда ли, во всей нашей многовековой истории трудно отыскать политическое фиגлярство, равное этому? Я не возьмусь описать это великолепное действо лучше, чем очевидец исторического момента: *«Почтенные «громадяне» так и умолчали о роли, кого они хотят в гетманы, большинство не предполагало даже, что дело дойдет до «избрания» гетмана, многие впервые услышали о существовании Павла Петровича. Но вот и сам он появился на эстраде, с грехом пополам произнес благодарственную речь «громадянам», поспешно и как будто несколько сконфуженно пробрался к автомобилю и поехал домой».* Немцы, впрочем, были вполне довольны новым гетманом Украины. А это главное.

Получив власть, Скоропадский немедленно приступил к созданию необходимых атрибутов независимого государства. Утвердил государственный герб, ввел собственную денежную систему – ничем, разумеется, не подкрепленную, кроме той самой белой черкески. Себя он именовал скромно. Нет, не «паном атаманом Грицианом Таврическим», как кто-то наверняка поспешил подумать. Всего лишь «ясновельможным паном гетманом всея Украины». Главным и единственным союзником во всем стала, конечно же, Германия. Других союзников у великой украинской державы не наблюдалось в принципе.

Бывший генерал русской императорской армии, одетый в белую черкеску, вышел на манеж и благодарил за оказанную ему честь на ломаном украинском языке.

И все было бы совсем хорошо, вот только Германия закономерно проиграла в Великой войне. И разумеется, ей тут же стало не до Скоропадского и его «всея Украины». Коронованный в цирке гетман сбегает из Киева в немецком санитарном поезде. Что ж, ничем иным этот постыдный балаган не мог бы завершиться в принципе. Уровень поддержки Скоропадского в украинском обществе колебался где-то между нулем и ничем – без малейшего шанса на увеличение популярности даже в долгосрочной перспективе.

Самостийники гетмана очень не любили, поскольку под украинизацией понимали вовсе не блистательно описанные Булгаковым сцены из серии «обнял и прослезился». Представители русского общества Скоропадского закономерно презирали, считая его подлым немецким агентом и разрушителем целостности исторической России. И уж совсем плохо к нему относились сторонники большевиков. Сделав ставку на крупную буржуазию, Скоропадский в результате оказался совершенно один. Некому стало даже пафосно произнести тост за здоровье его светлости гетмана всея Украины. Занавес опустился.

Но вернемся к графу Келлеру. Мы расстались с ним в момент формирования самостийной державы. В те дни немецкие штыки ограждали многочисленные гетманские штабы и единственную дивизию от посягательств большевиков. Многие на Украине считали, что немцы смогут навести порядок. Многие, но только не граф. Его однополчанин Сергей Топорков писал впоследствии, что характерной чертой Келлера была нелюбовь ко всему иностранному. И он это всегда подчеркивал, несмотря на свои этнические корни.

Все внимание Федора Артуровича было приковано к Дону. Оттуда постоянно доходили сообщения, что генералы Алексеев и Деникин сражаются с большевиками и немцами во главе созданной ими Добровольческой армии. Келлер хотел принять участие в борьбе, но считал, что ее можно вести только именем самодержавного царя всея Руси, следуя по пути всенародного раскаяния и немедленного воссоздания старой императорской армии. На других условиях присоединяться к деникинцам он не собирался.

Что и неудивительно. Донской атаман Петр Краснов (безотносительно многочисленных вопросов к его личности) в своих мемуарах

охарактеризовал Келлера как рыцаря, оставшегося верным государю и непоколебимо преданного идее монархии. Свидетельство не вызывает сомнений – ведь Краснов знал графа еще по Великой войне, его казачья дивизия входила в корпус Келлера. Граф не оставлял попыток убедить лидеров Белого движения в том, что спасти Россию может только государь император. В письме к генералу Алексееву Келлер подчеркивал: *«Каждый Ваш доброволец чувствует, что собрать и объединить рассыпавшихся можно только к одному определенному месту или лицу. Вы же об этом лице, которым может быть только прирожденный, законный Государь, умалчиваете. Объявите, что Вы идете за законного Государя, и за Вами пойдет без колебаний все лучшее, что осталось в России, и весь народ, истосковавшийся по твердой власти».*

Летом 1918 года еще одним центром борьбы с большевиками стал Киев. Именно там оказалось большинство политиков правого толка. Все они мечтали видеть графа Келлера во главе армии, создаваемой ими при помощи германских военных. К их огромному удивлению, Федор Артурович отказался. Внимательно выслушав предложение, он заявил, что большинство собравшихся – приверженцы немцев, забывшие о том, что они прежде всего – русские и должны помнить про своего царя.

Сказано это было в тот момент, когда в Ипатьевском доме щелкнули затворы. Страшное известие из Екатеринбурга тогда многие называли нелепым слухом. Лишь в сентябре 1918 года киевский митрополит Антоний Волынский отслужил в Софийском соборе панихиду по убиенному государю императору. Келлер дольше всех отказывался поверить в расстрел царской семьи. Он считал, что на помазанника Божьего ленинская партия руку поднять не посмеет.

Этот простодушный рыцарь русского престола, как называли его современники, был почему-то уверен, что все должны помнить о присяге государю императору. Он считал, что если сам всю жизнь следует девизу «За Веру, Царя и Отечество», то так же поступят и прочие. Наивное заблуждение! Однако при этом важно понимать: Келлер мог сколько угодно тешить себя иллюзиями, но никто и никогда не ставил под сомнение его искреннюю верность России до последнего вздоха. Даже генерал Брусилов, с открытой злобой отозвавшийся о графе в мемуарах, не отказал ему в любви к Родине.

Осенью 1918 года в Киев прибыли офицеры Северной армии, которая готовилась принести присягу царю и Российской империи. В полках вводились старые уставы и прежняя униформа с добавлением нашивки – белого креста на левом рукаве. В Пскове, где и происходило формирование

частей, развешивались плакаты с именами знаменитых генералов – Юденича, Гурко и Келлера – как вероятных вождей. О связях некоторых офицеров Северной армии с немцами тактично умалчивалось.

Именно графу, самому известному монархисту, было предложено возглавить армию. Келлер согласился и даже пообещал через два месяца поднять императорский штандарт над священным Кремлем. Своим офицерам он тогда сказал: *«Вспомните и прочтите молитву перед боем – ту молитву, которую мы читали перед славными нашими победами, осените себя крестным знаменем и с Божьей помощью вперед за Веру, за Царя и за неделимую нашу родину – Россию».*

В ноябре 1918 года немецкие войска по условиям заключенного перемирия начали отход к довоенным границам. Воспользовавшись ситуацией, сторонники самостийной Украины во главе с атаманом Петлюрой подняли мятеж против гетмана. Моментально ощутив всю шаткость своего положения, Скоропадский тут же провозгласил создание Всероссийской федерации. Разумеется, с включением в нее Украинской державы. Знакомый с Келлером еще по службе в царской свите, гетман просил его помощи в организации армии, для чего вручил ему всю полноту военной и гражданской власти. Опомнился, что называется.

Генерал от кавалерии Ф. А. Келлер.

Этнический немец, до последнего вздоха служивший России

Федор Артурович, именовавший себя главнокомандующим Украинской и Северной армиями, подчеркивал, что *«может приложить силы и положить голову только для создания великой, единой России, а не за отделение от нее федеративного государства»*. В Киеве его офицеры тут же стали срывать ставшие ненавистными им за эти месяцы желто-голубые флаги, заменяя их русским триколором. Символ украинской самостийности – бюсты Шевченко – разбивались на мелкие куски с особым и нескрываемым удовольствием.

Граф обратился к армии с последним приказом, который венчался поистине исторической фразой: *«Пусть кто хочет, тот эту Украину и защищает, а я ухожу»*.

На новой должности граф продержался меньше недели. Поводом послужил расстрел офицерами Келлера 13 солдат Украинской народной армии. Что стало причиной этому – неизвестно, однако офицеров отдали под трибунал и немедленно казнили. Келлер пытался протестовать, но в результате был тут же отправлен Скоропадским в отставку с формулировкой *«за нелояльные действия»*. Граф обратился к армии с последним приказом, который венчался поистине исторической фразой: *«Пусть кто хочет, тот эту Украину и защищает, а я ухожу»*.

Желающих не нашлось. Для гетманской державы все закончилось в кратчайшие сроки. Тут можно было бы сказать *«любовь без радости была, разлука будет без печали»*, если бы не одно «но»: русские офицеры. Они стоически пытались отбиться от петлюровских войск, которые значительно превосходили их по численности. Келлер взял на себя руководство обороной, хотя имел возможность покинуть Киев. Один из его подчиненных вспоминал уже в эмиграции: *«Времени для рассуждения не было, и граф, отлично понимавший в душе всю трудность и даже безнадежность такой попытки, не счел, однако, возможным не пойти на зов русского офицерства»*.

Но сдержать противника даже графу Келлеру оказалось не под силу. Да и что он мог сделать, если под его командованием оказалось всего несколько тысяч гимназистов и кадетов? Ворвавшиеся в Киев петлюровцы предавали мучительной смерти пойманных на улицах офицеров и защитников города, глумились над уже мертвыми телами. Германские

военные, преклоняясь перед доблестью Келлера, предлагали ему укрытие при условии, что он согласится снять форму и сдать именное оружие, но граф даже в целях самосохранения не пожелал расставаться ни со своими погонами, ни с полученной от государя шашкой.

Сказалась нелюбовь Келлера ко всему иностранному. Шашку, подаренную ему Николаем II, он решил надежно спрятать. Однако толпа на улице напала на его адъютанта и отобрала столь ценную для Федора Артуровича реликвию. В своем дневнике он с горечью записал: *«Утром я прочел в газетах, что моя шашка – боевой трофей. Хорош трофей, взятый при ограблении у мирно ехавшего по городу на извозчике безоружного Ивана. Казалось бы, хвастаться нечем, но, очевидно, хочется этим господам боевой славы».*

Келлер поселился в Михайловском монастыре с двумя находившимися при нем адъютантами. Когда петлюровцы явились туда с обыском, монахи предложили графу уйти потайным ходом. Для генерала это было неприемлемо. Он через адъютанта сообщил о себе пришедшим, и, естественно, его тут же арестовали. Келлер не сопротивлялся. Сам он любил повторять, что в любой момент готов отдать жизнь за русский престол, не раздумывая ни секунды. Во время Первой мировой войны он был трижды тяжело ранен – и каждый раз возвращался в строй, игнорируя советы врачей.

В ночь на 8 декабря 1918 года петлюровцы приняли решение о переводе графа в Лукьяновскую тюрьму. Федор Артурович под конвоем шел вдоль стен Софийского собора, мимо памятника Богдану Хмельницкому. В этот момент из ближайшего сквера раздался залп по арестованным. Конвой добивал раненых выстрелами и ударами штыков в спины. 60-летний граф Келлер пал, сраженный 11 пулями. Генерал Александр Воейков вспоминал уже в эмиграции: *«Окончив свою работу, доблестные петлюровцы разбежались. Трупы были взвалены на подоспевшую к месту убийства телегу, которая была увезена в Михайловский монастырь и брошена на произвол судьбы».* Спустя 100 лет на Украине примерно так же убьют Олеса Бузину...

Два русских офицера, имевших прямое отношение к Германии. Один в ней родился, второй был этническим немцем. Две судьбы, опаленные двумя войнами – Великой и Гражданской. Но до чего они разные! Келлер войдет в историю человеком чести, до последнего вздоха верным своим принципам и своей Родине. Скоропадский – посмешищем, чью несуразную политическую карьеру не спасет даже помощь педантичных до безобразия немцев.

А теперь посмотрим внимательно на Германию – мы ведь до сих пор обделяли ее вниманием. Итак, к началу 1918 года всем стало очевидно, что война проиграна. Сказался численный перевес противника и значительное превосходство Антанты в артиллерии. В самой империи начался голод. Немцы стойкий народ. Они готовы терпеть лишения и отдавать свои жизни за Родину. Но только до тех пор, пока сохраняется вера, что эти лишения и жертвы не напрасны и победа в войне будет достигнута.

Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский, последний германский император и король Пруссии

Весна 1918 года, несмотря на оккупацию Украины и очередное наступление на Париж, развеяла остатки прежнего энтузиазма. Ощущение полной безнадежности и бессмысленности дальнейшего кровопролития расшатало устойчивые прежде к революционной пропаганде солдатские

массы. Они все чаще смотрели в сторону бывшего противника по войне и задавались вопросом: если русские все уже закончили, то чем мы хуже? И не следует ли поступить с Вильгельмом II так же, как с Николаем II?

4 ноября 1918 года кайзеровское правительство проанализировало складывающуюся на фронте ситуацию. Была она на редкость удручающей. Антанта перешла в наступление во Франции и того и гляди выйдет в тыл Австро-Венгрии, Болгария уже капитулировала. В Берлине понимают: «Финита ля комедия». Следует обращение к правительству США с предложением начать мирные переговоры. Если это и не было капитуляцией, то однозначно – признанием невозможности достичь победы. Именно так и восприняла эту новость германская армия.

Между тем Вашингтон не спешил отвечать на заманчивое предложение. США хотели унизить Вильгельма II, и это им удалось. Кайзер отправил в отставку культовую для армии фигуру – генерал-квартирмейстера Эриха Людендорфа. В правительстве появились социал-демократы. Однако цели своей последний германский император не достиг – если, конечно, не считать таковой демонстрацию всему миру агонии собственного государства.

Германское командование, в надежде получить не самые позорные условия для заключения мира, послало флот в атаку на англичан. Немецкие моряки пошли не просто в атаку, а фактически на самоубийство. Один из офицеров был готов расстрелять весь имеющийся у него боезапас, а потом с высоко поднятым флагом гордо отправиться ко дну под «Песнь немцев». Неудивительно, впрочем, что даже минимальной поддержки среди матросов он в своем жертвенном порыве не сыскал.

Больше того – матросы подняли мятеж. Немедленно последовали аресты. Подпольная организация моряков призвала выволочь товарищей из тюрьмы и захватить корабли. Прозвучало и политическое требование об отречении Вильгельма II от престола. То есть, по сути, в Германии был успешно реализован российский сценарий. Сходство дополняет и то обстоятельство, что правительство не решилось применить силу, а сперва и вовсе попыталось скрыть информацию о бунте. Но было уже поздно. В Германии появляется коммунистическая партия.

То есть сначала нужно власть отстоять, а только потом браться за построение принципиально нового общества. Благо и пример уже положительный имеется.

Ее главным теоретиком стала Роза Люксембург. Несмотря на

многолетнее знакомство с Лениным, их отношения трудно назвать безоблачными. Скорее, напротив, по целому ряду вопросов наблюдались непримиримые противоречия. Например, в 1908 году Люксембург выпустила статью «Национальный вопрос и автономия». Вождь большевиков ответил работой «О праве наций на самоопределение». Но не убедил: идеолог германских коммунистов осталась при своем мнении: *«Не что иное, как пустая мелкобуржуазная фразеология и надувательство»*.

При этом Роза Люксембург чрезвычайно высоко ценила русскую революцию и правильно трактовала все произошедшее. Кстати, не такая уж простая задача, как показывает практика. Многие до сих пор не в состоянии ее решить, рассказывая сказки про «страну с молочными реками, которую сокрушили проклятые германские шпионы». Я об этом подробно писал в книге «Крах великой империи», поэтому повторяться не буду. Так вот, Роза Люксембург без малого 100 лет назад сделала совершенно правильные выводы.

В ее так и не законченной рукописи «О социализме и русской революции» содержится безукоризненно точное описание процесса. *«Большевики – исторические наследники... французских якобинцев. Но конкретная задача, которая выпала на их долю... после взятия власти, была несравненно труднее, чем задачи их исторических предшественников... Было бы дурной шуткой требовать... от Ленина и его товарищей, чтобы они... в бурном водовороте внутренних и внешних боев, теснимые бесчисленными врагами... смогли разрешить или хотя бы взяться за решение... самой трудной задачи социалистического преобразования»*.

То есть сначала нужно власть отстоять, а только потом браться за построение принципиально нового общества. Благо и пример уже положительный имеется. Именно по этой схеме предполагали действовать немецкие коммунисты. Отклонение от ленинского учения было одно, но крайне серьезное. Люксембург настаивала на усилении рабочей демократии вместо диктатуры революционной партии. И, на мой взгляд, именно это не позволило повторить в Германии успешный с данной точки зрения русский сценарий.

Р. Люксембург, одна из лидеров немецких коммунистов

В январе 1919 года вспыхивает закономерное восстание. Казалось бы, используйте в полном объеме ленинские наработки – и будет счастье. Ничего своего придумывать не нужно. Все уже сказано и продемонстрировано. Но немцы зачем-то начинают импровизацию. Есть известное правило революционных ситуаций: смешение жанров – прием недопустимый. И в нужный момент германских коммунистов сгубил собственный педантизм.

Лидеры встречаются, совещаются, но решения принять не могут. Им бы даже не Троцкого своего занять – хотя бы Антонова-Овсеенко! Но нет фигур подобного масштаба в рядах немецких коммунистов. Пока они азартно спорят, на улице вооруженные отряды захватывают редакции газет. И если бы у этой революционной стихии нашелся хотя бы один лидер, сравнимый с любым из членов первого ленинского Совнаркома, – они бы за полдня взяли под контроль весь Берлин. Вместо этого в штабе революции пустомели продолжали состязаться в произнесении страстных монологов ни о чем.

Вы не поверите, но германские коммунисты в ключевой момент не сумели договориться о тактике собственных действий. Роза Люксембург была против немедленного свержения правительства – что есть откровенная ересь с точки зрения ленинской революционной практики. Но и ее оппонент Карл Либкнехт оказался в этом смысле не меньшим еретиком. Он призвал бороться против правительства, следуя за спонтанным движением масс. И этим оказал огромную и неоценимую услугу своим противникам.

Я не берусь даже предполагать, что испытал Владимир Ильич Ленин, когда ему стало известно о немощи германских коммунистов. Вероятно, он был в шоке. В голове крупнейшего теоретика и практика революции такое просто не могло уложиться. Не возьмусь также судить о чувствах Троцкого и Сталина. Полагаю, что Иосиф Виссарионович незлым тихим словом помянул тогда многих немецких матерей, а Лев Давыдович устало и обреченно протер пенсне. Мировая революция была близка как никогда, но похоронили ее именно те, на кого марксисты всегда возлагали особые надежды.

Немецкие коммунисты вновь выводят людей на демонстрацию. Вот только вооружить их нечем – с армией договориться не смогли. Вместо пистолетов и винтовок манифестанты держат в руках плакаты «Братья, не стреляйте!». В пригороде Берлина формируется сводная колонна правительственных войск. Около 3000 солдат – но больше и не нужно. Они

вооружены и полны решимости не допустить в Германии повторения русской «каиновой мясорубки».

11 января 1919 года наступает кровавая развязка. Используя пушки и пулеметы, войска подавляют восстание с такой жестокостью, что перед ней меркнет даже история Парижской коммуны. Пленных революционеров ставили к стенке и расстреливали – осколки черепов и кусочки мозговой ткани разлетались в разные стороны. Скоро дошла очередь и до идеологов германской коммунистической партии. Люксембург и Либкнехт были обнаружены, избиты до потери сознания прикладами винтовок и убиты выстрелами в голову. Такова цена ошибки в момент революции.

К. Либкнехт, один из лидеров германских коммунистов

Незадолго до смерти лидеры КППГ успели проанализировать причины своего провала. Либкнехт выделил три основных момента: солдаты не поддержали восставших, не было сильных руководителей, германский обыватель оказался на стороне буржуазии. Справедливые замечания, не поспоришь. Но без ответа почему-то остается главный вопрос: а кто в этом виноват? Я понимаю, что с мертвого Либкнехта не спросишь, но давайте спустя без малого 100 лет подумаем о каждом из этих пунктов без привычных идеологических клише.

Солдаты не поддержали восставших. Огорчительно, согласен. А кто в этом виноват? Почему агитаторы КППГ не работали по схеме своих старших братьев из РСДРП(б)? Легко сожалеть, что армия оказалась против, не делая при этом ровным счетом ничего для того, чтобы она была с тобой в ключевой момент революции. Не говоря уже о том, что прусское офицерство (как, кстати, и русское) традиционно оставалось вне политики. И было верхом наивности ожидать, что непонятно ради чего оно изменит собственным принципам.

А между тем лидер российских большевиков сразу максимально точно обозначил причины краха революции в Германии. У немецких рабочих не было настоящей революционной партии.

У Коммунистической партии Германии не нашлось сильных руководителей. Этим заявлением Либкнехт выпорол прежде всего сам себя. Если ты сам себя в важнейший революционный момент не считаешь серьезным лидером – освободи место и занимайся маниловщиной сколько твоей душе угодно. Если ты понимаешь, что не смог вырастить необходимое число нестигаемых борцов за народное счастье, – немедленно подавай в отставку. Но ничего этого не последовало. А смерть от рук бойцов фрайкора благополучно списала все ошибки, так что на страницах произведений советского агитпропа о них нет ни слова.

И теперь – венец теоретических изысканий Либкнехта: бюргер не поддержал революцию. Один вопрос: а с чего вдруг он должен был это сделать? Германские газеты того времени полны отчетов о происходящем в России. В Берлине оказалось множество русских эмигрантов. Все они не молчали о событиях на своей Родине. Почему вы думаете, что житель Баварии или Тюрингии, читая те монологи, должен был вспылать

невероятной любовью к классовой борьбе, в ходе которой его с гарантией поставят к стенке? Надо понимать, что никаких иных методов построения счастливого пролетарского государства тогда не существовало. И то, что немецкий обыватель не захотел сжигать дотла кирхи, не должно вызывать удивления. Как раз напротив, это чувство должно сопровождать любого, читающего предсмертные сожаления Либкнехта о провале революции.

Еще хлеще обозначила причины краха Роза Люксембург. Тут вообще остается лишь развести руками. По ее мнению, рабочие массы показали свою незрелость и ровно поэтому революция не завершилась успехом. Невероятно глубокая мысль. А вопросы остаются те же самые: а кто виноват-то в этом? Кто конкретно мешал фрау Розе засучить свои крахмальные манжеты и обратить самое пристальное внимание на агитацию в рабочей среде? Кто заставлял фрау Розу в годы Великой войны тратить время и силы на бесконечные дискуссии вместо выстраивания правильной работы с ядром будущей революции? Наконец, кто ответственен за то, что фрау Роза, вместо того чтобы повторить успешный ленинский опыт, взялась полемизировать с гением революции?

С этим невозможно спорить. Роза Люксембург и Карл Либкнехт не откололись своевременно от социал-демократической политики, как это сделало ленинское крыло РСДРП в 1903 году. Вместо того чтобы планомерно готовить пролетарскую революцию и формировать костяк принципиально новой для Германии партии, они занимались словоблудием. Революция такого не прощает в принципе.

Не стоит сбрасывать со счетов и фактор многочисленных добровольческих корпусов, сиречь фрайкоров. Это они подавили революцию в Германии и в дальнейшем именно выходцы из них станут основой Немецкой национал-социалистической рабочей партии Адольфа Гитлера. Но о ней мы успеем еще поговорить на страницах этой книги. Пока же посмотрим на действия фрайкоров в первые месяцы 1919 года и сравним их с попытками русской контрреволюции не допустить прихода большевиков к власти. Даже в этом, если угодно, шло противостояние двух великих держав.

Фрайкор. На броневику «мертвая голова» – через 20 лет этот символ получит печальную известность во всем мире

«Фронтовики воплощают собой самые ценные и отборные силы народа» – подобные фразы тогда нетрудно было отыскать почти в каждой германской газете. Почему же пассионарный национальный элемент занял сторону контрреволюции? Ответ необычайно прост. Пока лидеры КПП работали исключительно с узким общественным кластером, игнорируя военную среду, – другие на нее опирались. Фронтовики опасались, что, опираясь на поддержку русских большевиков, местные коммунисты попытаются реализовать в Германии тот же сценарий. Они уже знали, что означают слова «отправить в штаб к Духонину», и категорически не желали

следовать тем же маршрутом.

В России ленинская партия ради достижения своих целей (принимать их или нет – вопрос в данном случае вторичный) объявила тотальную войну всем политическим и общественным противникам. Большевики не разменивались на пустопорожние споры, не позволяли себе демонстрировать внутреннюю слабость. Они совершали поступки, которые ужаснули старушку Европу. И закаленные в огне Великой войны немцы не захотели испытать на себе методологию построения военного коммунизма. Они массово двинулись во фрайкоры, продемонстрировав примат национального над интернациональным.

При этом нужно отдавать себе отчет: под понятием «фронтовик» в данном случае понимается вовсе не тот, кто провел какое-то время в окопах Великой войны. В Германии 100 лет назад к фронтовикам относились только те, кто сознательно шел сражаться и гибнуть за идею. На их примере подрастали юноши. И когда революция незамедлительно стала избавляться от символов мужества, чести и храбрости – военные сразу шагнули в ряды фрайкоров.

Главным отличием революционных событий в России и Германии стало то, что немецкие солдаты и офицеры до конца сохранили верность присяге и свои высокие боевые качества. Даже роспуск кайзеровской армии не повлиял на их взгляды. Внутренние и внешние политические силы по определению не могли рассчитывать на экспансию своих идей в этой среде. Больше того, многие получили дополнительную прививку от радикальных взглядов, насмотревшись на все происходящее в России.

Позвольте, воскликнет тут иной нетерпеливый читатель, но вы же сами сказали, что мятеж в Германии начали военные моряки! А значит, какая-то часть армии могла стать объектом успешной агитации для революционных партий? В этом и состоит распространенное заблуждение. Не стоит сравнивать войну в море и на суше. По сравнению с Верденской мясорубкой можно сказать, что матросы четыре года провели на курорте. И ровно по этой причине не захотели испытать на себе реалии той войны.

На фронте же дух того самого солдатского товарищества был значительно выше. Почему – догадаться не столь сложно. Представьте: вы несколько лет находитесь под постоянным артиллерийским обстрелом противника, на вас распыляют отравляющие газы, вы вместе кормите вшей в окопах и вместе гибнете в атаках. Эта спайка на крови закаляет характер и не дает вам впоследствии возможности изменить могилам погибших товарищей по полку. На этом в дальнейшем построит свою риторику Адольф Гитлер.

Ярче всего (если, конечно, позволительно будет так сказать, оценивая их деятельность) фрайкоры проявили себя во время ликвидации Баварской Советской республики в том же 1919 году. Сценарий сначала повторял события в России. Восставшие рабочие объявили все органы власти распущенными и образовали свое правительство – Исполком фабрично-заводских и солдатских советов Мюнхена. В него вошли члены коммунистической и социал-демократических партий.

Печальный урок событий в Берлине был учтен. Коммунисты начали активно вооружаться. Появились отряды Красной армии и Красной гвардии. Не правда ли, знакомые названия? Полноту сходства со старшим революционным братом дополняли первоочередные решения правительства: национализация банков, ликвидация оппозиционных газет и журналов, организация рабочего контроля на предприятиях. А главное – была создана своя Чрезвычайная комиссия. Ленин мог быть вполне доволен.

Мюнхен постепенно окружался правительственными войсками и фрайкорами. Но вместо того, чтобы готовиться к боям не на жизнь, а на смерть ради торжества революции, лидеры вступили в острую политическую борьбу между собой.

Он, кстати, весьма высоко оценил первые успехи германских коммунистов. В частности, писал в те апрельские дни 1919 года: *«Необходимо обложить буржуазию чрезвычайным налогом и дать рабочим, батракам и мелким крестьянам сразу и во что бы то ни стало фактическое улучшение их положения»*. То есть полностью реализовать опыт большевиков на ниве построения нового общества, включая, разумеется, и репрессивную политику. Еще дальше пошел Троцкий. Апологет экспансии революции считал, что эти весенние месяцы станут решающими в истории Европы. Однако Лев Давыдович ошибся.

У Баварской Советской республики была одна проблема, из которой, собственно, и проистекают все дальнейшие неприятности местных коммунистов. Мюнхен постепенно окружался правительственными войсками и фрайкорами. Но вместо того, чтобы готовиться к боям не на жизнь, а на смерть ради торжества революции, лидеры вступили в острую политическую борьбу между собой. Различные группы левых истступленно спорили друг с другом. Это, конечно, проще, чем формировать боеспособные отряды.

Баварская республика.
Фрайкоровцы расстреливают коммуниста

Результаты такого подхода к революционному процессу не замедлили сказаться. «Красная Бавария» в кратчайшие сроки пала под ударами хорошо подготовленных, а главное – не колеблющихся в принятии решений частей фрайкоров. Немедленно последовали традиционные в таких случаях расправы над пленными. Согласно официальным данным, погибло 557 человек. Но сколько из них пало в боях с правительственными войсками, а сколько было расстреляно без суда и следствия – большой вопрос. Повезло тем, кто был арестован уже после окончания активных действий. Они были осуждены к различным срокам тюремного заключения.

Интересно проследить, как освещалась жизнь и скоропостижная кончина Баварской Советской республики в советской печати. Сначала был, разумеется, безудержный восторг. Это ничего, что Колчак и Деникин переходят на своих фронтах в наступление. Проблему внутренних врагов мы уж как-нибудь решим, особенно – в свете долгожданной мировой революции. Смелее, товарищи, на врага, баварский пролетариат с нами! Вся Германия содрогается от начавшейся там гражданской войны, счастье рабочих и крестьян близко как никогда!

Но уже в первых числах мая 1919 года тон меняется. Читатели газеты

«Известия» с горечью узнают, что Баварская Советская республика, по всей видимости, пала в неравном бою, потому что ее не поддержал пролетариат других стран. Можно, конечно, пенять на несознательность рабочих в Австрии, Италии и Франции. Но всему виной – действия лидеров революции. Во второй раз за полгода они пренебрегли широчайшим ленинским практическим опытом построения военного коммунизма и закономерно проиграли в обоих случаях.

Сегодня стало чрезвычайно модно рассуждать про германский след в Октябрьской революции. Неокрепшие умы повторяют мифы различной степени вздорности. Но при этом никто почему-то не хочет обратить внимание на обратный процесс: ленинский след в германской революции. А он ведь намного более интересен. Хотя бы потому, что, в отличие от немецкого, действительно прослеживается. И имя у того следа имеется: Александр Емельянович Абрамович. Что-то мне подсказывает, что про него вы едва ли когда-нибудь слышали. А раз так, давайте познакомимся со старым большевиком поближе.

А. Е. Абрамович. В революционном движении с 1905 года, эмиссар Ленина в Баварской Советской республике

Родился он в семье крупного землевладельца в Херсонской области. После одесской гимназии поступил на медицинский факультет Новороссийского университета. Оттуда был оперативно исключен за участие в антиправительственных акциях. Неприятности на этом не закончились: Абрамовича выгнали из родного дома. Очень уж его отцу не понравилась профессия карбонария, к которой тяготел отпрыск. Так что революционная стихия поглотила молодого человека полностью.

Не очень сложно догадаться, что совсем скоро он вступит в Российскую социал-демократическую партию. Дальнейшая карьера шла по нарастающей: арест, тюрьма, вечное поселение в Сибирь, побег оттуда, эмиграция, участие в работе революционных движений в Европе. Путь, характерный для многих первых большевиков. После Февральской революции Абрамович вернулся в Россию. И дальше его биография складывалась классическим для тех лет образом: подпольная работа, организация отрядов Красной гвардии, бои с контрреволюционерами. А дальше началось самое интересное.

Февраль 1919 года. Выполняя задание Центрального комитета Российской коммунистической партии большевиков, Абрамович нелегально отправляется в Германию. А если говорить конкретно – в Баварию. Ему предстояло налаживать связь с марксистскими партиями в Европе. К сожалению, для Ленина его усилий не хватило. Каких именно усилий – вы сейчас поймете. Достаточно ознакомиться с коротким фрагментом воспоминаний Александра Емельяновича.

Помощь российских революционеров баварской революции выглядела в частности так: *«В Мюнхен приезжает курьер и передает для мюнхенской партии 30 000 крон. Случайно я являюсь к нему для того, чтобы расспросить о положении дел в Венгрии. Он чуть ли не падает в обморок и дает мне еще 50 000 крон, но потом оказывается, что он получил 150 тысяч и разделил их между своими приятелями»*. Этому свидетельству можно полностью доверять. Абрамович явно знал, о чем рассуждал. По некоторым данным, он даже входил в правительство Баварской Советской республики.

Тем интереснее для нас его собственная оценка причин краха революции. *«Мы в Западной Европе имеем дело не с восставшими массами, которые только не сумели еще захватить власть, а с одураченными своими вождями и под влиянием экономических условий*

только начинающими приходить в себя пролетариями. Следовательно, к этим массам нужно подходить с совершенно другой меркой и поступью, нежели в России». То есть великолепная идея Троцкого о мировой революции тут же столкнулась с непреодолимыми практическими трудностями. И они в значительно большей степени, чем разгром армии Тухачевского под Варшавой в 1920 году, заставили Москву скорректировать свои планы.

Тем более и на внутреннем фронте борьбы с контрреволюцией дела обстояли пока не столь блестяще. Отдельно и, надо сказать, весьма активно досаждали этнические немцы в Белом движении. Про генералов Миллера и Врангеля я рассказывал в книге «Россия в огне Гражданской войны». Теперь предлагаю поговорить про барона Роберта-Николая-Максимилиана фон Унгерн-Штернберга, которого в России привычно называют Романом Федоровичем. Очень яркий персонаж!

Современники называли его «Бог войны» и «Самодержец пустыни». Среднего роста блондин, с длинными, опущенными по углам рта рыжеватыми усами, худой и изможденный с виду, но железного здоровья и энергии, Унгерн, казалось, жил войной. Не случайно монгольские ламы провозгласили его воплощением Махагалы – хранителя веры, устрашающего и беспощадного. Это гневное шестирукое божество изображается в диадеме из пяти черепов, с ожерельем из отрубленных голов, с палицей из человеческих костей в одной руке и с чашей из черепа в другой. Побеждая врагов, Махагала ел их мясо и пил их кровь.

Генерал-лейтенант Р. Ф. Унгерн-Штернберг

Никто из лидеров белых армий не удостоивался таких жутких сравнений. Неудивительно, что даже члены русской эмиграции воспринимали барона далеко не однозначно. Его командир по Великой войне генерал Врангель так отозвался об Унгерне в своих мемуарах: *«Это не офицер в общепринятом значении слова, ибо он не только совершенно не знает самых элементарных уставов, но сплошь и рядом грешит против воинского воспитания»*. Однако боевые заслуги Романа Федоровича никем сомнению не подвергались. Особенно ярко они проявились во время Гражданской войны.

Не в силах наблюдать крушение исторической России, в ноябре 1917 года 31-летний Унгерн отправился к своему однополчанину по Великой войне Григорию Семенову, который формировал в Забайкалье добровольческую часть для борьбы с большевиками. Барон стал военным советником монгольского князя Фушенги, командовавшего отрядом в 800 всадников самого дикого и боевого племени – харачинов. Взяться руководить отпетыми головорезами мог только такой человек, как Унгерн. Однако его высоко ценили японские офицеры, которые всегда отличались особым воинским кодексом чести.

Тем более и на внутреннем фронте борьбы с контрреволюцией дела обстояли пока не столь блестяще. Отдельно и, надо сказать, весьма активно досаждали этнические немцы в Белом движении.

Они быстро уловили неподдельный интерес Унгерна к Востоку, знание буддизма, полное отсутствие симпатий к Западу. Барон заявлял, что только Япония способна противостоять как американскому и европейскому империализму, так и большевизму. Русский офицер, монархист до мозга костей, ободренный поддержкой союзников, удивлял тогда всех своей сокровенной мечтой – возродить державу Чингисхана. Барон убеждал всех: *«Это государство должно состоять из отдельных автономных племенных единиц. В союз должны войти китайцы, монголы, тибетцы, афганцы, племена Туркестана, татары...»*

После взятия Семеновым Читы в 1918 году Унгерн приступил к формированию знаменитой Азиатской конной дивизии. Ее основу составляли бурятские и монгольские всадники. На штабные должности и в артиллерию назначали в основном русских офицеров. Барон оставался

верен себе и ничьей власти не признавал, включая ближайшее окружение Семенова. Да и атаман, хорошо зная характер своего сослуживца, по пустякам того не тревожил. Монголы и буряты боготворили Унгерна, считали его потомком Чингисхана.

Барон действительно мало чем отличался от своих головорезов. Больше того: он стремился быть одним из них. Еще во время Первой мировой войны он удивлял генерала Врангеля своими, мягко сказать, странными манерами. Петр Николаевич потом напишет в своих воспоминаниях: *«Оборванный и грязный, Унгерн спал всегда на полу, среди казаков сотни, ел из общего котла и, будучи воспитанным в условиях культурного достатка, производил впечатление человека, совершенно от них отрешившегося. Тщетно пытался я пробудить в нем сознание необходимости принять хоть внешний офицерский облик. Он – тип охотника-следопыта из романов Майн Рида».*

В молодости любивший выпить, Унгерн внезапно стал убежденным трезвенником. Его безумно раздражали постоянные застолья Семенова в Чите, где тот с размахом праздновал победы над большевиками. В крепости барона в Даурии, совсем как в средневековом рыцарском замке с беспощадным хозяином, обитателям было не до обильных возлияний. За дисциплинарный проступок вполне могли забить насмерть. Приводили наказание в исполнение китайцы, нанося порой до 200 ударов березовыми палками. Унгерн не скрывал своей симпатии к «розговому воспитанию» и иной раз приказывал пороть даже офицеров.

Сам он любил повторять, что в армии должен быть железный порядок. Уже в эмиграции его выжившие в огне Гражданской войны сослуживцы вспоминали, как однажды барон заставил интенданта съесть всю партию недоброкачественного сена. А штабс-капитана, уронившего при переправе в реку запас муки, приказал утопить. Надо сказать, что солдатам подобные методы барона нравились. «Лют, но справедлив», – говорили они. Может быть, поэтому 32-летний командир Азиатской дивизии получил прозвище «дедушка».

Известие о присвоении Унгерну звания генерала было с восторгом встречено в дивизии. Приехавшему в то время в Даурию американскому журналисту Александру Грайнеру казаки с удовольствием рассказывали о своем командире, а сам барон согласился дать интервью, единственное в его жизни. Уже позднее репортер вспоминал о своих первых впечатлениях при встрече с его превосходительством Унгерном: *«Передо мной предстала странная картина. Прямо на письменном столе сидел человек с длинными рыжеватыми усами и маленькой острой бородкой, с шелковой монгольской*

шапочкой на голове и в национальном монгольском платье, с золотыми русскими погонами. Он повернулся ко мне и сказал, смеясь: «Мой костюм показался вам необычным? Большая часть моих всадников – буряты и монголы, им нравится, что я ношу их одежду».

Кроме беспощадного отношения к своим подчиненным Унгерн прославился и тем, что периодически объявлял войну спекулянтам, проституткам и алкоголикам. Перевоспитывали тогда «деклассированных элементов» в Даурской тюрьме. По слухам, она не сильно отличалась от подвалов ВЧК. Гражданская война, ничего не попишешь. Методы барона зачастую пугали даже его офицеров, самому же генералу приходилось постоянно оправдываться: *«Мы боремся не с политической партией, а с сектой разрушителей всей современной культуры. Почему же мне не может быть позволено освободить мир от тех, кто убивает душу народа?»*

Спорить с Унгерном никто не решался. На его солдат огромное впечатление производили ежевечерние прогулки генерала по сопкам вокруг Даурии. Оттуда постоянно слышался жуткий вой волков и одичавших собак. Животные замолкали, только когда чувствовали приближение Унгерна. «Они признают в нем вожака», – шептались монголы. Барон вообще многим казался эталоном нестигаемого воина, своеобразной реинкарнацией рыцарей Крестовых походов.

В августе 1919 года Унгерн женился на китайской принцессе, дочери сановника «династической крови». После крещения она получила православное имя – Елена Павловна. Барона в этом браке интересовало только родство с величайшей из восточных династий Цин. После свадьбы жена благополучно отбыла в родительский дом, а генерал продолжил свою борьбу. О молодой супруге Унгерн, судя по мемуарам его офицеров, даже не вспоминал, лишь незадолго до своего легендарного похода в Монголию расторг брак, чтобы принцесса не осталась вдовой. По китайской традиции, для развода достаточно было официального письма мужа жене, которое барон с необычайной легкостью и написал.

Снова дадим слово современникам Унгерна: *«Бледные, выцветшие глаза маньяка», «какие-то безразличные».* В нем *«не было позерства»*, хотя и *«напоминал он византийскую икону».* Казалось, что барон весь состоял из противоречий: *«несомненный, оригинальный и острый ум... поразительное отсутствие культуры и узкий до чрезвычайности кругозор».* Очень своеобразный был человек, в котором странным образом сочетались застенчивость и дикость. Не случайно его командир по Великой войне генерал Врангель в своих воспоминаниях отметил: *«Этот тип должен был*

найти свою стихию в условиях настоящей русской смуты... Он не мог не быть хоть временно выброшенным на гребень волны и также неизбежно должен был исчезнуть».

На рассвете 3 февраля 1921 года Урга пала. Унгерн стал фактическим диктатором Монголии.

В октябре 1920 года под командованием барона было всего лишь 800 казаков – но это не помешало ему отправиться на помощь свергнутому китайцами монгольскому правителю Богдо-гэгэну. Генерал Унгерн без раздумий атаковал восьмитысячный гарнизон, чтобы хотя бы над Монголией реяло белогвардейское знамя. Первый штурм Урги, как раньше назывался Улан-Батор, был отбит. Но уже на следующий день сотни барона спешили и вновь пошли прямо на пулеметы. Казаки падали, откатывались назад, но беспрерывно начинали новые атаки. После этого китайцы стали считать Унгерна ужасным противником, с которым лучше не сходить в бою.

В самом деле, было в этом что-то демоническое и очень напоминающее штурм Екатеринодара Добровольческой армией генерала Корнилова. Барон был всегда в самом пекле. В атаку он шел без оружия – лишь монгольский ташур (камышовая трость) в руке. Унгерновцы выбили китайскую пехоту с позиций, однако свежее подкрепление решило исход дела в пользу противника. Азиатская дивизия, потерявшая половину своего состава, отошла от Урги. Но барон не был бы самим собой, если бы признал себя побежденным.

Он решил похитить Богдо-гэгэна. Под видом паломников воины Тибетской сотни проникли во дворец и перебили всю охрану. Ждавшая сигнала ударная группа, подхватив «живого Будду» вместе с женой, бросилась к выходу. А у стен дворца уже шел страшный бой между опомнившимися китайцами и казаками. 12-тысячный гарнизон Урги впал в мистическое отчаяние – «Ужасный барон» вновь стоял под стенами города.

Наивно, впрочем, было бы ожидать от него иного. И друзьям, и врагам было хорошо знакомо основное жизненное кредо Унгерна: *«Я не знаю пощады, и пусть газеты пишут обо мне что угодно. Я плюю на это! Я твердо знаю, какие могут быть последствия при обращении к снисходительности и добродушию в отношении диких орд безбожников. Я потомок крестоносцев и рыцарей. Против убийц я знаю только одно средство – смерть».* Вопросов после такой формулировки не должно оставаться в принципе.

На рассвете 3 февраля 1921 года Урга пала. Унгерн стал фактическим диктатором Монголии. Спустя несколько месяцев он отдал свой знаменитый приказ о начале освободительного похода в Советскую Россию и о беспощадной борьбе с большевиками. Но военное счастье уже изменило барону. Азиатская дивизия была фактически разгромлена превосходящими во много раз силами красных. Может быть, в глубине души сам генерал и понимал, что обречен, но смириться с поражением не мог. На военном совете им было принято решение отступить в Тибет.

Далеко не всем его подчиненным, включая даже самых преданных монголов, понравился такой план. В результате барон стал жертвой предательства. Заговорщики открыли стрельбу из нескольких револьверов по выходящему из своей палатки Унгерну, но даже не смогли его ранить. Генералу удалось скрыться. Тогда мятежные офицеры решили увести дивизию подальше от места бунта. Вдруг все услышали цокот копыт одинокого коня... И на любимом белом скакуне появился Унгерн. Сотни неподвижно стояли перед своим командиром. Барон, страшно ругаясь и грозя изменникам расстрелом, приказал немедленно поворачивать назад. В этот момент по нему стали стрелять со всех сторон. Но опять произошло невероятное – в шквале огня лошадь вынесла «Бога войны» на вершину холма, и барон ускакал в долину.

Унгерн направился к монгольскому дивизиону, не подозревая, что и там его ждала измена. Самые преданные ему всадники пали ниц и обещали жестоко покарать предателей, покушавшихся на «Самодержца пустыни». Барон только махнул рукой, выпил воды и отправился спать. Через несколько минут пятеро монголов вползли в палатку, связали Унгерна и, отдавая низкие поклоны, с ужасом и благоговением покинули его.

Барон хорошо понимал, что через несколько часов он станет пленником большевиков. И от сознания этого бессильная ярость переполняла его. Никто из 18 поколений предков генерала никогда не попадал живым в руки врага. Все его родственники погибали только в бою. И именно к этому он сам постоянно призывал своих офицеров: *«Лично мне ничего не надо. Я рад умереть за восстановление монархии. Будущие поколения будут или благословлять меня, или проклинать»*. Помня о судьбе Колчака, Унгерн всегда держал при себе яд, но накануне денщик, чистивший мундир барона, случайно вытряхнул капсулу.

Барон лежал в палатке один до тех пор, пока на нее случайно не натолкнулся разъезд красных партизан. Они не сразу поверили, что перед ними тот самый «Бог войны», и лишь по золотым погонам опознали белогвардейского генерала. Допрашивали Унгерна в Новосибирске.

Генерал не хитрил, за жизнь свою не боролся: *«Раз войско мне изменило, могу теперь отвечать вполне откровенно»*. Суд состоялся 15 сентября 1921 года и продолжался пять часов при большом стечении народа.

«Ни от чего я не отказываюсь и ни в чем не раскаиваюсь!» – сразу заявил Унгерн. Чего только ни повидал на своем веку председатель суда, старый большевик Опарин, но даже он дрожащими руками схватился за графин и долго булькал ледяной водой, нарушая повисшую в зале оцепенелую тишину. Газеты на следующий день так описывали процесс над злейшим врагом советской власти: *«Моментами, когда он поднимает лицо, нет-нет да и сверкнет такой взгляд, что как-то жутко становится. Словно перед вами костер, слегка прикрытый неплотом»*. В 17 часов 15 минут был вынесен смертный приговор.

Барон Унгерн фон Штернберг до конца остался верен себе. В ночь перед казнью он сгрыз зубами (!) орден Святого Георгия, который никогда не снимал с груди. *«Мой Георгиевский крест, пока я жив, никогда не достанется врагам»*, – любил повторять белогвардейский генерал. Он спокойно смотрел в глаза расстрельной команде, вытянувшись словно на параде.

Когда о расстреле барона узнал Богдо-гэгэн, он приказал отслужить панихиды о «родственнике Белого царя» во всех монастырях и храмах Монголии. Интересно, что до сих пор в годовщину гибели генерала монахи приходят на русское кладбище в Улан-Баторе, чтобы почтить память «Самодержца пустыни» Романа Федоровича Унгерна фон Штернберга.

* * *

Такими беспокойными выдались годы после Великой войны в России и Германии. Настало время строить новую жизнь, хотя противоречий по сравнению с эпохой существования империй стало значительно больше. Да и прав был Ленин, так оценивший Версальский договор: *«Неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов»*. Учитывая, что граждане Советской России были теми же рабами у всего западного мира, это подталкивало Москву и Берлин к сотрудничеству.

В русле Рапалло

Рожденная в несправедливости, Германия закончила свое существование в бесчестии.

А. Пуанкаре

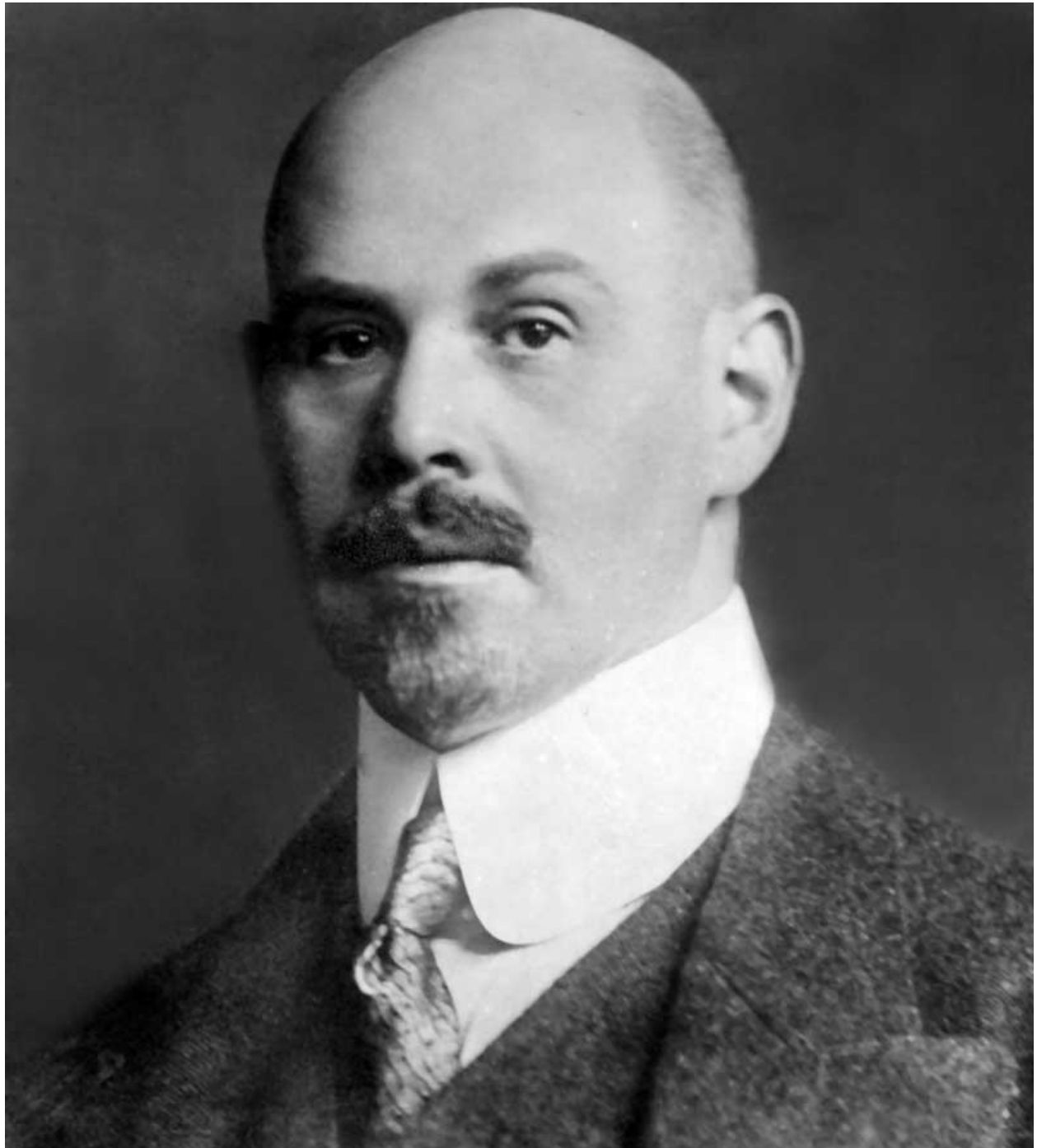
Сегодня про Рапалльский мирный договор если и вспоминают, то исключительно либеральные мыслители с присущей им ненавистью ко всему прошлому России в XX веке. Отбрасываются в сторону все внешнеполитические причины, и на поверхности остается лишь потрясающий своей вздорностью тезис «фашистский меч ковался в СССР». О нем мы еще поговорим подробно в этой главе. Пока же посмотрим, что же такое Рапалльский мир и зачем он был нужен молодой Советской России.

Давайте говорить объективно. Подписание договора между Москвой и Берлином было неизбежно. В то время как западные державы проклинали русско-немецкую подлость, им стоило, выражаясь языком Крылова, прежде на себя оборотиться. Кабальные условия Версальского мира и расчленение Германии, окружение СССР поясом откровенно враждебных лимитрофов не оставляли двум великим в недавнем прошлом империям иного пути развития – только признание друг друга и сотрудничество.

Наивно полагать, что как только две державы решили протянуть друг другу руки – так сразу все к взаимному удовольствию сторон и случилось. Долгий это был процесс, много спорных вопросов пришлось решать. Началось все на переговорах в Берлине в феврале 1922 года. Россию представлял народный комиссар иностранных дел Григорий Чичерин, Германию – министр иностранных дел Вальтер Ратенау. Для него эти события станут поистине роковыми. После подписания договора он будет убит противниками дружбы с коммунистами. Сегодня об этом, разумеется, вспоминать не принято – не укладывается в привычную для многих картину мира.

Рапалльский мир был чрезвычайно важен для Москвы и Берлина. Россия прорывала таким образом международную изоляцию, сложившуюся вокруг нее в годы Гражданской войны. Для Германии это был первый дипломатический документ, подписанный после унижительного Версальского мира. Важным элементом договора стало сотрудничество

вооруженных сил. Рабоче-крестьянская Красная армия получила возможность использовать возможности германской промышленности и изучить методы работы немецкого Генерального штаба.

В. Ратенау, министр иностранных дел Германии

В свою очередь рейхсвер, о который, по меткому выражению

современника, вытерли ноги в Компьенском лесу, смог начать готовить летчиков, танкистов и специалистов по химическому оружию в СССР. Согласно условиям Версальского договора, делать это в своих военных учебных заведениях немцам было запрещено. Поэтому союз с Россией оказался весьма кстати и с одобрением был встречен подавляющим большинством представителей прусского офицерства.

Посмотрим на содержание документа. Он предусматривал восстановление в полном объеме дипломатических отношений между странами и отказ от претензий на возмещение военных расходов. Один из важнейших пунктов для Москвы – признание Германией национализации государственной и частной собственности в России. Было за что биться Чичерину! Доля немецкого акционерного капитала в российских предприятиях составляла 378 млн. рублей – сумма гигантская по тем временам.

Г. В. Чичерин, народный комиссар иностранных дел

Вопреки бытующим сегодня странным утверждениям, никаких

секретных военных соглашений в тексте Рапалльского договора не было в принципе. Позвольте, воскликнут тут наиболее осведомленные читатели, а как же статья 5 документа? Она гласит, что правительство Германии готово поддерживать деятельность частных компаний в России. Это позволяло выглядеть благочестиво в глазах Запада, а расходы несло военное ведомство.

Все так и есть. И статья именно об этом, и обставлялось сотрудничество ровно по такой схеме. Но что, скажите мне на милость, в этом секретного? Все в Европе прекрасно отдавали себе отчет: Германия никогда не смирится с кабальными условиями Версальского мира и будет искать пути для обхода наложенных на нее санкций. Как и Советская Россия, оказавшаяся в международной изоляции по итогам бурных событий революции и Гражданской войны.

А секретности нет ровно по той причине, что текст договора был опубликован в полном объеме в той же Германии сразу после ратификации его рейхстагом в июле 1922 года. Вы действительно допускаете, что в Лондоне и Париже не знали о его содержании? Напрасно. Даже если допустить, что ответственные чиновники МИДа Великобритании таинственным образом пропустили все упоминания этого документа в газетах, то уж про убийство Вальтера Ратенау они обязаны были знать. Громкая вышла история.

24 июня 1922 года. Берлин, раннее утро. Министр иностранных дел едет на работу. На одном из перекрестков его автомобиль нагоняет машина. В ней находятся три боевика из ультраправой организации «Консул». Один из террористов бросает гранату, второй стреляет из пистолета. Через несколько часов Вальтер Ратенау скончается от полученных ранений. Германия погрузится в глубокий траур.

Рапалльский мир был чрезвычайно важен для Москвы и Берлина. Россия прорывала таким образом международную изоляцию, сложившуюся вокруг нее в годы Гражданской войны.

В похоронах министра иностранных дел приняло участие около 2 млн. берлинцев. С тех пор – а прошло без малого сто лет – более многочисленных прощаний с политиками в Германии не случилось. Государство отреагировало на этот трагический инцидент мгновенно. Был принят закон «О защите республики», в соответствии с которым были официально ликвидированы все фрайкоры. Их лидеры формально окажутся вне политики, но через несколько лет вернут себе утраченные позиции, вступив

в партию Гитлера.

Убийцы Ратенау предстали перед судом. На процессе они заявили, что пошли на акт политического террора, испытывая острую ненависть к еврею, который, будучи шурином Карла Радека и одним из «300 сионских мудрецов», мечтал отдать Германию в рабство мировому кагалу. Комментировать тут нечего – ну разве что профессиональному врачу-психиатру. Сегодня имен убийц уже никто не помнит, а Ратенау почитается у себя на родине как выдающийся государственный деятель. Суд истории вынес свой приговор, и обжалованию он не подлежит.

Рапалльский мир памятен каждому российскому либералу. Не зная толком ничего по этой теме, они переводят разговор в любимую плоскость – «Фашистский меч ковался в СССР». Моим молодым читателям эта громкая фраза уже, видимо, ничего не скажет. Другая нынче эпоха. А вот четверть века назад одноименная книга властвовала над умами либеральной интеллигенции. Многие, впрочем, даже не удосужились ее прочитать. Однако этого и не требовалось. Достаточно произнести вслух название этой книги – и оппонент нокаутирован. Бой остановлен. Аплодисменты публики и череда торжествующих поклонов во все стороны.

Я сейчас вовсе не шучу. Сам многократно испытывал на себе ликующий взгляд сограждан, обрушивавших на мою голову «выкованный в СССР фашистский меч». И очень их огорчало то, что я не падал сраженный на этот своеобразный историко-патриотический ринг и не выкидывали секунданты белое полотенце. Напротив, негодяй Гаспарян почему-то имел обыкновение улыбаться и неторопливо объяснять собравшимся, что за громким названием прячется пустышка.

Но как же, воскликнет иной взволнованный читатель, неужели вы возьметесь отрицать, что будущие танкисты и летчики вермахта и люфтваффе обучались в СССР? Неужели вы сомневаетесь в том, что даже Герман Геринг и носитель откровенно армянской фамилии Гейнц Гудериан успешно стажировались в Липецке и Казани и потом подло применили полученные знания против своих же учителей? Да об этом сегодня каждый школьник знает! Еще несколько лет назад об этом охотно писали либеральные газеты. Причем с опорой на документы.

Авторы, Дьяков и Бушуева, пользуясь моментом глубокого всенародного разочарования во всем, в чем только можно, элегантно передернули карту. Система доказательств строится на том, что армия Веймарской республики и сокрушивший потом половину Европы вермахт – одно и то же.

Одну секунду, сейчас все будет хорошо! Начнем с Гейнца Гудериана. Он имел такое же отношение к Армении, как автор этих слов, например, к Гейне. Танковый гений вермахта происходил из Пруссии. А «записали» его в армяне советские дикторы. Они почему-то сделали в фамилии ударение не на второй слог (как должно быть), а на последний. Уж не знаю, чем они при этом руководствовались, однако до сих пор эта дикость с завидным постоянством звучит на наших радиостанциях и телеканалах. И сдается мне, что продолжит звучать и дальше – так уже для всех привычно. Помнится, я попытался хоть как-то исправить эту ошибку. Назвал в эфире «Вести ФМ» Гейнца правильно. А коллега Андрей Светенко сразу же меня поправил. Пришлось объяснять.

Теперь, когда мы разобрались с таинственным происхождением генерала Гудериана, ничто не мешает отвечать на острые вопросы по поводу обучения немецких офицеров в СССР. И начнем мы с простой констатации факта. Полное название того легендарного сборника документов «Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы». Вас ничего в нем не смущает? Все правильно – речь идет об эпохе существования Веймарской республики. В те годы Адольф Гитлер еще только шел к власти и, естественно, никакого отношения к ковавшемуся в стране азиатско-чекистских орд нордическому чудо-оружию не имел по определению. Так откуда же берется сокрушивший потом Красную армию меч-кладенец у авторов той самой книги?

Авторы, Дьяков и Бушуева, пользуясь моментом глубокого всенародного разочарования во всем, в чем только можно, элегантно передернули карту. Система доказательств строится на том, что армия Веймарской республики и сокрушивший потом половину Европы вермахт – одно и то же. Никто не спорит, что гитлеровские вооруженные силы по сути произошли из рейхсвера. Но из этого вовсе не вытекает глубокая причинно-следственная связь. Чикатило был когда-то ребенком. Означает ли это, что каждый мальчуган в душе кровавый маньяк? Разумеется, нет. Но именно по такому принципу строили свою теорию авторы.

Сравнивать Веймарскую республику и Третий рейх – все равно что сравнивать почтенного академика и сексуального извращенца. Вроде бы мы еще ничего оскорбительного не произнесли и даже не собирались, но горький привкус уже появился. Словно клопа во рту раздавили. Так и в данном случае. Германия 1920-х годов была демократической страной – даже по меркам той эпохи. Коммунисты свободно вели агитацию, некоторые на досуге даже в Москву за инструкциями по приближению

мировой революции приезжали.

Гитлеровская же партия была на тот момент еще малоизвестным сборищем маргиналов и экзальтированных особ. При этом ту самую Веймарскую республику Адольф Алоизович очень не любил. Не берусь судить, тошнило ли его при одном только ее упоминании, но чувства явно были схожи. И сам он в дальнейшем многократно говорил, что его тысячелетний «мужской» рейх не имеет ничего общего с бастардом Версальского мира. Жаль, что авторы теории про фашистский меч этого так и не узнали.

На этом будем считать увертюру прозвучавшей и перейдем к оценке доказательной базы. Первое, что бросается в глаза даже неподготовленному читателю: каким это образом мы уже в 1920-е годы обучали тевтонов танковому искусству, если у самих еще в годы Великой войны с этим были огромные трудности? Историю первого русского танка я описывал в книге «Крах великой империи». Вам же предлагаю вспомнить фильм «Адъютант его превосходительства». А конкретно – сцену с отправкой эшелона с танками. Помните, с каким видом белогвардейцы смотрели на ту чудо-технику?

Отсюда вытекают два принципиально важных вопроса. Первый: кто у кого должен был все-таки учиться? И второй: кто кого мог чему-то научить?

И вот Дьяков и Бушуева хотят нам доказать, что спустя каких-то жалких пять лет после тех событий все уже у нас было настолько хорошо, что мы могли даже немцев учить. Не скрою, такая оценка льстит национальному самолюбию, но она, к сожалению, весьма далека от реалий эпохи. Нет, каждый, безусловно, имеет полное право верить, что Вилли Мессершмитт провел серию спиритических сеансов с нашим летчиком Нестеровым и после этого Германия получила те самые самолеты. Но это, согласитесь, уже территория психиатрии.

Ленин вовсе не случайно возлагал особые надежды в мировой революции на германский пролетариат. Глупо отрицать, что немецкая промышленность значительно превосходила нашу. Не важно, какой период мы возьмем для сравнения – Российскую империю или первые годы советской власти. Результат от этого не изменится ни на йоту. Самолетов в годы Великой войны немцы произвели больше в 10 раз. Все современники тех событий не считали для себя зазорным признать реальное положение дел.

С танками – такая же история. В конструкции первого нашего танка, получившего скромное название «Борец за свободу товарищ Ленин», не было ни единой собственной идеи. Его элегантно скопировали с французского «Рено» в 1920 году. Всего было произведено 15 таких машин, после чего руководство Рабоче-крестьянской Красной армии впало в глубокую задумчивость по поводу полезности танков в грядущей войне. Вышли из интеллектуального тумана только в 1927-м. Надо ли говорить, что немцы все эти годы не плевали в потолок, а напротив – активно работали? Авторы книги «Фашистский меч ковался в СССР» об этом ничего не сообщают. Невероятно застенчивые люди.

На любую проблему можно посмотреть и с другой стороны. Допустим, мы все-таки учили немцев премудростям танкового искусства. Можем допустить это на минуту? Конечно. Но тогда тут же встанет другой неприятный вопрос: а имелись ли в Советской России в нужном количестве квалифицированные кадры? Скромно замечу, что после окончания Гражданской войны более 70 % населения страны было неграмотным. В некоторых регионах эта цифра была еще выше. И как-то не очень хочется сравнивать с Германией, где среднее образование стало обязательным через год после появления на свет в Симбирске Володи Ульянова.

Отсюда вытекают два принципиально важных вопроса. Первый: кто у кого должен был все-таки учиться? И второй: кто кого мог чему-то научить? Не надо сейчас меня обвинять в неуважении к прошлому страны. Гордость за историю Родины заключается не в том, чтобы лгать самому себе. Огромные проблемы были у советского государства в те годы. И далеко не случайно Ленин произнес свое знаменитое «учиться, учиться и еще раз учиться». Нет ничего зазорного в том, чтобы признать: не мы немцев учили, а они нас – в очередной раз. Так уж повелось испокон веков. Традиция, ничего не поделаешь.

Но делали это немцы вовсе не из врожденной филантропии. Не было, по сути, у Германии иного выхода. Версальский мир стал подлинным национальным унижением. Армия не могла превышать 100 тыс. человек, из них офицеров должно было быть лишь 4 тыс. Представляете, какой это удар по прусской военной традиции? Я уже скромно молчу про ликвидацию Генерального штаба, запрет на танки, авиацию и артиллерию. Военно-морской флот также подвергся подлинному разгрому. Берлин искал возможность обойти кабальные условия Версаля. И при всем кажущемся богатстве выбора других вариантов, кроме Советской России, у него не было.

При этом экономика страны победившего пролетариата тогда была,

мягко говоря, не на подъеме. Гражданская война добила промышленность, да и международная изоляция была – не чета нынешним санкциям. А ведь и до революции все основные новейшие научно-технические разработки в Россию ввозились. В начале 1920-х даже такой возможности не стало, и помощь Германии пришлось как нельзя кстати. Это вовсе не мое утверждение. Сомневающимся рекомендую полистать советскую печать того времени.

Свидетелям «ковки фашистского меча в СССР» это все, разумеется, не интересно. Они искренне считают, что вполне возможно было помириться со странами Антанты, и только упертость и врожденная дурь большевиков помешали создать этот прочный союз. В очередной раз интересуюсь – какая отметка по истории стоит у этих удивительных людей в аттестатах об окончании средней школы? Лично я не могу сказать, что учился блестяще, однако это не помешало мне еще в восьмом классе узнать об условиях, выдвинутых на Генуэзской конференции.

От нашей страны требовалась суцкая малость. Такой пустяк, что даже вспоминать о нем мелко и недостойно. Но я все-таки озвучу: державы Антанты повелевали признать долги правительства Российской империи и Временного правительства, оплатить все убытки иностранным инвесторам и вернуть зарубежным владельцам национализированные предприятия. Если кто-то не понял, последний пункт входил в прямую конфронтацию со всей идеологией партии большевиков. И, разумеется, Ленин, и до этого видевший мировую буржуазию исключительно в гробу и в белых тапочках, от своих взглядов отказываться не собирался. Глупо ожидать от Владимира Ильича иного. Принципиальный был человек – не то что нынешние его последователи из КПРФ.

Важный вопрос: а сколько всего было центров подготовки немецких военных в России? Если послушать отдельных умников, то чуть ли вся страна превратилась в один сплошной лагерь рейхсвера.

Союз с Германией – принципиально иная история. Да, ожесточенно воевали друг с другом в Великой войне. Но Ленин всегда был противником схватки империалистических хищников. Не стоит также забывать, что Германия – родина Карла Маркса. А значит – пролетариат не просто идейно близкий, а воистину братский. И главное – соглашение с немцами заключалось на основе взаимного отказа от претензий. Чувствуете разницу?

Если нет – вот вам несколько цифр для более полного понимания. Чтобы договориться со странами Антанты, требовалось 18,5 млрд. золотых рублей. Сумма не просто гигантская. Это пять годовых бюджетов Российской империи образца последнего предвоенного 1913 года. Но и это еще не все. В сумму не включена стоимость национализированных предприятий. А она, как вы, надеюсь, понимаете, несколько превышает стоимость бутерброда с килькой. Это если мягко сказать.

Мне никогда не понять, почему новый союз с Антантой выдается современными либеральными мыслителями за невероятное благо, а союз с Германией – за потрясающее зло. И дело вовсе не в моих личных симпатиях к родине Шиллера и Гете. Берлин традиционно был нашим ключевым торговым партнером. Никакого фюрера в описываемую эпоху у власти там не было и еще не предвиделось. Поражение в Великой войне, хотя и больно ударило по национальному самолюбию, почти не сказалось на темпах развития промышленности. Так объясните мне, почему категорически нельзя было заключать Рапалльский договор?

Ладно, допустим, Германия плохая, а Антанта хорошая. Но это почему-то плохо коррелирует со словами известного британского дипломата лорда Берти: *«Нет больше России! Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией, то, по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку»*. И не надо мне сейчас рассказывать, что, мол, затесалась подлая душонка в славные ряды британских лордов, а все остальные только и делали, что мечтали троекратно расцеловаться с Лениным. Под приведенными словами охотно подписалось бы подавляющее большинство западных политиков. И в Москве это прекрасно знали.

И не надо сейчас отступать до последнего рубежа обороны в вопросе Рапалльского мира – я, разумеется, говорю про военное сотрудничество. Ничего экстраординарного в этом не было. Германское общество по понятным причинам ненавидело Версальскую систему. Ленин относился к ней не сильно лучше. Поэтому взаимовыгодное сотрудничество приветствовалось. Немцам нужны полигоны, где будущий танковый гений Гейнц Гудериан отточит мастерство? Извольте, вот они. А мы изучим современные виды вооружений и, главное, поймем, как их можно использовать в новой войне. В том, что она состоится, никто не сомневался.

Важный вопрос: а сколько всего было центров подготовки немецких военных в России? Если послушать отдельных умников, то чуть ли вся

страна превратилась в один сплошной лагерь рейхсвера. На самом деле для пересчета хватит пальцев одной руки: танковая школа в Казани, две аэрохимические станции в Московской и Саратовской областях, а также авиационная школа в Липецке. Это все. Больше вы при всем желании не найдете. Если, конечно, не заниматься фальсификацией истории.

С кадровым составом школ все обстоит вовсе не так, как нам уже много лет азартно рассказывают либеральные эксперты. Возьмем для примера школу в Липецке. Ту самую, где якобы учился сам Герман Геринг, где он встретил прекрасную русскую девушку, влюбился, и только идиотская расовая доктрина рейха помешала его счастью – но в память о той встрече никогда люфтваффе не бомбило Липецк. Не правда ли, красивая история? Прямо просится на киноэкран. Только в реальной жизни ничего подобного не было.

Преподавателями в той школе были немцы. Они же курсанты. Самолеты были германские. Стоило Берлину все это удовольствие 2 млн. марок ежегодно. А как же граждане СССР, спросите вы меня? Не волнуйтесь, без них не обошлось. Например – 20 мастеров обслуживания аэропорта. Охрана школы также была из числа советских солдат и офицеров. Остается главный вопрос: а в чем тут удовольствие Москвы? А ровно в том же ленинском наставлении: «Учиться, учиться и еще раз учиться». Отечественные рабочие высокой квалификации под контролем немецких инженеров активно обучались. То есть не наши инструкторы преподавали немецким летчикам, а наши специалисты жадно впитывали новые знания.

Теперь что касается обучавшегося там Германа Геринга. Миф этот впервые появился в перестроечной прессе. Все минувшие с тех пор 30 лет его активно тиражируют разнообразные околосторические деятели. Но вот ведь беда какая – не совпадает он с подлинной биографией человека № 2 в нацистской партии. После участия в знаменитом «Пивном путче» Геринг был объявлен государственным преступником. Бежал из страны. И вряд ли он не смог отыскать на карте мира места лучше, чем липецкая школа, находившаяся под полным контролем рейхсвера. Геринга можно обвинить во многом, но умалишенным он точно не был.

Г. Геринг в 1920-е годы

Кроме этого, существует еще морально-этическая проблема. Прославленный ас Великой войны, естественно, получил в свое время предложение вступить в новую армию. Но отклонил его. Презирал Геринг Веймарскую республику и идти на компромисс со своими убеждениями не захотел, справедливо считая это недостойным немецкого офицера. Говорил он об этом многократно – и в период борьбы нацистов за власть, и, разумеется, после, когда занял кучу важных государственных постов.

Теперь перенесемся из Липецка в Казань. Тут, как мы помним, была танковая школа. И снова немцы-курсанты, и преподаватели тоже все до единого из Баварии да Саксонии. Но нас интересует, естественно, русский персонал. Он есть – и занимает сплошь ключевые должности. Перечислим, чтобы проникнуться в полной мере: столяр, слесарь, маляр, паяльщик, жестянщик, кухарка, экономка. А главное – сторож! Ну что, прониклись масштабамиковки фашистского меча в СССР?

Берлин, как и в случае с летной школой, платил за это около 2 млн. марок в год. Техника была исключительно немецкой. Доставленные из Германии танки по накладным проходили как тракторы. Было их 10. Назовем производителей, чтобы не было сомнений: «Даймлер-Бенц», «Крупп» и «Рейнметалл». На них учились немецкие и – внимание – советские танкисты. И тот же вопрос: так кто кого обучал обращению с новейшей военной техникой?

Теперь про Гейнца нашего Гудериана. После того как мы выяснили, что никакого отношения ни к Эриванской губернии, ни к Западной Армении он отродясь не имел, посмотрим на его обучение в этой самой школе. Это ведь если не лезвие, то как минимум рукоять того самого меча, выкованного в СССР для нацистов. Так вот, должен всех несказанно огорчить. «Быстрый Гейнец» там не учился ни дня. Правда, был однажды. Летом 1932 года, то есть еще до прихода фюрера к власти. Приезжал он в Казань с инспекцией по линии рейхсвера и пробыл там недолго. Как вы, надеюсь, понимаете – инспекция всегда история краткосрочная.

Хорошо, скажет мне иной читатель, Геринг и Гудериан не учились в СССР. Досадно, но это стоит признать. А как насчет иных известных командиров Третьего рейха? Например, Вальтера Моделя или Вильгельма Кейтеля? А может, уважаемый автор объяснит визиты в нашу страну Эриха фон Манштейна вместе с Вальтером фон Браухичем? Что ж, и это сделать несложно. Только вот боюсь, что ответ сильно разочарует любителей рассуждать про ковавшийся в СССР фашистский меч.

Итак: майор Модель целых две недели находился в 9-й стрелковой дивизии в Ростове, а полковник Браухич и подполковник Кейтель провели аж четыре дня на маневрах Белорусского военного округа. Ясное дело, за это время их превратили в элиту будущего вермахта! Продолжать рассказывать про иных офицеров или картина в целом вам уже ясна? Могут также заметить, что и красные командиры бывали в Германии во времена Веймарской республики. Но почему-то сегодня в Берлине никто из этого сенсации не делает.

А вот о чем действительно стоит говорить, так это о советском мече, ковавшемся в Германии. Начнем с того, что танкисты и летчики получали современные знания у зарубежных специалистов. После свертывания программы подготовки офицеров рейхсвера на территории СССР все имущество школ досталось хозяевам. Например, в Липецке это 15 самолетов с запасными частями и восемь фюзеляжей. На них продолжали учиться следующие наборы школы.

Но главным было сотрудничество с немцами в сфере современных вооружений. Командарм первого ранга Иона Уборевич отмечал потом: *«Сейчас центр тяжести нам необходимо перенести на использование технических достижений немцев, главным образом в том смысле, чтобы у себя научиться строить и применять новейшие средства борьбы: танки, улучшения в авиации, противотанковые мины, средства связи. Немецкие специалисты, в том числе и военного дела, стоят неизмеримо выше нас»*. Уборевичу в данном вопросе можно полностью доверять. Он, как известно, был расстрелян по делу Тухачевского и с тех пор числится в исполинах военного разума.

Для полноты картины к этой истории было необходимо пристегнуть Ленина. Но вот ведь досада: когда Владимир Ильич серьезно заболел, про Гитлера еще никто толком не слышал.

Процесс взаимовыгодного сотрудничества СССР и Германии был свернут после прихода фюрера к власти в 1933 году. И раз уж этот человек появляется на первых ролях в нашем рассказе, самое время к нему присмотреться. Тем паче что за последние годы привычный всем образ претерпел в обществе значительные изменения. Сказалась активность авторов «Эхо Москвы», которые с необычайным усердием продвигают в массы теорию Виктора Суворова, он же – сбежавший на Запад советский разведчик Владимир Резун. В предельно сжатом изложении теория «Гитлер – марионетка в руках Сталина» выглядит следующим образом.

А. Гитлер, фюрер тысячелетнего рейха

Каждому школьнику известно, что Гитлеру в 1941 году земля на востоке потребовалась для того, чтобы расширить жизненное пространство собственной империи. О чем он и поведал всем в своей книге «Майн кампф» еще в 1925-м: *«Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше прежнее развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на Юг и Запад Европы и определенно указываем направление в сторону территорий, расположенных на Востоке».*

Этим строчкам было уготовано настоящее бессмертие. Их повторили миллионы раз. Уже в 1930-е годы, после прихода нацистов к власти, коварные планы фашистского главаря звучали в нашей стране из уст каждого пропагандиста. И товарищ Сталин, разумеется, о них знал. Он, как и все вожди СССР, читал гитлеровскую книгу, перевод которой осуществил Карл Радек. И якобы в тот момент Сталин понял: вот человек, который приблизит мировую революцию!

Для полноты картины к этой истории было необходимо пристегнуть Ленина. Но вот ведь досада: когда Владимир Ильич серьезно заболел, про Гитлера еще никто толком не слышал. Однако либеральные мыслители рук не опустили и легко исправили это недоразумение. Вспомнили, что осенью 1921 года Ленин выступал перед комсоставом Рабоче-крестьянской Красной армии. Говорил, разумеется, про мировую революцию, которая невозможна без немецкого пролетариата, и конечно, призывал оказывать ему любую поддержку. Ленин, как и всегда, не множил смыслы – еще несколько месяцев борьбы, и победа будет за нами, смелее идем на врага, помня, что близко его полное поражение.

Казалось бы, при чем тут Гитлер? Архитектор-неудачник, фронтовик, награжденный Железным крестом. После демобилизации в 1919 году вступил в небольшую партию, которую сам вскоре и возглавил. НСДАП ставила перед собой откровенно реваншистские цели и с ленинскими идеями ничего общего не имела в принципе. Больше того, Гитлер люто ненавидел всех коммунистов мира. Об этом он говорил едва ли не в каждой речи. Вот лишь один пример: *«Большевики поджигают не только Германию, но и всю Европу. Мировая плутократия неуклонно пытается распространить свое влияние на нас и другие европейские народы не только с помощью идеологии, но прежде всего – силой оружия».*

Теперь внимание. Якобы Сталин, прочитав «Майн кампф», уяснил главное: Гитлер будет воевать против всех, чтобы избавить Германию от

оков Версальского мира, и тем самым приблизит миг счастья для каждого коммуниста – мировую революцию. Чтобы картина была совсем целостной, к Иосифу Виссарионовичу для вас добавляют и иных видных большевиков. Например, Троцкого. Тот, как известно, утверждал, что «семинариус-недоучкус» любит одних своих врагов уничтожать с помощью других. Мало вам Льва Давидовича? Получите Антонова-Овсеенко с его мыслью, что Сталин как никто умел сшибать лбами своих конкурентов, всегда оставаясь «в стороне и над ними». А уж для совсем неверующих есть Ленин с его *«руками наших врагов создавать коммунистическое общество»*. Почувствовали мощь?

А вот апогей теории: оказывается, Сталин мог приказать германским коммунистам создать коалицию с социал-демократами на выборах 1933 года. И тогда всё – нацисты не получили бы парламентского большинства, Гитлер не пришел бы к власти и не начал перевооружать Германию. Но Сталину была нужна мировая революция, и главное, чтобы повод к ней не дали коммунисты. То есть в том, что мир потом содрогнулся от преступлений нацистов, виновато руководство СССР. А мы должны теперь за это каяться и, разумеется, платить.

Разбирать эту ахинею подробно я не стану. Для этого придется написать отдельную книгу. Поэтому ограничусь широкими мазками на полотне. Итак, 13 марта 1932 года. В тот день Коммунистическая партия Германии выдвинула своего лидера Эрнста Тельмана на выборы президента. Шел он под лозунгом: «Кто голосует за Гинденбурга, тот голосует за Гитлера, кто голосует за Гитлера, тот голосует за войну». А вот те самые немецкие социал-демократы никакой коалиции с коммунистами не хотели и поддержали Гинденбурга.

Идем дальше. 30 января 1933 года. Гитлер приходит к власти. Коммунисты обращаются к социал-демократам с призывом провести всеобщую забастовку против фашистского правительства. Единый фронт, как вы, наверное, понимаете, не состоялся. Социал-демократы посчитали призыв коммунистов абсолютно неприемлемым для себя. Иными словами, не Тельман сотоварищи как могли приближали приход фюрера к власти, а совсем другие люди.

Давайте на минуту допустим, что КПГ и СДПГ все-таки объединились бы против Гитлера. Принесло бы это желанный результат? Нет. Больше того, вероятно, даже и не отсрочило бы приход фюрера к власти. Рассуждающие про зловредную роль Сталина в первую очередь расписываются в своем полном незнании политических реалий Германии той эпохи. Нацистов поддерживали тогда почти все основные партии.

Социал-демократы же отказались от блока с коммунистами, чтобы не лишать себя потенциального политического маневра. Таковы уж правила игры – тут не до сантиментов.

Закончилось все, правда, значительно быстрее, чем лидеры СДПГ предполагали в самых печальных своих прогнозах. Уже 23 марта 1933 года принимается закон «О ликвидации бедственного положения народа и государства». Он предусматривал передачу всей полноты законодательных полномочий имперскому правительству. Две трети депутатов рейхстага проголосовали «за», и Гитлер вполне официально получил возможность реализовать свой план по диктатуре.

Подводим итог: никакого отношения к приходу фюрера к власти Сталин не имел в принципе. Как и всегда, творцы конспирологических теорий прокалываются на мелочах. Вроде и цитаты из наследия лидеров большевиков хорошие подобрали, и факты удачно подогнали под ход событий – а в главном случилась неудача. А все потому, что ленятся тему изучить. Хотя история так и не состоявшегося альянса социал-демократов и коммунистов хорошо известна.

Э. Тельман, лидер Коммунистической партии Германии

Не менее любима подобной публикой богатая теория о русских учителях Гитлера. Обычно ее носители глубокомысленно закатывают глаза и называют имя Макса Эрвина фон Шойбнер-Рихтера. Этот немецкий дипломат и политический деятель родился и вырос в Риге, там же учился на химика в местном университете. Говорил по-русски. Потом уехал в Германию. После начала Великой войны добровольцем ушел на фронт и вскоре уже состоял на дипломатической и разведывательной работе в Османской империи.

М. Э. фон Шойбнер-Рихтер, первый «русский» в окружении фюрера

Исповедовал ультраправые взгляды. Один из первых членов Немецкой национал-социалистической рабочей партии. Был в числе организаторов знаменитого «Пивного путча» – по плану Шойбнер-Рихтера с этого выступления по всей Германии должна была вспыхнуть национальная революция, которая приведет Гитлера к власти. Погиб в перестрелке с полицией. В дальнейшем стал составной частью культа павших героев в Третьей рейхе, после краха которого был основательно забыт.

Но тут в игру вступили авторы конспирологических теорий. По их мнению, Шойбнер-Рихтер агитировал Гитлера за дружбу со славянами. Он якобы утверждал, что русские пали жертвой чудовищного еврейского заговора, а их потенциальный союз с Германией способен положить конец планам мировых сионистов. И Гитлер верил своему другу. Но когда тот пал, сраженный пулей полицейского, озлобился и больше никогда ничего хорошего про русских слышать не захотел.

Красивая история, не спорю. Только она существует исключительно в воспаленных умах. Истоки мы находим в словах весьма своеобразного человека, князя Жевахова: *«Он явился в буквальном смысле основоположником того идейного движения, какое должно было в своем дальнейшем развитии связать Россию и Германию узами неразрывной и вечной дружбы, воскресив заветы троичственного Священного Союза»*. Я не случайно призываю относиться критически к высказыванию бывшего товарища обер-прокурора Священного Синода. Креатура Распутина и убежденный антисемит, он везде умел найти сионистский след. Соответственно, каждый, кто сражался против мирового еврейства, был ему первый друг. А ни фюрер, ни Шойбнер-Рихтер своих взглядов не скрывали.

Действительно, бывший уроженец Риги имел тесные связи с правой русской эмиграцией. В частности, с бывшим депутатом Государственной думы Марковым-вторым. И это правда, что Шойбнер-Рихтер имел влияние на Гитлера. Вот только степень этого самого влияния я не стал бы преувеличивать. Многие в дальнейшем считали, что фюрер прислушивается к их словам. На деле же Гитлер ориентировался всегда и во всем исключительно на свое драгоценное мнение.

Позвольте, скажет кто-то из наиболее подкованных читателей, но разве вы не знаете, что Адольф Алоизович прятался после провала «Пивного путча» в доме у русского эмигранта генерала Бискупского? Это факт неопровержимо доказывает, что тесные связи между правыми политиками двух стран все-таки существовали. И только преждевременная смерть Шойбнер-Рихтера помешала развитию перспективного стратегического

союза европейских антикоммунистов. История ведь могла пойти по иному пути!

Это – всего лишь известное заблуждение. Не могла история развиваться иначе. И никакой Шойбнер-Рихтер не смог бы помешать шовинизму Гитлера. Напоминаю, что Йозеф Геббельс был большим любителем Достоевского. Восхищенные отзывы о творчестве Федора Михайловича часто встречаются в его дневниках. И что, министр просвещения и пропаганды Третьего рейха от этого стал меньше ненавидеть славян и прекратил подражать своему горячо любимому фюреру? Отнюдь. В отдельные временные отрезки он даже обгонял Гитлера в грязном поношении всего русского.

Генерал от кавалерии В. В. Бискупский

Точно так же было бы и с Шойбнер-Рихтером. Доказывается это элементарно. Вспомним одного из главных идеологов Немецкой национал-социалистической партии Альфреда Розенберга. Этот уроженец Таллина окончил Московское высшее техническое училище с дипломом первой степени как «дипломированный инженер-архитектор». Поэтому сам себя он считал ведущим специалистом в рейхе по русскому вопросу.

Сегодня в российских маргинальных кругах его принято называть так: Андрей Васильевич (Альфред) Розенберг. Поклонники этого совершенно справедливо повешенного в Нюрнберге преступника демонстративно игнорируют его подлинные взгляды. А мы люди негордые, напомним кое-что. *«Смешанная с монгольской кровь вскипала, даже будучи сильно разбавленной, и увлекала людей на поступки, которые арийскому человеку кажутся непонятными. Русские стали податливой глиной в руках еврейских тиранов».* Не правда ли, каждая буква в этом пассаже просто переполнена любовью ко всему русскому? Прямо бросается в глаза!

А. Розенберг, один из творцов расовой теории Третьего рейха

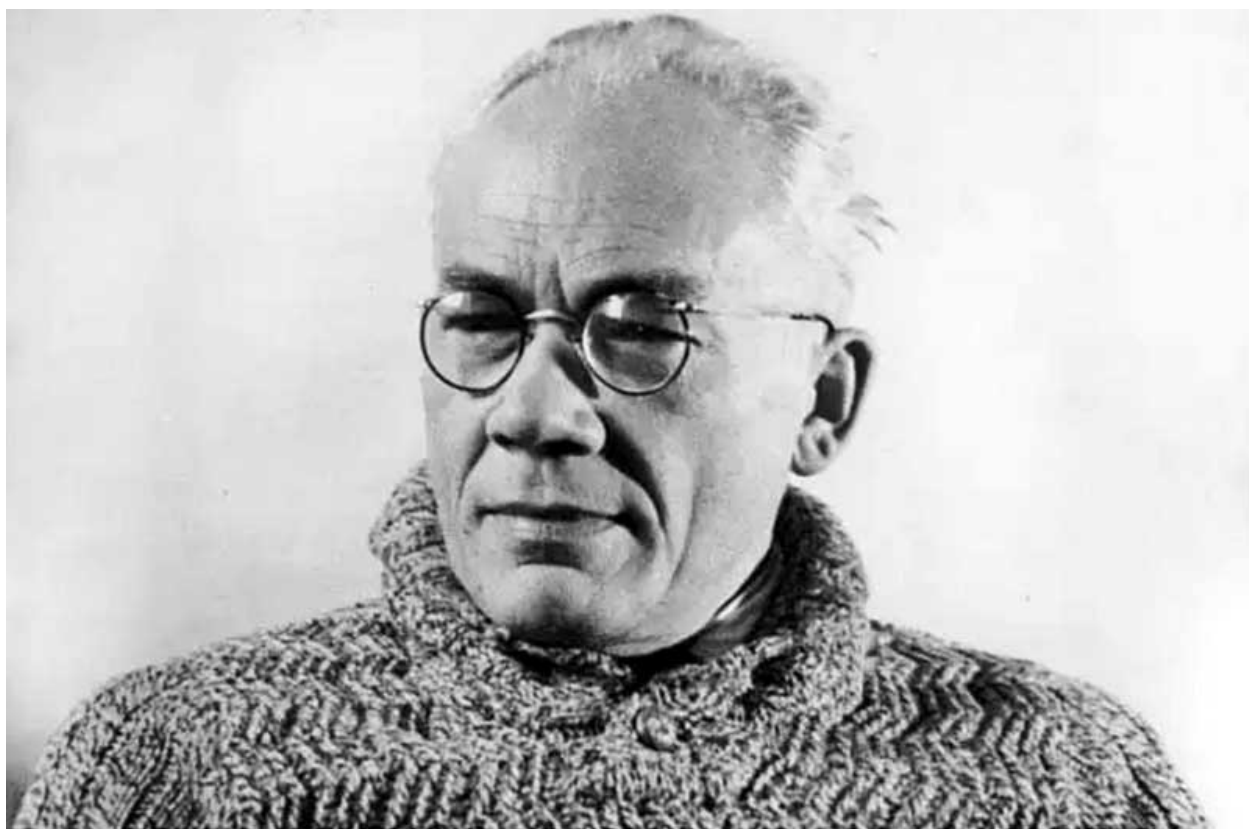
Кстати, из стройной теории о «русских учителях Гитлера» почему-то выпали два знаковых персонажа. Предлагаю восполнить эту несправедливость. Во-первых, для полноты понимания всей этой весьма непростой истории, а во-вторых – в целях противодействия активному переписыванию прошлого нашей страны. Ведь именно этим сейчас активно занят ряд оппозиционных политиков. Я не тешу себя напрасной иллюзией, будто они прочтут мою книгу и вспомнят об элементарной человеческой порядочности. Но, быть может, те, кто еще верит этим проходимцам, задумаются?

Уверен, что про Ивана Лукьяновича Солоневича слышали многие. Его ключевые произведения «Россия в концлагере» и «Народная монархия» переиздаются в современной России с завидным постоянством и притом вполне достойными по нынешним меркам тиражами. Вообще, редко кого из эмигрантских публицистов так активно цитируют сегодня по любому поводу. В определенных кругах наблюдается даже некий культ Солоневича. Считается дурным тоном не читать книг Ивана Лукьяновича и не знать его биографии.

Жаль только, что в большинстве изложений жизни известного писателя не хватает самой малости: рассказа о том, что он делал после 22 июня 1941 года. О чем размышлял ночами, к чему призывал в своих статьях. Обычно всякому желающему узнать, что именно думал Солоневич по поводу войны Третьего рейха против СССР, предлагаются его послевоенные мысли. В частности, выдержки из статьи «Так что же было в Германии?».

В определенных кругах наблюдается даже некий культ Солоневича. Считается дурным тоном не читать книг Ивана Лукьяновича и не знать его биографии.

Откроем ту работу и мы. *«Я, вопреки общепринятому мнению, считаю, что во Второй мировой войне Германия была разбита только Россией – и той Россией, которая даже при большевистском кровопускании осталась все-таки сильнейшей страной мира. Мне это кажется довольно очевидным: второй фронт пришел уже после разгрома германских армий в России, а американские поставки СССР – по американским же данным – составляли только семь процентов советского собственного снабжения».*

И. Л. Солоневич. Ненависть к большевикам привела его к союзу с нацистами

Согласимся, весьма здравый подход. Трудно спорить с очевидным. В чем-то эти размышления даже перекликаются с мыслями генерала Деникина, которого нельзя заподозрить в любви к Третьему рейху. В довесок к этому ряд современных публицистов с чувством глубочайшей гордости рассказывает, что никакого сотрудничества с гитлеровской Германией после 22 июня 1941 года Солоневич принципиально не вел. Он, мол, быстрее всех понял суть политики Гитлера, поэтому уехал в глубь Германии и там ждал закономерной развязки.

Все хорошо, за исключением пустяка. Эта версия не совсем соответствует действительности. Солоневич действительно отошел от политики. Но до этого с присущим ему писательским талантом успел многое сделать. Не столь давно историк Игорь Петров обнаружил в германских архивах ряд статей Ивана Лукьяновича, опубликованных в газетах рейха в 1941 году.

Давайте вместе ознакомимся со взглядами «патриота и государственника», а именно так сегодня принято характеризовать

Солоневича: «Никакая ложь и никакие напоминания о Суворове не вытеснят запечатлевшуюся в народном сознании картину еврейского комиссара, который в случае победы уничтожит не только мужика и рабочего, но и всех крестьян и рабочих в Европе. Русская пословица гласит: «Ложью свет пройдешь, да назад не вернешься». Годы большевистского владычества были наполнены кровью и ложью, и сейчас для большевизма нет пути ни вперед, ни назад».

Обращаю внимание на важный аспект: статьи Солоневича публиковались в газете, основанной Йозефом Геббельсом. Про содержание материалов этого издания, полагаю, нет смысла рассказывать дополнительно. Тут интересно, что сам Иван Лукьянович как раз не был антисемитом в привычных стандартах Третьего рейха. Скорее напротив, его статья «Россия, революция и еврейство», написанная в 1930-х годах, – едва ли не лучшая и самая здравая по теме. Однако борьба против правительства СССР занесла Солоневича и в авторы геббельсовской газеты.

Или вот еще один не менее показательный фрагмент из творчества Ивана Лукьяновича образца все того же 1941 года: «В своей пропаганде большевизм хотел одолеть человеческую натуру и реальность. И по справедливости следует признать, что в этом отношении лживый большевистский вздор достиг уровня если не гениальности, то по крайней мере виртуозности. Использовалось все: международные столкновения, международные распри, высокомерие профессоров и интеллигентов, глупость уличной девки, снобизм британской леди и голод индийской текстильщицы».

И было за что нацистам возвышать бывшего агитатора русской армии барона Врангеля. Столь трепетное отношение к себе он заслужил ежедневной демонстрацией своих ультраправых взглядов.

Теперь вопросы: чем риторика Солоневича отличается от откровений Розенберга или монологов Геббельса? И почему если этих двух справедливо обвиняют в создании человеконенавистнической идеологии, то Солоневича считают чуть ли не великим мыслителем и горюют, что нынче его наследие не используется в полной мере? Только потому, что те были немцами и занимали посты в Третьем рейхе, а Иван Лукьянович – русским и постами был по этой причине обделен?

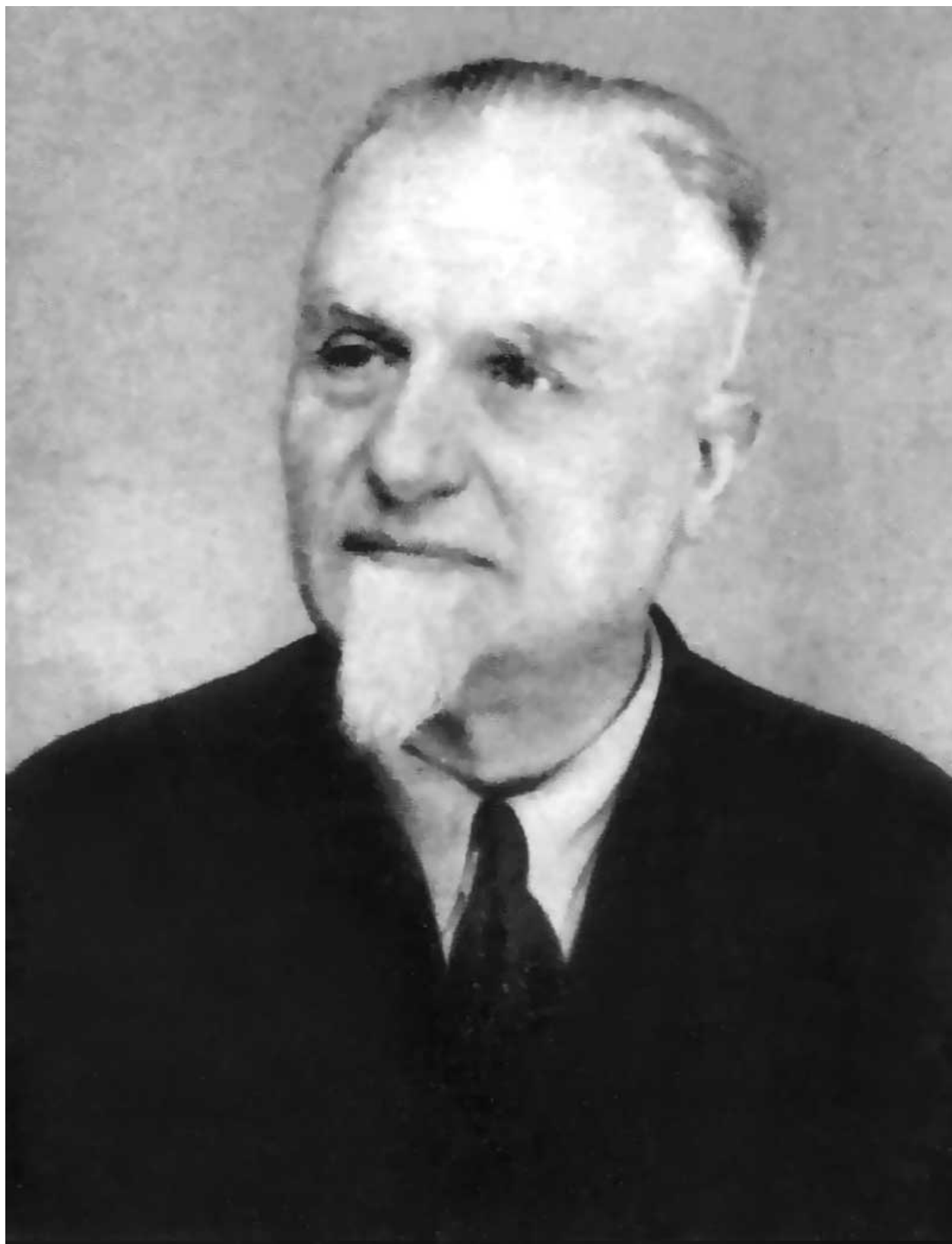
Солоневич остался верен себе. Он и в 1930-х годах считал, что для

свержения правительства в СССР все средства хороши. И после окончания Второй мировой войны настаивал на том же. Не случайно его брат призывал правительство США атаковать Советский Союз ядерным оружием. Дескать, по-другому души безбожников очистить невозможно. Такие вот были в той семье исключительные патриоты.

А вторым человеком, вычеркнутым из истории о «русских, оказавших влияние если не на Гитлера, то на НСДАП уж точно», стал уроженец Киева Георгий Шварц-Бостунич. Сказать, что он был в большом авторитете в эпоху Третьего рейха, – не сказать ничего. Штандартенфюрер СС и сотрудник Аненербе – не каждый немец до таких высот мог дослужиться. И было за что нацистам возвышать бывшего агитатора русской армии барона Врангеля. Столь трепетное отношение к себе он заслужил ежедневной демонстрацией своих ультраправых взглядов.

Дело даже не в том, что он стал автором вздорных трудов «Масонство и русская революция» и «Еврейский империализм», которые закономерно пользовались огромной популярностью у членов НСДАП. Вместе с нацистским гауляйтером Тюрингии Артуром Динтером (его потом Гитлер исключит из партии за сектантскую деятельность) он дорабатывает теорию Ганса Гербигера о «вечном льде».

Убежден, что подавляющее большинство моих читателей никогда об этой «вершине человеческого разума» не слышали. Уверяю вас – вы ровным счетом ничего не потеряли. Вот я с данной теорией знаком – и обрел ли Гаспарян долгожданное счастье от прикосновения к истине? Скорее напротив, чрезвычайно огорчился, что потратил столько времени на исключительную ерунду. Но раз уж знания получил – поделюсь с вами. Только давайте договоримся сразу: вам лучше сразу по прочтении все забыть. Не стоит засорять голову всяким вздором.

Г. В. Шварц-Бостунич, штандартенфюрер СС

Итак, теория Шварц-Бостунича заключалась в том, что Вселенная родилась из большого куска льда, а Землю изначально окружали четыре луны. Из них три позднее упали на нашу планету. Незадолго до падения последняя луна своим гравитационным приливом родила расу гигантов. Как, вероятно, несложно догадаться – это арийцы. Оценили? Подождите смеяться, это только начало.

На основе этой самой «теории льда» Шварц-Бостунич пишет главный бестселлер в своей жизни – «Евреи и женщина. Теория и практика еврейского вампиризма, эксплуатации домашнего и народного хозяйства». Изданная в 1939 году в Берлине книга моментально возглавила все рейтинги продаж, уступая только трудам признанных литераторов рейха Гитлера и Розенберга. Говорят, что и сам великий сын немецкого народа ознакомился с книгой и остался доволен. Если это действительно так – не нужно больше удивляться стремительным метаморфозам его разума.

Гитлер в полной мере стал заложником величия в собственных глазах. Это дорого обойдется Германии во Второй мировой войне. И раз уж мы заговорили в этой главе про странные теории – давайте доведем тему до конца. Да, хронологически это будут уже события 1940-х годов, но корни их – именно в первых месяцах Третьего рейха. У Гитлера стало легко получаться реализовывать собственную идеологическую программу. И именно поэтому он, по сути, демонстративно перестал кого-либо слушать.

В. Кейтель, фельдмаршал Третьего рейха

Для начала одна цитата. *«Выслушав доклад Кейтеля, фюрер побагровел и заорал: «Лучше бы я перестрелял вас всех, как это сделал Сталин! Он был прав. От генералов толку нет. Вы можете только правильно держать ножи и вилки и рассуждать о Родине. Я долго терпел вас, но теперь уж пощады не ждите».* Это из показаний штурмбаннфюрера СС Хайнца Линге, находившегося рядом с Гитлером вплоть до самоубийства лидера Третьего рейха. Линге отбывал заключение в Советском Союзе. После освобождения жил в Западной Германии, предпочитая не вспоминать о своей службе у Гитлера – потому что поводов для радости не находил в принципе. Согласимся, его можно понять.

Фюрер все и всегда стремился делать сам. И все же без исполнителей своих замыслов самая «светлая» голова Германии обойтись не могла. Действительно, у одного человека руки до всего дойти не могут. Нужны помощники. В вопросах военной стратегии эту роль исполнял фельдмаршал Вильгельм Кейтель, занимавший должность начальника штаба Верховного главнокомандования Вооруженных сил. И верно, с кем же советоваться, как не с ним? Одно только досадно: Кейтель ни по своим личным качествам, ни по полководческим талантам в принципе не соответствовал стоящим перед ним задачам. Его прозвище среди немецких военных – «Лакейтель» – само по себе говорит о многом.

Генерал-полковник Гейнц Гудериан в своих мемуарах написал, что Кейтель умудрялся по глазам Гитлера читать его мысли и воплощать их в жизнь прежде, чем фюрер высказывался. Не спору, это большое искусство и, вероятно, далеко не каждому дано им овладеть. Кейтель настолько вошел в этот бессменный образ «подай и пошел вон отсюда», что даже на допросе 17 июня 1945 года ошарашил представителей союзников: *«Я не считаю себя ответственным за катастрофу Германии, ибо я ни в коей мере не принимал решений, ни военного, ни политического характера, я только выполнял приказы фюрера... Внутренне я также часто не соглашался с ним, но я солдат, и мое дело выполнять, что мне приказывают... Гитлер вообще не терпел возражений».*

Это было уникальное государство в мировой истории. Каждый, начиная с рейхсминистра и заканчивая новобранцем гитлерюгенда, твердо усвоил раз и навсегда: думать не нужно!

Перед нами готовый и очень яркий пример для энциклопедической

статьи «Полная безответственность». Такое положение дел пагубно отразится на всей стране. Ведь Гитлер в Великую войну армии в атаку не водил и операции не планировал. И дивизиями не командовал, и бригадам приказов не отдавал. Даже батальонам. Он был ефрейтором. Это означает, что Кейтель становился самым главным военным в стране. От него зависело очень многое. Война закончилась полным и закономерным разгромом, и тут неожиданно выяснилось, что фельдмаршал за это не в ответе! Многие, наверное, сейчас удивятся, но это вовсе не исключение из правила. Это система.

Немцы, начитавшись ахинеи всевозможных Шварц-Бостуничей, уверовали в исключительную мудрость фюрера и знали: он один думает за всех. Уж на что Геббельс был, мягко говоря, неглупым человеком, но даже он стал действовать так же: *«Фюрер – гарант победы, и только у германского народа, ни у какого другого, есть такой фюрер! Поэтому мы можем смотреть в будущее с чувством гордости, видя результатом этой борьбы только нашу победу. Давайте все попросим Бога об одном: «Да защитит Он нашего фюрера и благословит его труды».*

Это было уникальное государство в мировой истории. Каждый, начиная с рейхсминистра и заканчивая новобранцем гитлерюгенда, твердо усвоил раз и навсегда: думать не нужно! Для этого есть рожденный в вечном льде под воздействием гравитации погибшей луны дорогой и горячо любимый фюрер. Как он решит – так и будет. Знали бы немцы тогда, как устроен рабочий день светильника германского разума! Уже после войны бывший министр вооружений Германии Альберт Шпеер напишет в своих воспоминаниях: *«Поднимался Гитлер поздно, проводил одну-две запланированные деловые встречи, а потом впустую тратил время вплоть до наступления вечера. Но в глазах народа фюрер был человеком, который неустанно трудился день и ночь. Насколько я мог наблюдать, он по неделям занимался пустяками. Единожды приняв решение, он возвращался к привычной праздности».* Сравните это с рабочим режимом Сталина. Вспомните, как трудились на своих постах его наркомы. Почувствуйте разницу.

Сегодня все знают, что никакого серьезного образования у Гитлера не было. Его университеты – ночлежка для бездомных в Вене и окопы Великой войны. Его диплом – чтение многочисленных Шварц-Бостуничей. Но при этом он лез абсолютно во все сферы и всюду выдавал бесценные указания, зачастую вгоняя профессионалов в глубокий ступор. Вовсе не случайно генерал Фромм однажды заметил: лучше бы немецкой армией руководил вообще никогда не служивший в ней человек. И так думал не

только он. Откройте мемуары битых стратегов Третьего рейха. Все они переполнены подобными оценками.

В пику им выступил один лишь Геринг. Но сделал это так, что публично выпорол сам себя: *«Фюрер – блестящий, героический командующий нашими вооруженными силами. Это не значит, что кто-нибудь теперь может сказать: «У нас есть великий фюрер, пусть он и работает», а потом повернуться на другой бок и спать дальше. Нет, все это накладывает на нас обязательства постоянной готовности, которая должна диктоваться нашим собственным сердцем, иначе она ничего не будет стоить»*. Однако именно глава люфтваффе всю войну только и делал, что активно переворачивался на другой бок. Как, собственно, и Кейтель.

Фюрер думал – остальные выполняли, не утруждая себя размышлениями и даже секундными колебаниями. У сверхчеловеков так было принято. Хотя тот же фельдмаршал Кейтель мог бы хоть иногда выходить из интеллектуального тумана и сознавать, что его держат на посту вовсе не для того, чтобы он вытягивался перед фюрером по стойке смирно и спешил выполнить любое его указание. Но этого так и не произошло. Даже во время последнего слова на Нюрнбергском трибунале он остался верен себе: *«Главное – повиновение. В свое время и я разделял точку зрения Йодля... Мы воспринимали себя как рабочий штаб фюрера, предназначенный для реализации разработанных им оперативно-стратегических планов и не имевший ничего общего с политическими мотивами и подоплекой событий. Наше дело – это выполнение оперативных приказов, распоряжений Верховного главнокомандующего Вооруженными силами рейха»*.

Оторвемся на минуту от изучения деятельности рожденных в вечном льду. Интересно, что никто из рассуждающих про русских учителей Гитлера почему-то не продолжает логическую цепочку и не интересуется тем, к чему же именно привела учеба гениального сына немецкого народа у лузеров всех мастей. Как и те самые эмигранты после краха тысячелетней империи не задумывались о собственной ответственности за манеру поведения своих «приятелей» из рядов нацистской партии. Словно и не было этого! Наивная попытка обмануть самих себя.

А теперь вернемся к нашим героям. Вы напрасно думаете, что описанный выше механизм работал исключительно во время Второй мировой. Он был доведен до блеска уже в 1930-е годы, когда азиатские орды еще не доводили фюрера до самоубийства. Просто тогда роль Кейтеля выполняли другие. Например – заместитель фюрера по партии Рудольф

Гесс. О нем мы еще поговорим подробно дальше. Пока же снова призываю вас посмотреть внимательно на фельдмаршала Кейтеля.

Рейхсминистр вооружений А. Шпеер и А. Гитлер

Он работал на зависть любому секретарю. Чего бы ни пожелал фюрер – все в течение 10 минут виртуозно фиксировалось в форме директивы и тут же направлялось в войска. Еще раз откроем воспоминания рейхсминистра вооружений Альберта Шпеера: *«В конце совещания Кейтель, как правило, представлял на подпись несколько документов. Обычно речь шла о тех вызывающих насмешку или страх распоряжениях, которые должны были избавить его от последующих упреков Гитлера. Я сразу же заявил, что Кейтель в недопустимой форме злоупотребляет этим своим правом, потому что в корне отличающиеся друг от друга представления и намерения фюрера таким образом обретают силу приказа и создают совершенно невообразимую сумятицу и хаос».*

Если бы кто-то сообщил подобное о Сталине – над нами бы круглосуточно потешался весь мир. Цитату с нескрываемым воодушевлением повторяли бы на Совете Безопасности ООН и Парламентской ассамблее Совета Европы. Она бы служила вечным

эпиграфом для школьных учебников в Прибалтике и на Украине. Ее бы сделали позывными радиостанции «Эхо Москвы» и телеканала «Дождь». Но вот ведь досада какая: никто и никогда ничего подобного про советских вождей не говорил. Даже во время хрущевской оттепели. Это было сказано про немецких лидеров. И никто не потешается над несусветной глупостью.

А ведь есть чему удивляться и есть над чем заразительно смеяться. Не успел рожденный в гравитации Луны что-то сказать – а ему уже фельдмаршал (!) под подпись (!!!) готовый приказ подкладывает: подмахните немедленно, о мудрейший властелин вечных льдов, войска будут счастливы получить очередной ваш судьбоносный приказ, который они непременно выполнят в кратчайшие сроки. И ведь находятся люди, которые утверждают: все правильно, именно так и нужно всегда поступать! Если вождь не терпит возражений – исполняй молча. В этой связи хочу задать один простой вопрос. На троечку, как говорили в школе. Скажите, любители рассуждать про абсолютную логичность действий Гитлера, а терпел ли возражения жесткий руководитель Сталин?

Возрадуются тут оппоненты, туз козырной им выпал! С нескрываемым восторгом тут же сообщат мне, что всех, кто смел иметь собственное мнение по какому-либо вопросу, сгноил генеральный секретарь в ГУЛАГах и стрелял без устали в подвалах НКВД. Оттого и неудачи 1941 года случились. Но как тогда быть с маршалами Рокоссовским и Василевским, активно спорившими со Сталиным по военным вопросам? Ах да, их привычно выносим за скобки.

Хорошо, тогда предлагаю оценить генерала Иосифа Апанасенко. В 1941 году герой Гражданской войны был командующим Дальневосточным фронтом. Ответственный участок. И вот во время одного из докладов в кабинете Сталина он слышит приказ: немедленно отправить в Москву все противотанковые пушки со своего фронта. Вы думаете, он побежал сломя голову за бумагой, чтобы немедленно написать приказ и подsunуть Сталину на подпись? Ничего подобного. Он не был знаком с теорией Шварц-Бостунича, поэтому, вскочив из-за стола и обложив любимого еще со времен Гражданской вождя самым отборным русским матом, категорически заявил: расстреливай меня к чертовой матери, но пушек тебе не дам. Ни одной! Ты меня понял? Если японец нападет, мне чем прикажешь оборону держать?

И. Р. Апанасенко, генерал армии

Вы напрасно думаете, что в эту самую минуту Сталин вынул изо рта трубку, посмотрел пристально на Апанасенко, не торопясь подошел к телефону и вызвал в кабинет товарища Берию с его следователями, у которых уже был ордер на арест подлой вражины. Вовсе нет. Советский лидер улыбнулся и произнес: *«Успокойся, успокойся, товарищ Апанасенко! Стоит ли так волноваться из-за этих пушек? Оставь их себе»*. В Германии за все годы существования Третьего рейха ничего подобного не было ни в случае с военными, ни в случае с партийными чиновниками. Вывод напрашивается сам собой.

Различные подходы к кадровой политике станут одним из главных факторов победы в том самом великом противостоянии СССР и Германии. Сталин умел слушать, Гитлер – только говорить. В результате этого в страшной мировой войне каждый род войск Третьего рейха действовал самостоятельно. Зачастую даже назло своим соратникам. Я сейчас вовсе не шучу. Преемник фюрера гроссадмирал Дениц заявил в феврале 1945 года: *«Я представляю военно-морской флот. Все остальное меня не касается. Фюрер как-нибудь найдет выход из создавшегося положения»*.

Оцените момент произнесения этой исторической фразы. В эти дни Рабоче-крестьянская Красная армия уже в 60 километрах от столицы Германии. Последний победный рывок, и все – враг повержен, над Рейхстагом взметнется красный флаг. А Дениц заявляет, что его дело телячье – стой, помахивая хвостом, пастух разберется. У великого сына германского народа голова мудрая, она выход найдет. Это все, конечно, хорошо, за исключением незначительного пустяка. Вы знаете, какие именно мысли были тогда в той самой голове? Приготовьтесь удивиться: *«Большевиков ждет обычная судьба азиатов. Они должны и будут истекать кровью на подступах к столице Германской империи. В этот час вся Германия смотрит на вас, мои солдаты, и надеется, что вашим фанатизмом, оружием и вашим превосходством большевистское нападение будет потоплено в крови»*. Еще раз напоминаю, что советским войскам до Берлина оставалось 60 километров. Вопросы есть?

Ладно, скажут мне, Дениц и Кейтель не показатель. Остальные наверняка действовали иначе. Гиммлер, например. Все знают по «Семнадцати мгновениям весны», что он был чрезвычайно кипучей натурой. Рождение в вечных льдах после гравитации Луны и на нем сказывалось. Да, все это верно. Он был кипучим лодырем, словно ожившим слесарем Полесовым из «12 стульев». Даже Кейтель, в коротких перерывах

между слепым выполнением всех пожеланий фюрера, это признавал: *«Гиммлер не имел ни малейшего представления о том, как следует командовать войсками»*. И не надо мне сейчас говорить, что таким образом фельдмаршал опять попытался переложить ответственность на другого.

Дело в том, что он еще невероятно корректно выразился. Воспитанный человек был. Вот генерал-полковник Гейнц Гудериан – тот всегда рубил правду-матку: *«Гиммлер проявлял в присутствии Гитлера отсутствие собственного достоинства и гражданского мужества. Его оценку наших противников можно назвать просто детской. Даже нескольких недель пребывания Гиммлера на фронте оказалось достаточно для того, чтобы полностью подорвать его авторитет»*. Исчерпывающе, не находите?

Еще один классический пример связан с идеологом Национал-социалистической рабочей партии, уже знакомым нам Альфредом Розенбергом. Он сотнями тысяч экземпляров распродал официальный учебник партийной расовой идеологии «Миф XX века». Теперь внимание: а как оценивал этот трактат сам фюрер? Вы, наверное, уже не удивитесь, но Гитлер характеризовал сей теоретический труд как маловменяемый бред, написанный человеком с катастрофической путаницей в мыслях. Но при этом Розенберг был назначен министром по делам оккупированных территорий и на своем посту действовал точно так же, как и все остальные выдвигенцы фюрера. Даже не буду сравнивать с советской партийной элитой того времени.

Виноват в этом сам Гитлер. Это он расставил на ключевые посты людей, которым нельзя было доверить даже свиней пасти. Единственное, что у них получалось делать блестяще, – ежедневно орать про величие и мудрость фюрера. Это делали все: от генерал-фельдмаршала Бломберга до последнего участника фольксштурма. Результаты не замедлили сказаться. Уже многократно цитировавшийся мною Альберт Шпеер вынес суровый вердикт всей конструкции: *«Вину за то, что Гитлер со временем вообразил себя сверхчеловеком, несет его ближайшее окружение. Даже гораздо более скромный человек, постоянно выслушивая в свой адрес десятки хвалебных речей, через какое-то время был бы уже не в состоянии реально оценивать свои возможности»*.

Разумеется, в 1930-е годы в Кремле не подозревали, насколько все запущено в Берлине. Да что говорить про ту эпоху, если и сегодня находятся странные люди, утверждающие: все правильно делал Гитлер. Только погоды русской не учел и протяженности страны. К этим удивительным умам у меня только один вопрос: а как они объясняют такой неприятный факт, как постоянные жалобы Гитлера на творящуюся всюду

глупость?

Ответ я уже отчаялся получить. Фюрер шел к власти, критикуя правительственную структуру Веймарской республики и открыто потешаясь над советской системой. Но май 1945 года всё всем доказал. Если кому-то нравится демонстративно не понимать того, что было очевидно одному из ближайших соратников Гитлера, – это исключительно его трудности. Мне в этом случае остается только посоветовать все-таки потратить время и прочитать воспоминания Шпеера. Я ведь привел только несколько примеров из этой книги, а их там десятки. И каждый выносит окончательный вердикт всей системе.

Пакт, изменивший мир

Мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной.

И. Сталин

Переходим к богатейшей теме. Недели не проходит, чтобы в Польше, странах Прибалтики и на Украине кто-нибудь не озарил медийное пространство очередным могучим откровением по поводу того самого договора о ненападении между СССР и Германии. Сегодня его все почему-то называют «Пакт Молотова – Риббентропа». Какой только дикости не приходилось мне слышать про это историческое событие за последние годы! С каким апломбом несли невообразимую ахинею политики, историки, эксперты в этих странах! Не отстают и российские смердяковы. Очень им хочется быть в модном тренде. Хотя прежде чем что-то говорить по этому поводу, могли бы изучить предмет.

Казалось бы, говорить про пакт сегодня много не нужно. Тема досконально изучена. Уже не только профессиональные историки, но и общественные деятели в эфирах различных телеканалов безошибочно объясняют суть того явления. Но почему-то дикости от этого меньше не становится. Обязательно найдется очередной либеральный мыслитель, который, вставив в глаз монокль и разгладив барские усы, бросит вам через губу: «Все врете, потомки сталинских палачей!» Наша песня хороша – начинай сначала. Мы люди негордые, повторим. Может, хоть в этот раз усвоят скорбноголовые невыученный урок истории.

Подписание пакта

В принципе в этой теме существует более 10 вопросов, которые

неизменно вызывают нездоровый ажиотаж. Я поступлю вот как: сохраняя патетическую лексику польских историков и украинских политиков в изначальном утверждении, популярно объясню, как они фальсифицируют историю. Они ведь не заблуждения собственные активно демонстрируют, а занимаются сознательным искажением прошлого в угоду нынешним интересам. Что характерно, не своим, а Вашингтона.

Приступим. Итак, два тоталитарных и человеконенавистнических режима Гитлера и Сталина не могли не договориться между собой. И это, разумеется, произошло. Подлый договор, подписанный в Кремле, венчал многолетнее стремление России и Германии друг к другу. И никогда Москва не пыталась договориться с подлинно демократическими государствами, потому что лубянских костоломов непреодолимо тянуло в объятия садистов с Принц-Альбрехтштрассе. Узнаете риторiku?

В этом утверждении изначально все перевернуто с ног на голову. Не было тогда в Европе более последовательного критика нацизма, чем Советский Союз. И именно Москва многократно предупреждала об опасности игнорирования очевидных фактов стремления Гитлера к новой войне. За примерами далеко ходить не нужно. Уже в декабре 1933 года Москва предлагает Варшаве подписать совместную декларацию о незыблемости границ Латвии, Эстонии и Литвы. Этого не произошло. Польша тогда во всем ориентировалась на Германию.

В мае 1934 года Франция предлагает заключить «Восточный пакт» – договор о взаимном ненападении всех стран Восточной Европы, СССР и Германии. Москва согласна. Но снова мирная инициатива торпедируется Варшавой, которая все делала с оглядкой на Берлин. Ни один польский политик и словом не обмолвился об этом в последние годы. Не о чем им вспоминать и размышлять в этой связи. Понятно почему. Эдак ведь созданный за четверть века образ невинной жертвы двух диктатур сразу померкнет.

В 1938 году Москва предлагает созвать международную конференцию для разработки эффективных мер по недопущению новой мировой войны. И вновь предложение звучит гласом вопиющего в пустыне! Против категорически выступает Великобритания. По мнению английских политиков, инициатива Москвы подрывала перспективы установления спокойствия в Европе. Уже через год в Лондоне предпочтут сделать вид, что ничего такого не говорили. Больше того, даже в мыслях не держали.

В Москве не оставляли надежд на то, что рано или поздно западные державы одумаются и трезво взглянут на обстановку на континенте. Апрель 1939 года. СССР предлагает Великобритании и Франции заключить

договор о взаимной помощи и поддержке странам Восточной Европы в случае нападения на них. Опять напрасный труд – в Лондоне и Париже не пожелали адекватно оценить ситуацию. Только после этого и начинаются советско-немецкие переговоры.

В этом утверждении изначально все перевернуто с ног на голову. Не было тогда в Европе более последовательного критика нацизма, чем Советский Союз.

Резюмируем: посыл о том, что СССР и Третий рейх только и делали, что двигались навстречу друг другу, – изначально ложный. Этот миф начал складываться в эпоху «холодной войны». Очень уж хотелось западным демократиям подать себя в выгодном свете. Лучший способ для этого стар как мир: забудьте все, что было прежде! Вот вам новая, идеологически выдержанная версия событий. Только ею и нужно пользоваться. А все остальное – наглая и лживая кремлевская пропаганда. Ей верить нельзя! Именно такую линию поведения мы сейчас и наблюдаем в Польше.

Следующий предмет перманентной истерики – так называемое «Генеральное соглашение между НКВД и Гестапо» по борьбе с евреями. Верящие в подлинность этой откровенной фальшивки в Прибалтике в восторге: тесная связь между двумя тоталитарными режимами доказана! Русские должны круглосуточно платить и каяться! Хоровое исполнение привычной песни дополняется подголосками российских либералов. Хотя вместо того, чтобы истошно орать про сотрудничество Москвы и Берлина, могли бы внимательно посмотреть на «документ». Даже школьнику очевидна топорная работа.

Впервые данная фальшивка появилась в конце 1990-х годов. Сработали ее российские борцы против мирового еврейства. Очень им было огорчительно сознавать, что СССР не столь активно сражался против иудомасонского заговора. Легализован документ был в книге фронтовика-разведчика Владимира Карпова «Генералиссимус», после чего данное секретное знание начало с впечатляющей скоростью захватывать неокрепшие умы. И никто из глашатаев «Генерального соглашения» не обратил внимания на вопиющую безграмотность составителей.

Начнем с того, что со стороны Германии документ подписан «начальником Четвертого управления (гестапо) Главного управления безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии бригаденфюрером СС Мюллером» 11 ноября 1938 года. Небольшой ликбез: тайная полиция стала Четвертым управлением РСХА только 27 сентября

1939 года. То есть несуществующая организация подписывает международный договор. Это немного странно, не находите? О том, что тот самый «папаша Мюллер» был тогда еще только штандартенфюрером СС и не возглавлял гестапо, я из скромности даже не заикаюсь. Как и о том, что в указанный день он находился не в Москве, а в Берлине. Занят был, анализировал итоги «Хрустальной ночи».

Начальник тайной государственной полиции Третьего рейха группенфюрер СС Г. Мюллер

Этим все дикости и несуразности документа, разумеется, не ограничиваются. Со стороны СССР документ подписывает руководитель секретариата НКВД СССР Мамулов. Однако Степан Соломонович в тот момент еще трудился не покладая рук в Тбилиси – заведующим сельскохозяйственным отделом Центрального комитета Коммунистической партии большевиков Грузии. Берия вызовет его в Москву только в январе

1939 года и назначит на должность первого заместителя начальника секретариата. А возглавит эту структуру Мамулов в августе 1939-го. Данные, к слову, совершенно несекретные, однако изготовители фальшивки проявили неподобающую для таких случаев леность. Оттого и результат у них вышел соответствующий.

Что ж, полагаю, тратить еще какое-то время на этот документ контрпродуктивно. Идем дальше. На очереди у нас утверждение, что, подписывая пакт с Третьим рейхом, Сталин стремился максимально расширить «Красную империю» и создать предпосылки для осуществления долгожданной мировой революции. Эта теория пользуется особой любовью в кругах российских либералов. Они даже формулировку специальную придумали: «экспансия ГУЛАГ». Для этого и за руку с преступником Риббентропом здоровался товарищ Сталин.

Очень легко рассуждать о вопросах предвоенной внешней политики, сидя в уютном кресле в XXI веке. Чего не знаешь – Гугл подскажет. Осмысливать таким людям некогда. У них идет безостановочная борьба с прошлым страны. Хотя на деле воюют они исключительно с собственным мозгом. Будь иначе – вспомнили бы уроки географии в шестом классе средней школы, посмотрели внимательно на карту СССР и попытались обдумать увиденное. Одного этого было бы вполне достаточно, чтобы не нести ежедневно вздор.

Существовала, например, проблема Прибалтики. Как сейчас, так и тогда в Эстонии, Латвии и Литве не скрывали своей русофобии. И нацистский режим был в этих странах особо любим. Поставим себя на место товарища Сталина. Застегните воображаемый френч на все пуговицы, неспешно подойдите к карте и оцените обстановку в духе популярной тогда песни «Если завтра война, если завтра в поход». Что же мы видим?

И. В. Сталин и И. фон Риббентроп, 1939 год

Совершенно очевидно, что в случае военного конфликта Прибалтика тут же выступит на стороне противника. Это значит, что в первые же часы будет блокирован Балтийский флот. Но проблема этим не исчерпывается. Противник получает отличный плацдарм для наступления на город трех революций. А мы с вами понимаем, что Ленинград – не просто символ прихода большевиков к власти, а важный промышленный центр. Да и транспортный тоже. И его потеря, помимо психологического аспекта, может закончиться поражением всей страны в войне.

Значит, нам нужно добиться как минимум нейтралитета Прибалтики. Народный комиссариат иностранных дел работал над этим вопросом все 1930-е годы. «Мюнхенский сговор» показал, что опасения были вовсе не напрасными. В марте 1939 года Германия потребовала от Литвы передать ей Клайпедскую область. Делалось это явно не для открытия нового туристического маршрута. СССР предлагает Великобритании и Франции обеспечить нейтралитет Прибалтики. Результатом закономерной и ожидаемой стала очередная неудача. Будущие союзники по антигитлеровской коалиции тогда еще искренне считали, что поводов для беспокойства нет.

Они не находили их, даже когда Латвия и Эстония заключили с Германией договор о ненападении. И визит в Таллин начальника Генштаба Третьего рейха генерала Гальдера и шефа военной разведки адмирала Канариса также не встревожил Лондон и Париж. Кремлю стало очевидно: толку от бесконечных пустых разговоров с англичанами и французами не будет. Тогда внимание было обращено на Германию. И заключенный договор позволил не допустить в дальнейшем реализации самого негативного сценария развития.

В этот момент обычно раздается хорошо знакомая песня, что все это никакого значения не имеет и сам разговор о пакте Молотова – Риббентропа должен начинаться с главного. Этот документ был беспрецедентным для всей многовековой истории дипломатии и считается незаконным с точки зрения всего международного права. Об этом без усталости говорят честные историки, которые в одиночку противостоят постоянной лжи кремлевских агитаторов.

Совершенно очевидно, что в случае военного конфликта Прибалтика тут же выступит на стороне противника. Это значит, что в первые же часы будет блокирован Балтийский флот.

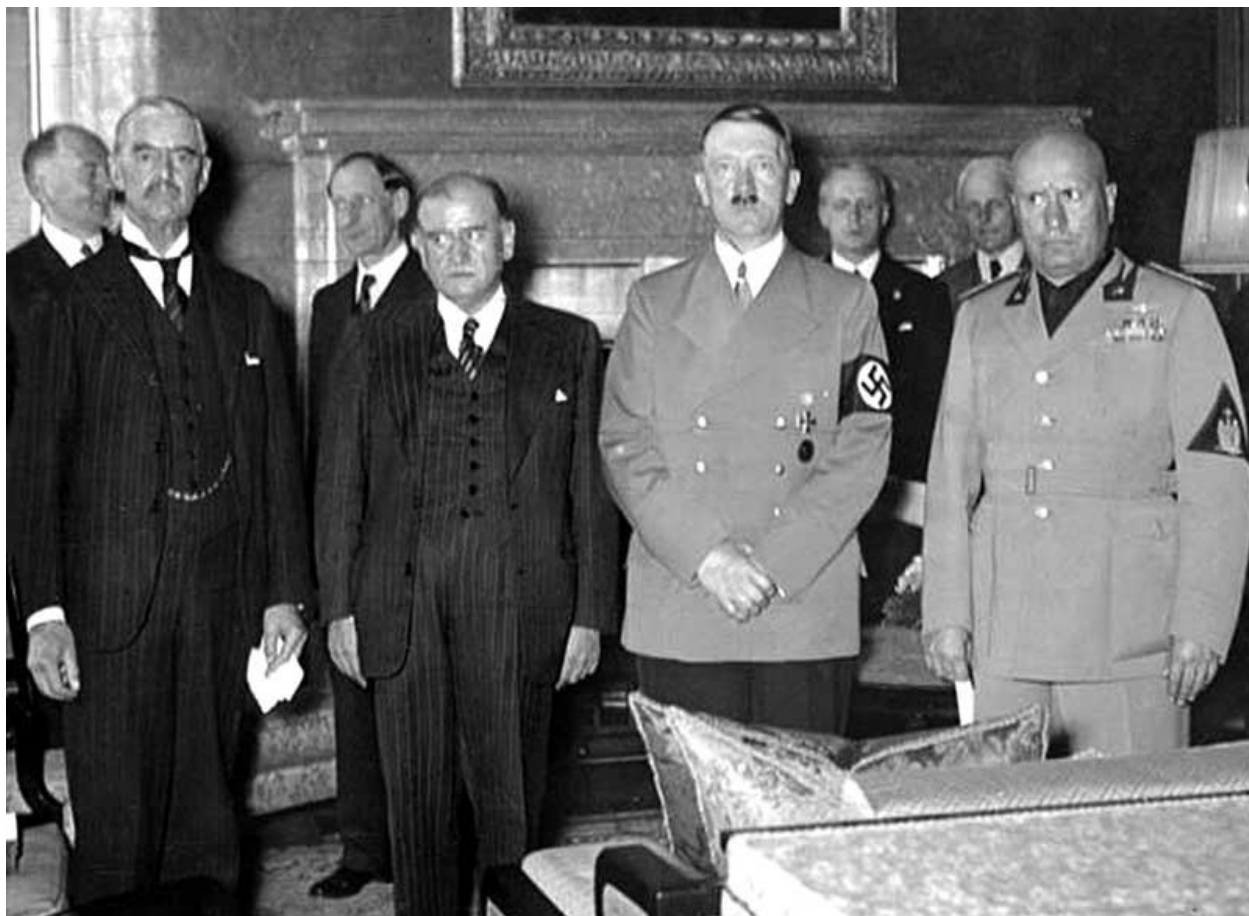
Очень жаль, что честные и непорочные историки не удосужились изучить суть вопроса, прежде чем выходить драться с ордами историков с Лубянки. Дело в том, что договор о ненападении был обычной практикой для 1930-х годов. Германия, например, подписала такой документ с Эстонией и Латвией, а СССР – с Польшей. И я ни от кого пока не слышал, чтобы эти договоры противоречили международному праву и уж тем более что они были беспрецедентными.

Напоминаю, что в ту эпоху секретные протоколы были вполне обыденным явлением. О них, разумеется, не писали газеты, но из этого вовсе не вытекает, что их не было вовсе. Простой пример. Март 1939 года. Договор Лондона и Варшавы содержал неоглашаемый раздел, в котором значилось: Великобритания окажет помощь в случае нападения Германии на Польшу. Что, собственно, и произойдет через несколько месяцев.

Предвижу возражение: сравнение, мол, некорректно, поскольку в результате секретных договоренностей с Германией в состав Советского Союза вошли Эстония, Латвия, Литва, Западная Украина и Западная Белоруссия. А значит – договор нужно признать незаконным. Тут мы сталкиваемся с классическим примером фальсификации истории. Дело в том, что подобного пункта в договоре не было. И не могло быть в принципе, поскольку он противоречит всем возможным международным нормам.

Политики в Прибалтике обычно тут же начинают кричать, что раз какие-то суверенные государства в дальнейшем вошли в состав Советского Союза – значит, были достигнуты специальные договоренности на сей счет между Москвой и Берлином. Но дело в том, что в этом случае странным образом уравниваются понятия «в дальнейшем» и «достигнуты». Хотя любому здравомыслящему человеку очевидно: связь тут исключительно косвенная. И используется этот довод только ради политического популизма.

Из той же серии и утверждение, что нельзя сравнивать «Мюнхенский сговор» и договор о ненападении между СССР и Германией. Аргументация при этом используется потрясающая: в первом случае это был договор демократических держав с незначительным участием Третьего рейха, а во втором – циничный и подлый сговор двух чудовищных тоталитарных режимов. То, что одним из них был все тот же Третий рейх, – утверждающих, разумеется, не смущает. Как и не тяготит их судьба Чехословакии, часть территории которой отошла Польше. В Варшаве об этом тем более не любят вспоминать. Невероятно стеснительные люди.

«Мюнхенский сговор»: А. Чемберлен, Э. Даладьё, А. Гитлер, Б. Муссолини, 30 сентября 1938 года

Но вот эта потрясающая застенчивость характерна почему-то только для разговоров о событиях 1938 года. Как только речь заходит о свершениях года следующего – скромность исчезает, как снег в марте. Стремительно и безвозвратно. Ее место занимает задор, с которым те же самые люди будут доказывать вам, что никаких захватнических планов против отношений Польши Третий рейх не имел принципиально. Но вот подписали Молотов с Риббентропом договор – и последовало нападение на страну. То есть и в этом виноваты наши с вами предки.

Гитлер сам многократно говорил, что именно боевые действия на двух фронтах надломили кайзеровскую Германию. Писал он об этом и в «Майн кампф». Да, в 1941 году фюрер забудет о собственных предостережениях.

Понятно, что и тут мы имеем дело с откровенно наглой ложью.

Впервые о сокрушении Варшавы в Берлине задумались в апреле 1939 года. Подготовленная германским Генеральным штабом директива была утверждена лично Гитлером. И дата прекрасно известна: 11 апреля. С того дня и началась активная подготовка к военной кампании. Это только в представлении очень своеобразных людей войну можно задумать 23 августа, а уже 1 сентября начать боевые действия.

При этом нельзя забывать, что позиция СССР в данном случае изначально не очень Гитлера волновала. Он прекрасно знал о глубоких противоречиях между Москвой и Варшавой по целому ряду вопросов. Гораздо больше фюрера заботила возможная реакция Лондона и Парижа. Существовали опасения (и как мы увидим в дальнейшем – вполне закономерные), что будет создана Антанта-2 со всеми вытекающими из этого последствиями для Германии. Этого Гитлер допускать категорически не желал. Именно поэтому министерство иностранных дел рейха начало зондаж настроений в Москве.

Очевидно, что если втянуть в свою орбиту СССР – печального повторения сценария Великой войны можно будет избежать. Гитлер сам многократно говорил, что именно боевые действия на двух фронтах надломили кайзеровскую Германию. Писал он об этом и в «Майн кампф». Да, в 1941 году фюрер забудет о собственных предостережениях. Скажется эйфория от первых легких побед. Но тогда, летом 1939 года, он понимал: важно не допустить консолидации противников. На это и были направлены все усилия немецкой дипломатии.

То есть посыл про то, что Молотов и Риббентроп подписали в Кремле пакт и сразу после этого Гитлер, переполняемый нечеловеческим счастьем, вздумал ликвидировать польскую государственность, – изначально лживый. Фюрер для себя все решил задолго до этого и, как человек последовательный в собственных взглядах, начал реализовывать по пунктам вплоть до начала операции «Консервы». Точно так же ложно и утверждение, будто Сталин был абсолютно уверен, что Третий рейх нападет на Польшу, едва успеют высохнуть чернила на том самом договоре.

Истоки этого известного мифа лежат в лихих 1990-х годах. Разнообразные фальшивки появлялись тогда с завидной регулярностью. Особенно любим историческими мародерами был, разумеется, Сталин. Не отвлекаясь на происхождение документа «Выступление на секретном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 года», обратим внимание на ключевой тезис: *«Если мы примем известное вам предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, несомненно, нападет на Польшу, и тогда вступление Англии и Франции в эту войну*

станет неизбежным».

Согласимся, звучит чрезвычайно привлекательно для любителей оплевать прошлое страны. Даже придумывать дополнительно ничего не нужно. Коварный злодей все предвидел и своими действиями развязал мировую войну. Но, как и всегда, у фальсификаторов прокол случился в главном. Дело в том, что как раз никакой убежденности в возможном развитии событий в тот момент в Кремле не было. Нет, Сталин не сомневался, что Гитлер захочет силой решить давно уже зливший его вопрос с Польшей. Но ведь можно было урегулировать ситуацию и относительно мирно. Пример «Мюнхенского сговора» по Чехословакии был перед глазами.

И подобные настроения царили не только внутри Народного комиссариата иностранных дел. Наш полпред в Лондоне Иван Майский оставит в те дни в своем дневнике очень показательную запись: *«Я запросил НКВД, целесообразно ли с уходящей тогда диппочтой посылать секретные материалы, ибо можно ждать перерыва ж-д сообщения и, может быть, даже открытия военных действий между Германией и Польшей в ближайшие дни. Получил ответ: отправляйте почту нормальным порядком – и причем в таком тоне, что точно из Москвы хотели сказать: «Не паникерствуйте!»»*

Это мы сейчас с вами знаем, что никакое мирное решение фюрером не рассматривалось в принципе. Ему нужна была война. Он ее и устроил 1 сентября 1939 года. Поэтому все рассуждения о том, что Сталин, мол, однозначно понимал, что сейчас начнется мировая бойня, находятся в одной плоскости с желанием Иосифа Виссарионовича напасть на Германию 7 июля 1941 года. Можно, конечно, обсуждать и это, только вот сторонники подобных исторических откровений обычно к содержательным беседам не готовы. Им бы чего попроще.

Например – пафосные рассуждения, что Гитлер сам никогда бы с Польшей не справился и только поход СССР на Западную Украину и Западную Белоруссию окончательно решил исход войны в пользу Третьего рейха. Не будем сейчас рассматривать вопрос, каким же образом вермахт уже через год взял убедительный реванш у Франции за Первую мировую? Просто ограничимся ключевой мыслью могучих интеллектуалов, будто без Сталина это было бы невозможно в принципе.

Действительно, ряд аналитиков в 1930-х годах искренне считал, что в возможном вооруженном конфликте Польша сокрушит Германию. Фамилий их за давностью лет никто уже не помнит, поэтому обычно фраза строится так: «Как вы можете отрицать, что виднейшие военные теоретики

того времени были убеждены в силе Речи Посполитой?» И все хорошо, если бы не два прискорбных обстоятельства. Во-первых, это утверждение относится к эпохе существования Веймарской республики. Та германская армия особой силой не обладала в принципе. Но не потому, что иссяк прусский дух, а в силу кабальных условий Версальского договора. Вермахт – совсем другое дело.

А во-вторых, эти самые легендарные военные аналитики были теснейшим образом аффилированы с Варшавой. И именно в силу данной причины озвучивали то, что требовалось польскому Генеральному штабу. На современном языке это называется «пиар-продвижение проекта». Согласимся, сработали они неплохо, если до сих пор, даже зная о событиях сентября 1939 года, находятся люди, повторяющие эту чепуху.

У них и свидетель имеется – сам польский генерал Андерс. В своих весьма своеобразных мемуарах он написал: *«Наши тылы, открытые и беззащитные, отданы на милость Советской армии и как раз в ту минуту, когда натиск немцев стал ослабевать, когда растянутые на сотни километров немецкие коммуникации стали рваться, когда мы могли бы еще сопротивляться некоторое время и дать союзникам возможность ударить на открытые западные границы Германии»*. То есть в том, что польская армия продержалась всего 17 дней, опять же виновато руководство СССР.

Глупость можно упорно повторять снова и снова. Но от этого она не перестает быть глупостью. Как вы ни старайтесь. Допустим, поляки действительно могли дать возможность союзникам ударить на границе с Германией. Теперь вопрос: это произошло? Разумеется, нет. Даже планов таких Лондон и Париж не имели в принципе. Все размышления на этот счет – чистая маниловщина. Польша была обречена.

Я знаю, что эти мои слова чрезвычайно обидят поляков. Не затрагивая сейчас характерную для них в последние 25 лет русофобию, давайте признаем: это храбрые люди. Они устремлялись в безнадежных кавалерийских атаках на немецкие танки. Они геройски гибли за свою родину. Храбрость солдата всегда достойна уважения. Но победить или даже остановить вермахт они могли бы только на страницах воспоминаний Андерса.

На то, что сокрушить Польшу, Германии потребовалось две недели. Остальные события можно охарактеризовать одним словом: добивание. Все уже всё прекрасно понимали. Да, польские войска еще продолжали храбро умирать за Речь Посполитую, но исход войны был очевиден. И в этой связи перекладывать вину на СССР – сродни спору вокруг умирающего от

гангрены человека: какой именно протез стоит ему сделать месяца через три. Дубовый или буковый? Звучит цинично, но от этого меньшей правдой не становится.

Тут в дело обычно вступает хорошо подготовленный хор. Напрасно вы считаете, что его премьерный концерт состоялся только после воссоединения Крыма с Россией. Вот уже более 20 лет сей хор успешно гастролирует по либеральным СМИ с одной и той же программой – «Все, что делает наша страна, преступно по определению». А в качестве главного шлягера обычно исполняется старинная сиротская песня, под которую хорошо подаются гранты. Припев ее вы все хорошо знаете: «Введение войск Рабоче-крестьянской Красной армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии является грубейшим попранием норм международного права».

Полагаю, вы еще не забыли прошедшие в сентябре 2016 года парламентские выборы. Третьим номером в списке партии «Парнас» шел профессор Зубов. Тот самый человек в монокле и с бабочкой, у которого *«Гитлер – ангел русской истории»*. Вот он залихватски исполняет эту арию, на зависть любому солисту Большого театра. И млеет аудитория от восторга. И не подозревают даже, что становятся участниками очередного выступления Свирида Петровича Голохвастова из фильма «За двумя зайцами»: *«И когда такой человек, ежели он вчѣный, поднимется умом своим за тучи и там умом своим становится ещѣ выше Лаврской колокольни, и когда он студова глянет вниз, на людей, так они ему покажутся такие махонькие-махонькие, все равно как мыши... пардон, как крысы... Потому что это же Человек! А тот, который он... это... он... он тоже человек, невчѣный, но... зачем же?! Это ж ведь очень и очень! Да! Да! Но нет!»*

Освободительный поход 1939 года

Давайте на минуту поверим, что Советский Союз действительно преступно надругался над всеми возможными нормами международного права, и перечислим документы, которые Сталин демонстративно игнорировал. Всего их четыре: Рижский мирный договор 1921 года, Парижский пакт Бриана – Келлога, Пакт о ненападении между Польшей и СССР 1932 года и, наконец, Конвенция об определении агрессии 1933 года. Согласимся – список масштабный. Одни только названия документов сбивают с ног и вызывают немедленное желание каяться перед всем миром. Но мы торопиться не будем. Изучим прежде те самые документы. Это ведь только в голове либерального адвоката Фейгина международный договор – петушиный крик.

Начнем с главного документа. Это, разумеется, Конвенция об определении агрессии. Большинство вопящих про советскую подлость даже не в курсе, что этот документ был предложен именно Москвой. Действительно, в документе содержится пункт *«вторжение своих вооруженных сил, хотя бы без объявления войны, на территорию другого государства»*. С этой точки зрения, действительно, ввод частей РККА на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии может считаться нарушением прописанного в конвенции определения.

Однако Конвенция об определении агрессии так и не стала документом международного права. Произошло сие досадное упущение благодаря действиям стран Запада. Дело в том, что эта самая конвенция должна была не существовать сама по себе, а стать частью международного соглашения о сокращении и ограничении вооружения. А оно не было подписано. То есть Сталин обвиняется либеральными мыслителями в грубом нарушении документа, который не был принят. Но об этом они тактично умалчивают.

Идем дальше. Пакт Бриана – Келлога, который якобы Кремль нагло проигнорировал. В нем содержится, в частности, пункт об осуждении войны для урегулирования международных споров. Согласимся – разногласия между Москвой и Варшавой действительно имелись. Но почему-то при действии этого самого пакта ни Франция, ни Великобритания, ни даже сама Польша не объявили войны СССР в том самом 1939 году. Я вам больше того скажу: 17 сентября польская армия получила приказ, запрещающий вступать в боевые действия с Рабоче-крестьянской Красной армией.

Начнем с главного документа. Это, разумеется, Конвенция об определении агрессии. Большинство вопящих про советскую подлость даже не в курсе, что этот документ был предложен именно Москвой.

Для тех, кто не понял: Лондон, Париж и Варшава не расценивали действия Москвы как начало войны. А значит, не были нарушены условия того самого пакта Бриана – Келлога. Как не было и надругательства Кремля над международным правом. Об этом любители порассуждать о вине СССР почему-то не рассуждают. Я, кстати, далек от мысли, что они не знают этих подробностей. Наверняка знают. Просто сказали распределители грантов кричать о преступлении руководителей страны перед цивилизованным миром – они и кричат.

Хватит юлить, воскликнет тут иной нетерпеливый читатель. Да, с пактом Бриана – Келлога не очень хорошо получается, и по поводу конвенции 1933 года вы правы. Но есть же и два других документа. Они гораздо важнее. Оба были подло и цинично нарушены Советским Союзом, и он должен наряду с гитлеровской Германией нести полную ответственность за развязывание Второй мировой войны.

Подобные монологи я слышал за последние лет 15 великое множество раз. Кто только их не повторял! От не блещущих глубокими познаниями

вечно анонимных экспертов в Твиттере до «россиеведа» Игоря Чубайса. Пишу это слово в кавычках, потому что нет никого более далекого от сложной истории страны в XX веке. У таких людей на первом месте – политические убеждения. А если факты им противоречат – тем хуже для фактов. С этим нарративом они и шагают гордо по жизни.

Так вот, в том самом пакте о ненападении между Польшей и СССР 1932 года действительно содержится важный пункт. Он гласит: *«Будет признан любой акт насилия, который нарушает целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой стороны, которая договаривается, даже если эти действия без объявления войны и исключения всех ее возможных проявлений»*. Значит ли это, что действия Москвы являются нарушением международного права?

Никогда не следует торопиться. Первое впечатление зачастую оказывается обманчивым. Всегда старайтесь, чтобы мысль опережала действие. Платить и каяться перед всем просвещенным человечеством за «грехи» наших дедов и прадедов никогда не поздно начать. Но прежде стоит все досконально изучить, чтобы не чувствовать себя потом патологическим глупцом, который признался в преступлении, которого никогда не совершал, а все обличающие его улики оказались на поверку нагромождением откровенной лжи и политически выгодных домыслов.

Когда подписывался тот самый пакт с Польшей, в Кремле исходили из очень простой парадигмы. Нужно, чтобы Варшава сохраняла суверенитет и тем самым служила своеобразным щитом между СССР и странами западных демократий. Напоминаю, что в тот момент определение «республика в кольце врагов» было вовсе не навязшим у всех на зубах штампом советского агитпропа, а суровой реальностью международной политики. Но то, что было актуально в 1932 году, перестало быть таковым спустя семь лет.

Польша была оперативно разгромлена Третьим рейхом. Сталин хорошо понимал то, что не способны почему-то осознать нынешние его либеральные обличители. Стремительное продвижение вермахта на территорию Западной Украины и желание Берлина создать там очередного лимитрофа представляют собой вовсе не эфемерную угрозу существованию первого в мире государства рабочих и крестьян. Нужно было немедленно принимать ответные меры. Поражение Польши автоматически означало конец существования того самого пакта 1932 года. Соблюдая все принятые нормы международного права, правительство СССР уведомило посла Польши в Москве о прекращении действия этого документа.

Но даже это еще не все. В те далекие уже времена в международном праве была одна весьма интересная норма. В переводе на простой человеческий язык она гласила, что в случае угрозы национальной безопасности государство может прибегнуть к силовому устранению этой самой опасности. Именно этим пунктом и воспользовалось руководство СССР в сентябре 1939 года.

Я уже слышу ропот иных моих либеральных читателей. Мол, никакой угрозы существованию Советского Союза действия Германии в Польше не несли. И никакие планы по сокрушению большевизма в рейхсканцелярии не разрабатывались. Сталин, воспользовавшись случаем и увеличив территорию страны за счет истекающей кровью Польши, поступил однозначно подло, и тот, кто пытается отрицать его вину, – негодяй.

Те, кто это утверждает, расписываются в полном незнании истории. Им невдомек, что в тот момент в Берлине всерьез размышляли о создании новых лимитрофов в виде «Украинской» и «Белорусской» республик. Естественно, о какой-либо самостоятельности этих квазигосударств речь не шла по определению. Только строгое подчинение Третьему рейху. Именно реализацию этого плана Москва и стремилась предотвратить. В Кремле прекрасно понимали, к чему это может привести.

И вовсе не какие-то эфемерные планы были у Берлина насчет «независимых» Украины и Белоруссии. Руководитель военной разведки рейха адмирал Канарис начал проводить встречи с одним из лидеров Организации украинских националистов Мельником. Тот, разумеется, с восторгом встретил эту идею и даже начал формировать правительство. Но дальше разговоров на том этапе не пошло, а в дальнейшем Москва приняла необходимые меры.

Разговор начал Гитлер. Смысл его как всегда пространных рассуждений сводился к тому, что Великобритания разбита и вот-вот капитулирует.

Разбирать мифы вокруг договора о ненападении между СССР и Германией можно бесконечно. С каждым годом число вздорных утверждений только множится. Тема уже давно вышла за рамки исторического события, превратившись в инструмент политики. Особенно преуспели в этом опять-таки в Польше. Каждый август в медийное пространство выплескивается очередная порция диких утверждений, и российские историки, тяжело вздыхая, начинают отвечать по новой. Бесконечный процесс.

Но вот что интересно. Все рассуждения сводятся исключительно к событиям 1939 года. А ведь у них было гораздо более интересное продолжение. Я, разумеется, имею в виду визит Молотова в Берлин. Вот ведь где поле непаханое для фальсификаций! Но молчат почему-то в Варшаве и Киеве на этот счет. А мы – вспомним подробности той истории.

13 ноября 1940 года. Утро. Поезд из Москвы подходит к Ангальтскому вокзалу Берлина. Моросит дождь. На перроне его встречают министр иностранных дел Третьего рейха Иоахим фон Риббентроп и фельдмаршал Вильгельм Кейтель. Советская делегация во главе с наркомом иностранных дел Вячеславом Молотовым сразу же отправилась в имперскую канцелярию, где должна была состояться встреча с фюрером тысячелетней империи Адольфом Гитлером.

В. М. Молотов, В. Кейтель, И. фон Риббентроп на вокзале в Берлине, ноябрь 1940 года

Гитлер сидел за письменным столом, и в огромном зале его небольшая фигура в военном мундире была едва заметна. Сказав несколько дежурных

слов о том, что он рад приветствовать советскую делегацию в Берлине, Гитлер предложил расположиться в той части кабинета, которая представляла собой гостиную. На переговорах присутствовал и хорошо знающий русский язык советник немецкого посольства в Москве Хильгер. Все рассаживаются вокруг стола на диване и в креслах, обтянутых пестрой тканью.

Разговор начал Гитлер. Смысл его как всегда пространных рассуждений сводился к тому, что Великобритания разбита и вот-вот капитулирует. Вместе с итальянскими союзниками вермахт проводит успешные операции в Африке. Кроме этого, Германия контролирует уже всю Западную Европу. А значит, резюмировал Гитлер, победа Третьего рейха всем очевидна и самое время начинать думать об организации нового мирового порядка.

В этой связи у Берлина имеется плодотворная дебютная идея, связанная с уже по сути бесконтрольным наследством Великобритании. Речь, разумеется, об английских колониях. Этим имуществом нужно распорядиться правильно. Правительство Германии уже проводит соответствующие консультации с правительствами Италии и Японии и теперь желает знать: что думают по этому поводу в Советской России? Берлин готов сделать перспективное предложение.

Гитлер заканчивает говорить. Вместе с переводом его речь заняла около часа. Для него это очень мало. Слово берет Молотов. Он не собирается обсуждать перспективы и предлагает сосредоточиться на вопросах текущей повестки дня. Например, он желает услышать от канцлера Германии объяснения – что делает его военная миссия в Румынии и почему она там находится без консультации по данному вопросу с СССР? Кроме этого Москву интересует, для чего немецкие войска направлены в Финляндию в обход достигнутых годом ранее соглашений?

Видно было, что слушать это Гитлеру неприятно. Ему не удалось скрыть растерянность. Он искренне считал, что беседа с представителем большевиков пойдет по его сценарию, но выяснилось, что Молотов вовсе не так прост, как фюрер себе воображал. Буквально скороговоркой он объясняет, что в Румынию миссия прибыла по просьбе Антонеску. Что же касается Финляндии, то это транзитная точка. Немецкие части отправляются в Норвегию.

Это объяснение не удовлетворяет советскую делегацию. Молотов заявляет, что у него создалось совершенно иное впечатление. Войска, прибывшие в Финляндию, ни в какую Норвегию пока не собираются. И в Румынии все не ограничивается одной лишь миссией. Туда направляются

дополнительные воинские части. Их уже слишком много для просто советников Антонеску. Для чего на самом деле осуществляется передислокация? В Москве подобные действия Берлина вызывают закономерное беспокойство, и очень хочется получить недвусмысленные ответы на эти вопросы.

Гитлер прибегает к испытанному дипломатическому приему. Он, разумеется, не осведомлен о происходящем, но теперь обязательно поинтересуется. А в целом все это совершенно не важно. Сейчас самое время начать обсуждать глобальные вопросы по послевоенному переделу мира, а не размениваться на пустяки. Советский Союз наверняка заинтересован в расширении своей территории. Как Москва смотрит на земли к югу от своей государственной границы в направлении Индийского океана?

Гитлер явно чувствует себя не в своей тарелке. Он нервничает и излишне торопливо заявляет, что данное требование невыполнимо.

Молотов снова перебивает Гитлера, говоря, что ему неинтересно обсуждать подобные комбинации и что Москва заинтересована в спокойствии на своих границах. Канцлер Третьего рейха выслушивает его и опять заводит разговор про бесхозное наследство Британской короны. Вообще беседа приняла странный характер. Молотов настаивает на обсуждении конкретных вопросов и требует от германского правительства разъяснений; Гитлер занимается свойственной ему демагогией. Переговоры прерываются.

На следующий день все повторяется. Затяжная Молотовым дискуссия вокруг частей вермахта явно не входила в планы Гитлера. Он в который раз предлагает вернуться к вопросу передела мира: *«Давайте лучше обратимся к кардинальным проблемам современности. После того как Англия потерпит поражение, Британская империя превратится в гигантский аукцион площадью в 40 миллионов квадратных километров. Нужно без отлагательства заняться проблемой раздела империи. Тут речь может идти прежде всего о Германии, Италии, Японии, России».*

Переговоры В. М. Молотова и А. Гитлера в Берлине, ноябрь 1940 года

Молотов спокойно замечает, что все это он уже слышал накануне и его в значительно большей степени интересуют актуальные вопросы европейской безопасности. Речь идет не только о Финляндии и Румынии. Хотелось бы также знать о планах Германии в отношении Болгарии и Турции. В Кремле считают германо-итальянские гарантии Бухаресту направленными против интересов СССР. Они должны быть аннулированы. Все это Молотов произносит на редкость будничным тоном.

Гитлер явно чувствует себя не в своей тарелке. Он нервничает и излишне торопливо заявляет, что данное требование невыполнимо. Молотов, не повышая голоса, наносит сокрушительный удар по самолюбию великого сына немецкого народа: *«Что сказала бы Германия, если Советский Союз, учитывая свою заинтересованность в безопасности района, прилегающего к его юго-западным границам, дал бы гарантии Болгарии, подобно тому, как Германия и Италия дали гарантии Румынии?»*

Гитлер в замешательстве. Так с ним уже давно никто не говорил. Выйдя из равновесия, фюрер срывается на крик: *«Разве царь Борис просил Москву о гарантиях? Мне ничего об этом не известно. И вообще об этом я должен посоветоваться с дуче, Италия тоже заинтересована в делах этой части Европы»*. Переговоры, еще недавно казавшиеся Гитлеру легкой прогулкой, шли явно не по его плану. Казалось, ничто не способно вывести Молотова из себя.

Народный комиссар иностранных дел СССР спокойно объясняет канцлеру Германии, что долг каждого государства состоит в обеспечении безопасности своей территории и защите безопасности дружественных стран. Советский Союз исторически связан с Болгарией и не хочет, чтобы она была втянута в опасный конфликт. Тем самым Москва недвусмысленно дала понять Берлину: оккупации Софии мы не допустим. Но и это еще не все.

Кремль весьма недоволен задержкой поставок важного немецкого оборудования. Это тем более недопустимо, если учитывать, что СССР всегда точно и в срок выполняет свои обязательства по подписанным экономическим соглашениям. Срыв утвержденных сроков создает серьезные трудности. В этой связи, продолжает Молотов, хотелось бы узнать, когда Берлин начнет выполнять свои обязательства?

Для фюрера невыгоден такой ход переговоров. Он пытается изворачиваться. Начинает очередной пространный монолог о том, что Третий рейх ведет войну не на жизнь, а на смерть с Англией и это требует мобилизации всех ресурсов, поэтому поставки в СССР идут с задержкой. Лучше бы он этого не говорил – так как немедленно нарвался на закономерный вопрос от Молотова: *«Но мы только что слышали, что Англия фактически уже разбита. Какая же из сторон ведет борьбу на смерть, а какая – на жизнь?»*

В зале воцарилась напряженная тишина. Министр иностранных дел Третьего рейха фон Риббентроп ерзает в кресле и с нескрываемым беспокойством смотрит на своего фюрера. Потом сосредоточенно начинает рассматривать свои руки. Пальцы предательски вздрагивают. Члены немецкой делегации ждут реакции Гитлера. Они опасаются истерики, которая недопустима на высоких переговорах. Но фюрер берет себя в руки, хотя это дается ему непросто. Он делает вид, что не замечает откровенной иронии Молотова. С едва заметным раздражением он произносит: *«Да, Англия разбита, но кое-что нам нужно закончить»*.

Сразу после этого Гитлер заявляет, что, по его мнению, тема беседы полностью исчерпана. Вечером он будет занят, и переговоры с господином

Молотовым завершит рейхсминистр Риббентроп. Так закончилась последняя встреча советской делегации с Гитлером. Говоря откровенно, он в ней уже не нуждался. Генеральный штаб к тому времени заканчивал разработку «Оперативной директивы № 21». Это всем известный план «Барбаросса». А еще задолго до ноября 1940 года Гитлер произнес: *«Все надежды у Англии на Россию и Америку. Если надежда на Россию отпадает, то отпадает и надежда на Америку, поскольку выход России из строя в огромной степени изменит роль Японии в Восточной Азии. Когда Россия будет разбита, рухнет последняя надежда Англии»*. Третий рейх сделал последний шаг к войне против СССР. И к своему краху.

Война на уничтожение

*Неслыханное нападение на нашу страну является
беспримерным в истории цивилизованных народов
вероломством.*

В. Молотов

Писать о Великой Отечественной невероятно сложно. Во всем мире вышли сотни тысяч книг об этом важнейшем историческом событии XX века. Все, что ты скажешь, будет изначально выглядеть изрядно заплесневевшим набором банальностей, которые всем давно прекрасно известны. Я сам сталкивался с таким многократно. Больше 2 тыс. часов за последние 10 лет я рассказывал на радио о той эпохе. И всякий раз закономерно слышал в конце: в принципе ничего нового вы нам не сообщили. Даже когда разбирались многочисленные мифы из серии «Красная армия в 1945 году изнасиловала Пруссию» – об этом мы еще поговорим.

Я прекрасно сознаю всю сложность собственного положения. Поэтому предлагаю вам взглянуть на основные события тех роковых лет через призму пропаганды. О чем знали, а самое главное – не знали в Москве и Берлине. Посмотреть, о чем говорили лидеры СССР, Германии, Великобритании, США. Оценить, как действовали полководцы РККА и вермахта, как СМИ сообщали об этом гражданам воюющих стран. Это тем более важно, потому что странным образом фактор пропаганды в годы Великой Отечественной войны многими сегодня недооценивается.

22 июня 1941 года. Советско-германская граница. 3 часа 10 минут. Командир дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» оберстгруппенфюрер СС Зепп Дитрих, закончив оглашение приказа Гитлера о начале войны против большевиков, подмигнул своим офицерам: «Через два месяца нас ждет парад в Москве!» В это же время в Берлине министр пропаганды тысячелетнего рейха Йозеф Геббельс дописывает обращение к нации, которое должны будут передать все немецкие радиостанции. Но, конечно, сначала должен выступить сам фюрер.

В 7.15 из Москвы поступил приказ атаковать и уничтожить войска противника.

Те минуты воспринимались им как долгожданный триумф политической воли. Он шел к нему с самого начала своей карьеры вождя карликовой партии, которая завоевала власть в Германии и избавила ее от унижительных условий Версальского мира. Его цель – сокрушить еврейский большевизм – была теперь близка как никогда. И сознанием исторического момента было проникнуто каждое слово его речи: *«Германский народ! В этот момент идет наступление – величайшее из тех, что видел мир. Я решил сегодня передать судьбу и будущее Германской империи и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог в нашей борьбе!»*

Москва. Кремль. Раннее утро. В кабинет к генеральному секретарю Всесоюзной коммунистической партии большевиков Иосифу Сталину быстрым шагом вошел народный комиссар иностранных дел Вячеслав Молотов. Он лапидарен: германское правительство объявило войну. Сталин молча опустил на стул и глубоко задумался. Наступила длительная, тягостная пауза. Как напишет позднее сам Молотов, германский посол Шуленбург был очень расстроен, вручая заявление о начале войны, и даже сказал, что лично он сделать уже ничего не может.

Немецкое нападение осуществлялось тремя группами армий: «Север», «Центр» и «Юг». Каждая из них отвечала за одно из трех стратегических направлений: на Ленинград, Москву и Киев. Была поставлена задача: максимально быстро рассечь на части, окружить и уничтожить Рабоче-крестьянскую Красную армию на возможно более близких к границе рубежах. Наступление должно было завершиться оккупацией всей европейской части СССР.

Трудящиеся Ленинграда слушают о нападении фашистской Германии на Советский Союз

В 7.15 из Москвы поступил приказ атаковать и уничтожить войска противника. Эти совершенно абстрактные контрмеры никто не мог выполнить. Еще менее реалистичной была директива № 3, изданная вечером того же дня, в 21.15, и подписанная уже не Сталиным, а маршалом Советского Союза Тимошенко и генералом армии Жуковым. В ней советским войскам ставилась задача перейти в контрнаступление, окружить и уничтожить вражеские армии, с тем чтобы потом занять их исходные базы на польской территории.

Все это было в духе легендарного выступления по радио народного комиссара иностранных дел Вячеслава Молотова: *«Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору»*. В этой речи интересен прежде всего отсыл к русской истории. Молотов напоминает о судьбе Наполеона и вводит в употребление выражение «Отечественная война». А ведь это в

известном роде была ересь. В СССР тогда строго руководствовались известным постулатом Маркса и Энгельса: у пролетариев нет отечества. Но умение делать правильные выводы в трудную минуту – отличительная черта сильных политиков. Сталин и Молотов ими были – вне всякого сомнения.

Между тем указания Москвы еще больше усилили замешательство в штабах. Попытки остановить наступление немцев с помощью беспорядочных контратак были оплачены дорогой ценой, не дали ожидаемых результатов и задержали организацию эффективной обороны. По свидетельству очевидцев, в первые часы войны в Генштабе никто толком не знал, что предпринять. Некоторые даже вспоминали предостережения репрессированных маршалов и генералов, к которым в свое время не прислушались.

В Берлине ликовали. Казалось, что война закончилась, не успев начаться. Под руководством фельдмаршала Кейтеля была завершена разработка знаменитой директивы № 32 о том, что делать после победоносного разгрома Красной армии: осенью 1941 года нанести удары из Ливии через Египет – в Иран и далее в Индию; из Болгарии через Турцию – на Ближний Восток. Начальник германского Генерального штаба генерал Франц Гальдер записал в дневнике: *«Русская сухопутная армия разгромлена, и вряд ли при дальнейшем продвижении немецких войск на Восток русские смогут оказать наступлению немецкой армии серьезное сопротивление»*.

Но были среди немецких стратегов и те, кто не спешил праздновать победу. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт писал в своем дневнике: *«Война с Россией – бессмысленная затея, которая не может иметь счастливого конца... Вы только посмотрите на эти огромные пространства. Мы не можем разгромить противника и оккупировать всю западную часть России от Балтийского до Черного моря за несколько месяцев»*. Но таких, как Рундштедт, было тогда критическое меньшинство, и слушать их, естественно, никто не стал.

На Британских островах сообщение о начале вторжения Третьего рейха в СССР было получено рано утром 22 июня. Как раз за два дня до этого премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль говорил о скором начале германо-советской войны. И Черчилль, и президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт сходились в том, что в этой войне Великобритания и США должны будут помогать России.

В тот же день британский премьер-министр выступил по радио: *«Вторжение Гитлера в Россию является не более как прелюдией к*

попытке вторжения на Британские острова. Опасность для России является опасностью для нас и опасностью для Соединенных Штатов. Так же как дело каждого русского, борющегося за свою землю и свой родной дом, является делом свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара».

Сталин внимательно прочел речь Черчилля и все донесения посольства и разведки из Лондона. Однако опубликовать выступление британского премьера велел лишь в самых кратких изложениях. Были на то свои причины. Конечно, помощь Великобритании лишней точно не стала бы. Но советский вождь хорошо знал и знаменитые слова Черчилля: «Я убежденный антикоммунист и таковым быть никогда не перестану». А значит, он был союзником лишь тактическим. Верность сталинской оценки ситуации подтвердилась уже через пять лет в эпоху холодной войны – напомним, что началась она как раз с выступления Черчилля.

Утром 22 июня была образована Ставка Верховного главнокомандования во главе с маршалом Семеном Константиновичем Тимошенко. В ее состав вошли маршалы Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов и Семен Михайлович Буденный, адмирал флота Николай Герасимович Кузнецов, генерал армии Георгий Константинович Жуков и нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов. Сталин также был назван членом Ставки, но всем было ясно, что именно он является ее фактическим руководителем. Ни Тимошенко, ни Жуков не могли принять ни одного важного решения, не получив на это одобрения генерального секретаря партии. По предложению Сталина Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о проведении мобилизации в стране.

Но советский вождь хорошо знал и знаменитые слова Черчилля: «Я убежденный антикоммунист и таковым быть никогда не перестану». А значит, он был союзником лишь тактическим.

Сообщения с фронтов были неутешительными, и это вызывало все большее раздражение Сталина. Поэтому сразу же после образования Ставки он предложил направить в качестве ее представителей маршалов Бориса Михайловича Шапошникова и Григория Ивановича Кулика – на Западный фронт, а генерала Жукова – на Юго-Западный фронт. Сталин пояснил тогда, что наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Помогло это мало. Вермахт наступал слишком стремительно.

Нужно было принимать решительные меры. В том числе – немедленно перестроить военную пропаганду.

Ярким примером деятельности советского агитпропа в 1941 году служит история 28 героев-панфиловцев. Давайте сразу произнесем главные слова: солдаты и офицеры 316-й стрелковой дивизии под командованием военного комиссара Киргизской ССР генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова героически дрались осенью 1941 года под Москвой. Ценой своих жизней они остановили наступление немецких танков. Но вот именно того подвига, о котором сегодня все знают, – не было. Давайте я вам сначала расскажу, как создавалась эта история, а потом объясню, для чего это было нужно в первый военный год и почему об этом подвиге нам важно помнить всегда.

16 ноября 1941 года. Легендарный бой у разъезда Дубосеково. С нашей стороны – 28 солдат, вооруженных винтовками, гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Нет танков, противотанковых ружей, пушек. На них наступают 54 немецких танка при поддержке артиллерии. Исход боя предсказать не очень сложно. Но политрук Диев произносит слова, которые потом заучил навсегда каждый школьник: *«Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!»*

Панфиловцы ценой собственных жизней перебили все немецкие танки и остановили несокрушимый до той минуты вермахт на подступах к Москве. Командующий Западным фронтом генерал армии Жуков, узнав о таком ратном подвиге, разумеется, немедленно представил всех солдат к трижды заслуженным ими наградам. Указом Президиума Верховного Совета СССР каждому из 28 было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему
и рядовому составу Красной Армии

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»:

1. Красноармейцу **Ананьеву Николаю Яковлевичу**.
2. Красноармейцу **Безродному Григорию**.
3. Красноармейцу **Болотову Николаю Никаноровичу**.
4. Красноармейцу **Бондаренко Якову Александровичу**.
5. Красноармейцу **Васильеву Иллариону Романовичу**.
6. Сержанту **Добробабину Ивану Евстафьевичу**.
7. Красноармейцу **Дутову Петру Даниловичу**.
8. Красноармейцу **Емцову Петру Кузьмичу**.
9. Красноармейцу **Есибулатову Нарсутбаю**.
10. Красноармейцу **Келейникову Дмитрию Митрофановичу**.
11. Красноармейцу **Касаеву Аликбаю**.
12. Политруку **Клочкову Василию Георгиевичу**.
13. Красноармейцу **Кожебергенову Аскару**.
14. Красноармейцу **Конкину Григорию Ефимовичу**.
15. Красноармейцу **Крючкову Абраму Ивановичу**.
16. Красноармейцу **Максимову Николаю Гордеевичу**.
17. Старшему сержанту **Митину Гавриилу Степановичу**.
18. Красноармейцу **Митченко Николаю**.
19. Красноармейцу **Москаленко Ивану Васильевичу**.
20. Красноармейцу **Натарову Ивану Моисеевичу**.
21. Красноармейцу **Петренко Григорию Алексеевичу**.
22. Красноармейцу **Сенгирбаеву Мусабеку**.
23. Красноармейцу **Тимофееву Дмитрию Фомичу**.
24. Красноармейцу **Трофимову Николаю Игнатьевичу**.
25. Красноармейцу **Шадрину Ивану Демидовичу**.
26. Красноармейцу **Шапокову Душанкулу**.
27. Красноармейцу **Шемякину Григорию Михайловичу**.
28. Красноармейцу **Шепеткову Ивану Алексеевичу**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР **М. КАЛИНИН**.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **А. ГОРКИН**.

Москва, Кремль. 21 июля 1942 года.

28 героев-панфиловцев

Об этом беспримерном проявлении стойкости советского солдата каждый из нас знает с детства. Да, иной раз возникали какие-то нестыковки, но их всегда можно было игнорировать. Они совершили бессмертный подвиг. Что тут обсуждать? Да хотя бы обстоятельства, при которых об этом узнала страна.

27 ноября 1941 года. В тот день газета «Красная звезда» сообщила, что командовал героями политрук Диев. Пройдет два месяца, и эта же самая газета внесет важное уточнение: слава политруку Клочкову, который и повел героев на смертный бой. Известно: заставь трех человек описать увиденное ими событие – такая каша получается, что сам черт ногу сломит. Отдельные деятели советского агитпропа умудрились договориться даже до того, что сделали командира героев-панфиловцев человеком с двойной фамилией: Диев-Клочков. А параллельно бывший командующий 16-й армией маршал Советского Союза Константин Рокоссовский почему-то предпочитал не произносить зажигающих сердца монологов про бой у Дубосекова. Обычно он ограничивался исключительно общими фразами. Из серии «нам не известно имя этого солдата, но знаем, что он был верным сыном Родины и отдал за нее жизнь». Хотя про иные события рассказывал охотно и приводил интереснейшие детали.

Были в той истории и другие подробности, которые знало командование фронтом, но которых по вполне понятным причинам не полагалось знать рядовым гражданам страны. Советская военная хроника вывела тогда жесткую универсальную формулу: сопротивление наших солдат привело к невиданным потерям немцев и сломало их моральный дух. И не поспоришь, все так и было. Однако всем хотелось знать дополнительные подробности бессмертного подвига героев-панфиловцев. Чтобы соответствовать им во всем. А этих самых подробностей почему-то не было.

После войны историей боя у Дубосекова занялась военная прокуратура. Заинтересовалась она этими событиями вовсе не от вопиющего без дела. Ведь если все, кто слышал знаменитые слова политрука Диева, пали через пару часов смертью храбрых – как же об этом узнала потом вся страна? Он же их не по радио говорил, а произнес в окопе перед боем, глядя в бинокль на приближающиеся немецкие танки. И остальные 27 героев-панфиловцев в тот момент не в Твиттер писали, а готовили бутылки с зажигательной смесью, чтобы остановить ценой собственных жизней те самые танки. Так откуда же всем стало известно

про пламенную речь политрука? С этого все и началось.

Тут же стали всплывать дополнительные странности. Все панфиловцы пали смертью храбрых, уничтожив полсотни танков противника. Это немало даже по самым высоким стандартам. Только почему-то их непосредственный начальник майор Решетников об этом не узнал. Именно поэтому он и не доложил дальше по инстанциям о подвиге своих солдат. Ни командир дивизии Панфилов, ни командующий 16-й армией генерал Рокоссовский странным образом были не осведомлены о событиях у Дубосеково. Как не знали об этом и в Берлине – что тоже удивляет. Потерять в одном бою полсотни танков – это не баран чихнул. Но фронтовые сводки вермахта про этот эпизод не сообщали.

Слышу возражение: немцы молчали, потому что не могли поверить в такие грандиозные потери. Они сокрушили половину Европы, уже вплотную подошли к Москве, а столь чудовищных поражений никогда еще не несли. Это правда. Однако принцип военной пропаганды зачастую состоит в другом. Если бы в Берлине стали известны подробности разгрома у Дубосекова – Геббельс бы расстарался на славу. Он бы тут же выступил с пламенной патриотической речью, где заявил бы, что даже неся жестокие потери от вконец озверевших азиатских орд большевиков, германский солдат все равно стремительно наступает. Он воздал бы должное вермахту, достигшему подлинного совершенства. Никогда в мировой истории не было армии, способной проявлять такую стойкость в бою. И ему бы аплодировало все население Германии, проникаясь величием подвига. Но ничего этого не было. Потому что не знали в рейхе про бой у разъезда Дубосеково.

Зато о нем знали в Москве. Агитпроп сработал блестяще, создав ярчайший пример мужества советского солдата, шедшего на смерть за Родину и Сталина. Тут же нашлись и очевидцы боя. Первым стал ответственный секретарь газеты «Красная звезда» Кривицкий. И совершенно не важно, что в тот день он не был в районе Дубосекова. Это он сам потом рассказал следователям военной прокуратуры, когда те поинтересовались: откуда же тебе, товарищ родимый, все это известно?

Кривицкий был честным человеком и хотел всячески помочь компетентным органам. Поэтому сразу сообщил, что в тот день не покидал редакцию газеты, а все героические подробности узнал от корреспондента Коротеева. Тот, правда, тоже в тот день в Дубосекове не был, но слышал разговоры в штабе фронта. Их он и передал в родную газету. Следователям все это почему-то не очень понравилось и, последовательно опросив всех участников действия, они восстановили картину создания эпоса. Отчего

сами пришли в ужас. А повод нервничать у них и правда был. Опасны были такие знания по реалиям той эпохи.

Главный редактор «Красной звезды» Давид Ортенберг задал закономерный вопрос Коротееву: сколько людей служило в героической роте? Получил ответ, что было их 40 человек. В газете тут же пришли к пониманию, что это слишком много. Сократили до 30. Но и эта цифра не ласкала взор и не грела душу. Все героями быть не могут. Обязательно должна была затесаться в славные ряды панфиловцев подлая гнилая душонка, троцкистско-фашистский холуй и недобитый подкулачник.

Никак иначе рассуждать в редакции газеты «Красная звезда» не могли по определению. Товарищ Сталин, заявив в сентябре 1941 года о необходимости железной рукой обуздать паникеров и трусов, максимально ясно обозначил приоритеты. А значит, нужно было найти проклятых отщепенцев и в рядах панфиловцев. Иначе получится подозрительно. Решили не мелочиться: пусть будут два предателя, которые перед боем хотели перебежать к немцам, но эти подлые изменники были разоблачены бдительным политруком. Такой вот алгоритм.

Предстояло решить важный вопрос: сколько танков противостояло им в том бою? Понятно, что каждый панфиловец сжег минимум один бронированный кулак вермахта. Но ведь всегда хочется большего. Поэтому 28 сначала умножили на два. Цифра эта, безусловно, радовала журналистов. На таком ратном подвиге легко воспитывать бойцов Рабоче-крестьянской Красной армии. Но главный редактор «Красной звезды» после долгих раздумий пришел к выводу, что многовато как-то получилось. Неправдоподобно. Не могут же все немецкие танки наступать только на позиции одной роты. Поэтому пусть их будет 54. От этого подвиг панфиловцев тусклее не станет. На том и порешили.

Но и эта цифра продержалась недолго. Неутомимый борец со сталинским наследием Хрущев добрался и до боя у разъезда Дубосеково. Очень уж ему не по вкусу пришлось прославление одной-единственной роты. Остальные ведь не менее героически дрались под Москвой, разрушив миф о непобедимости вермахта. Не только панфиловцы жгли танки. Поэтому пусть герои уничтожили только 18 панцеркампфвагенов. От этого их подвиг менее величественным не станет.

Как должна была поступить военная прокуратура, узнав, что подвиг, по сути, существовал только на страницах газеты «Красная звезда»? Разумеется, разоблачить подлог. И без того история Великой Отечественной войны явила миру ярчайшие примеры беспримерного мужества советских солдат и офицеров. Был подготовлен документ для

Политбюро. Эта та самая справка, которую тогдашний директор Государственного архива Мироненко опубликовал 22 июня 2015 года. Думаю, подробности того грандиозного общественного скандала еще свежи у многих в памяти. Поэтому – повторяться не будем.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков

Так вот, после расследования военной прокуратуры выяснилось, что менять что-то уже поздно. Маршал победы Жуков ежегодно прославлял героев-панфиловцев. Попробуйте после этого объяснить советским людям, что ничего этого не было в принципе. Да вас после этого сотрут в порошок. В лучшем случае на товарищеском суде. В худшем – в лагере, куда отправят за распространение антисоветской пропаганды. Это вам не нынешняя эпоха, где кто что хочет, то и пишет в социальных сетях. В Советском Союзе с этим было строго.

Жуков, выражаясь современным языком, стал главным пиарщиком панфиловцев. И случилось это вовсе не после войны, как кто-нибудь мог бы подумать. Еще во время битвы за Москву он узнал подробности боя у Дубосекова из газеты. Естественно, что Георгий Константинович тут же потребовал составить поименный список героев для их награждения.

Верховный Совет СССР издает указ, и из газетного вымысла подвиг становится реальным историческим фактом. Хотя в списке оказался, например, сержант Добробабин, в июне 1942 года под угрозой отправки в Германию служивший во вспомогательной полиции. Там он занимал должности полицейского на станции Ковяги, а в дальнейшем – начальника караульной смены в селе Перекоп.

Это одна из неприятных подробностей истории 28 героев-панфиловцев. Но не спешите думать, будто разоблачение мифа случилось во времена перестройки или в эфире «Эхо Москвы». Все произошло значительно раньше. Еще в 1960-х годах в популярном журнале «Новый мир» появилась подробная статья. Так что все интересовавшиеся историей Великой Отечественной уже тогда знали правду. Другой вопрос, что таких людей всегда критическое меньшинство в любом обществе.

Подводя итог боя у разъезда Дубосеково, можем сказать, что в том виде, в каком историю об этом событии растиражировала газета «Красная звезда», его, вне всякого сомнения, никогда не было. Но в условиях зимы 1941 года армии и тылу как воздух нужна была такая героическая история. Необходимы были образы, с которыми советские дивизии шли бы на врага. С этой точки зрения цель была достигнута блестяще. Фронтовики получили наглядный пример верности Родине до последнего вздоха. И потом многократно демонстрировали ту самую отчаянную смелость, которая и позволила сокрушить вермахт.

История панфиловцев именно в том виде, в каком она была подана, оказалась в тот момент абсолютно необходима. Если бы тогда, в ноябре 1941 года, не появился подобный рассказ о героической Красной армии, могло случиться страшное. Этот рассказ показал народу, что несмотря на самые тяжелые поражения летом 1941 года, на оставленные Минск, Киев, Одессу, Прибалтику, на начавшуюся блокаду Ленинграда, наша армия не сломлена и готова к ожесточенному сопротивлению. Именно с этой точки зрения я предлагаю оценить поступок журналистов. Да, они приукрасили действительность и создали героический миф. Но этот миф сыграл очень важную роль. Я, кстати, не убежден, что в «Красной звезде» прогнозировали успех этой статьи. Мне представляется, что он стал во многом неожиданным. Но всенародный патриотический подъем, который последовал за этой публикацией, говорит о том, что журналистам удалось угадать архетип, затронуть струны народной души. Это невероятно важная статья для понимания очень многих процессов.

Нужен этот образ и сегодня. Абсолютно не важно, что именно этого боя никогда не было. Давайте не забывать, что в тот самый день, 16 ноября

1941 года, панфиловская дивизия героически дралась под Москвой. 1075-й стрелковый полк (где и служили те самые 28 человек) уничтожил 16 немецких танков и около 800 человек личного состава противника. Наши потери составили 400 человек убитыми, 600 человек пропавшими без вести, 100 человек ранеными. Давайте помнить об этих людях. Это ведь те же самые панфиловцы, погибшие, но не пропустившие противника к Москве. К обороне святого для любого русского сердца города мы сейчас и перейдем.

Берлин, рейхсканцелярия, 12 ноября 1941 года. Совещание в Ставке фюрера. Присутствуют: командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок, командующий сухопутными войсками фон Браухич, начальник Генштаба Гальдер. Принимается решение завершить военную кампанию 1941 года взятием столицы СССР. Немецкие войска, по оценкам командования вермахта, не могли остановиться на полпути, не дойдя до цели каких-то жалких 60 километров. Стратегам Третьего рейха захват Москвы был крайне необходим, иначе ставилось под сомнение значение всех побед германского оружия, достигнутых летом и осенью.

На следующий день в обращении к нации канцлер Германии Адольф Гитлер заявил следующее: *«Те из солдат, у которых в сердцах или в умах еще жили коммунистические идеи, вернутся домой в буквальном смысле этого слова исцеленными. Картины этого рабоче-крестьянского рая – какие я всегда описывал – будут подтверждены шестью миллионами солдат после окончания этой войны. Они будут свидетелями, на которых я смогу положиться. Они прошли по улицам этого рая».*

Перенесемся теперь в Москву. Кремль, 29 ноября 1941 года. Заседание Ставки Верховного главнокомандования. Присутствуют: председатель Государственного Комитета Обороны Сталин, народный комиссар иностранных дел Молотов, маршал Шапошников, генералы армии Жуков и Василевский. Принято решение о начале контрнаступления советских войск под Москвой 5 декабря. Приказ Ставки гласил: *«Разгромить ударные соединения группы армий «Центр» и устранить непосредственную угрозу Москве. Отбросить врага как можно дальше от столицы нашей Родины и нанести ему возможно большие потери».*

10 лет назад в российском обществе возник спор: мог ли вообще победить Гитлер в той войне? Поводом послужила статья известного либерального журналиста Минкина, содержащая следующий тезис: «Сталин и его клеветы, и их органы, и их стукачи-сексоты – вот кто победил». Из этого вытекал авторский вывод, что, может быть, лучше было бы тогда проиграть. Баварское пиво, европейская демократия... Обсуждать

всерьез этот бред воспаленного сознания никто, естественно, не стал, но в итоге возник закономерный вопрос: а вообще были у фюрера шансы сокрушить СССР?

Он не настолько прост, как кажется. Да, вермахт дошел до самой Москвы. Но ведь Советский Союз этим городом не ограничивался. Очевидно, что сопротивление захватчикам продолжалось бы еще с большим остервенением. Это не Европа, где потеря столицы означает конец войны. У нас она, наоборот, только с этого может всерьез и начаться. И исход в этом случае вполне предсказуем. В процессе того масштабного обсуждения оппоненты начали обильно цитировать фрагменты воспоминаний битых немецких стратегов. Все как один заверяли, что победить можно было бы с легкостью. Но – только если бы всем не руководил Гитлер.

По мнению генералов вермахта, фюрер, не имея соответствующих компетенций во многих вопросах, взялся все делать сам. Ему мало было быть просто Верховным главнокомандующим. Он еще стремился руководить на уровне ниже. Например – «рулить» группой армий «Центр». Это привело только к одному: фюрер вынужден был оспаривать свои собственные решения, теряя драгоценное время.

Простой пример. 10 октября 1941 года. Танки Гудериана рвутся к Москве. В этот момент его штаб получает сразу три приказа, каждый из которых не только противоречит двум другим, но и отменяет их. «Быстрому Гейнцу» предписывалось овладеть Курском, очистить котел в районе Трубачевска и нанести удар по Туле. Все выполнить, разумеется, немедленно и доложить о победных результатах в Берлин. Достаточно посмотреть на карту, чтобы понять – эти населенные пункты, мягко говоря, несколько отдалены друг от друга. И параллельно решить сразу три проблемы невозможно. Больше того, не представляется возможным выполнить даже две задачи одновременно. Нужно выбрать что-то одно. Гудериан запрашивает Ставку: какую именно операцию ему все-таки осуществлять? Но ответа не последовало. И этот случай – вовсе не исключение из правила.

Уверовав в собственную абсолютную непогрешимость и гениальность, фюрер иной раз демонстрировал потрясающее незнание обстановки на фронте. В декабре 1941 года немецкое наступление на Москву начало выбиваться из темпов, заданных Берлином. Больше того, Рабоче-крестьянская Красная армия перешла в контрнаступление. Казалось бы – это повод всерьез задуматься и проанализировать позиции. На карту поставлен все же не бутерброд с килькой. Исход войны решается! Гитлер

же в этот момент озабочен совершенно иным. Он заявляет всем присутствующим на совещании: *«Последняя великая задача нашей эпохи заключается в том, чтобы решить проблему церкви. Только тогда германская нация может быть совершенно спокойна за свое будущее»*.

Давайте посмотрим на ситуацию под другим углом. Представим себе кабинет Сталина в Кремле. Март 1945 года. Исход войны всем понятен. Но если бы в этот момент, предположим, Молотов заявил, что последняя цель эпохи состоит в переосмыслении диалектики марксизма с учетом новых реалий – на него бы, мягко говоря, посмотрели косо. А скорее всего, сразу после этого заявления Вячеслав Михайлович был бы снят со всех постов и в связи с общим переутомлением направлен руководителем бригады шабашников куда-нибудь под Саратов. В случае же с фюрером никто не посмел ему даже намекнуть на дикость подобных рассуждений.

Главной жертвой такого подхода оказался вермахт. Танки докатились до Химок. И на этом – всё.

Сегодня каждый уважающий себя либеральный публицист обязательно упомянет про «воюющего по глобусу» Сталина. Дескать, чего еще хотеть от малограмотного. Оттого и потери были большие в годы Великой Отечественной. Однако сверялся с глобусом вовсе не Иосиф Виссарионович, а великий и мудрый сын германского народа – так фюрер называл сам себя. Скромный до невозможности был человек. Так вот, в рейхсканцелярии имелся большой глобус. На нем рукой Гитлера была проведена черта по Уралу. Таким образом он разграничил сферу стратегических интересов Германии и Японии.

Главной жертвой такого подхода оказался вермахт. Танки докатились до Химок. И на этом – всё. Даже если вывести за скобки советское контрнаступление, поводов для радости все равно было маловато. У каждой машины есть ресурс выработки. Есть он, разумеется, и у танка. Конкретно у немецких в те годы он составлял 36 мото-часов. Так вот, заканчивался ресурс как раз в самый неподходящий момент: во время наступления на Москву. Про вечную немецкую проблему в виде нехватки горючего даже упоминать уже грешно. Но Гитлеру до всего этого не было дела. Его тогда заботил вопрос церкви.

А в Лондоне и Вашингтоне в те дни ликовали. В беседе с советским послом Майским британский премьер-министр Уинстон Черчилль заявил, что он никогда не сомневался в поражении рейха, а сейчас его уверенность подкреплена триумфом Красной армии. И руководство США считало, что

в войне наступил перелом. Выступая по радио, Франклин Рузвельт, в частности, заявил: *«Немцы и итальянцы блокированы в Атлантике английскими и греческими войсками. Тысячи солдат сражаются ради грядущей победы над нацизмом в России. В Азии японцы уже не чувствуют себя достаточно уверенно. Мы готовы к грядущей битве за мир. За мир, который мы будем после победы над Третьим рейхом беречь»*.

Фюрер же своеобразно отреагировал на разгром под Москвой. Он снял со своих постов четырех фельдмаршалов и 30 генералов. По сути – добровольно уничтожил командование собственных вооруженных сил, выместив на генералах душившую его злобу за срыв собственных гениальных планов. Мудрейший поступок! Но это было только началом конца. Впереди у Германии был Сталинград.

Май 1942 года. Берлин. Рейхсканцелярия. Совещание в Ставке фюрера. Присутствуют: Верховный главнокомандующий Гитлер, рейхсмаршал Геринг, фельдмаршал Кейтель. Принято решение: отложить на время взятие Москвы и основные силы бросить на Сталинград. Фюрер считал, что взятие города, который носит имя советского лидера, подорвет моральный дух Красной армии и положительно скажется на исходе войны. Выступая по радио, фюрер подчеркивает: *«Сегодня начинается последнее, решающее сражение этого года. Большевизм будет полностью разбит, а вместе с ним и подстрекатель всей войны – Англия. Уничтожая этого противника, мы также уничтожаем и последнего английского союзника на континенте. Таким образом мы освободим Германскую империю и всю Европу от опасности, страшнее которой не было со времен монгольских племен»*.

Гитлер был поразительным в своем упрямстве человеком. Он не извлек ровным счетом никаких уроков из разгрома под Москвой. Больше того: посчитал его случайностью, которую и анализировать-то не стоит. Чего попусту время терять? Фюрер продолжает руководить в своем привычном стиле: непоследовательные и противоречивые приказы отдаются вермахту с завидным постоянством. Взглянем хотя бы на текст директивы № 41 войскам Восточного фронта: *«Разгромить Советы на юге, овладеть районом Кавказа, выйти к Волге, захватить Сталинград, Астрахань и тем самым создать условия для уничтожения СССР. В то же время держать 70 дивизий под Москвой дамокловым мечом, чтобы большевики не могли подтянуть резервы и помешать нашему наступлению»*.

Парадоксально, но уже второй раз подряд Гитлер разделил свои силы на три примерно равные части и пустил их в разные стороны. Весь цвет

вермахта, выполняя решения своего главнокомандующего с точностью до запятой, отчетливо понимал, что ничего хорошего из этого не выйдет. По крайней мере, так они писали после войны. Например, генерал-полковник Гейнц Гудериан отметит в своих воспоминаниях: *«Разделение сил между тремя примерно равными группами армий, которые должны продвигаться по расходящимся направлениям, не имея ясной оперативной цели, с точки зрения военного специалиста, не могло казаться правильным».*

Но при всем при этом фюреру никто публично не возражал. Многим была памятна история с меморандумом генерала Томаса о военном потенциале Советского Союза. Гитлер тогда с невероятным презрением отозвался об умственных способностях автора и в свойственной ему манере обвинил Томаса в пораженчестве и скрытом большевизме. Только что в еврей не записал. Вердикт: навсегда запрещается изучать Советский Союз. Поэтому генералы вермахта предпочли попытаться воплотить в жизнь план наступления на Сталинград.

Генерал-полковник Г. Гудериан

И ладно бы так вел себя один только Гитлер. Все мы знаем, что короля всегда играет свита. Окружение Гитлера представляло собой не менее показательные экземпляры. Взять хотя бы старшего адъютанта Шмундта – уникальный был человек. Полагаю, мне не нужно объяснять, что именно входит в функции адъютанта. Так вот, Шмундт не только с блеском выполнял свои обязанности, но и, обладая массой свободного времени, тратил его исключительно на пользу тысячелетнему рейху. На досуге он был начальником Главного управления кадров сухопутных войск.

Совсем по-другому руководил армией Сталин. Каждый приказ был взвешенным и не допускал различных толкований.

То есть в перерывах между поднесением фюреру оперативных карт и нагоняями нерасторопным стенографистам он еще успевал присваивать воинские звания, вести строгий учет врученных Железных крестов и знаков «За штурмовую атаку». Кроме этого, он оплакивал все возрастающие потери на Восточном фронте и горевал о скудности мобилизационного ресурса. Во всей многовековой истории Германии я не могу найти второго примера, подобного кадровой политике рейха. То есть, может, конечно, в эпоху Фридриха Великого и творились глупости, но явно не в таком объеме.

Совсем по-другому руководил армией Сталин. Каждый приказ был взвешенным и не допускал различных толкований – во многом благодаря умению начальника Генерального штаба Василевского точно излагать задачу. Посмотрим хотя бы на этот приказ Государственного Комитета Обороны: *«Совместными усилиями Калининского и Западного фронтов к 1 января 1943 года разгромить группировку противника в районе Ржев – Сычевка... Завершить кольцо окружения вокруг 6-й армии вермахта и подготовить войска для удара в тыл Ржевской группировки противника».*

Благодаря контрнаступлению советских войск армия Паулюса закономерно оказалась в окружении. При том, что немецкое командование даже и думать не хотело о капитуляции. На солдат и офицеров буквально с неба посыпались награды. Вместо боеприпасов и продовольствия на позиции окруженной армии с самолетов сбрасывались Железные кресты. Не надгробия, а почетные фронтовые награды. Гитлер даже произвел генерала Паулюса в фельдмаршалы, намекнув этим назначением, что никогда прежде немецкие чины такого ранга не сдавались в плен. Но было

уже поздно. Через несколько дней Паулюс скажет одному из своих офицеров: «Он хочет, чтобы я застрелился. Я не доставлю фюреру такого удовольствия».

Меч Сталинграда.

Изготовлен по личному распоряжению короля Великобритании Георга VI и вручен от имени британцев советскому народу в знак признания мужества и героизма

Узнав об этом, Гитлер впал в бешенство и заявил, что Паулюс будет последним фельдмаршалом этой войны. Пока не будет достигнута окончательная победа, никто из генералов вермахта не получит высшего чина. Но даже тут фюрер не сдержал своего слова: в апреле 1945 года фельдмаршальский жезл получит генерал Кребс. Произведен он будет всего лишь за обещание оборонять Берлин до последнего патрона. Впрочем, это совсем другая история...

Германия погрузилась в трехдневный траур. Совсем другие настроения царили в Кремле. По свидетельству очевидцев, Сталин тогда заметил: «В войне наступил окончательный перелом». Гитлер на Сталинградскую катастрофу отреагировал весьма своеобразно. Как только закончился траур по армии Паулюса, заявил своему секретарю: несмотря на поражение, он чувствует себя превосходно в обществе великих исторических героев, к которым принадлежит. Стоит ли удивляться, что в тот же день генерал Тресков печально заметил: «Этот идиот всех нас утащит в могилу».

Фюрер окончательно перестал доверять своим генералам, проклиная их за Сталинградскую трагедию – но никаких выводов для себя не сделал. Спустя полгода, во время битвы на Курской дуге, он опять с маниакальным упорством повторил все те же ошибки.

Растенбург. Восточная Пруссия. Май 1943 года. Совещание в Ставке

фюрера. Присутствуют: Верховный главнокомандующий Гитлер, рейхсмаршал Геринг, фельдмаршал Кейтель, министр пропаганды Геббельс. Принято решение: нанести сокрушительный удар в районе Курской дуги и внести окончательный перелом в войну с Советским Союзом. Фюрер приказал взять убедительный реванш за поражение под Сталинградом. Для выполнения его плана были стянуты лучшие немецкие дивизии со всех фронтов. Германское радио передает обращение фюрера: *«Я спокоен, когда стою перед любым немцем, сражающимся на Востоке. Я могу сказать каждому из них – только взгляните на нашу организацию. Сравните всё, мой дорогой друг, и скажите, кто управляет лучше и, прежде всего, у кого более благородные намерения?»*

Фюреру за какие-то два года удалось сделать невозможное. Армия государства, которая славилась на весь мир образцовой организованностью, теряла ее с каждым днем все больше и больше. После войны генералы вермахта исписали тысячи страниц проклятиями Гитлеру. Они описывали, как отчаянно пытались найти логику в поступках своего Верховного главнокомандующего. Но великого сына немецкого народа все это не беспокоило в принципе. У меня вообще складывается впечатление, что он иной раз действовал назло своим генералам. Иначе я не в силах объяснить примеры, подобные тому, что приведен в следующем абзаце.

Идет совещание в Ставке. Должны обсуждаться важнейшие вопросы, каждый из которых не терпит отлагательств. Основной докладчик – фельдмаршал Кейтель. И только он приступает к делу – его просят прерваться. Нет, это не Советская армия бомбит Ставку фюрера. Все проще. Прибыл представитель военно-исторического отдела Генерального штаба. Настало время презентовать всем присутствующим новую книгу про Гитлера. Название говорит само за себя: «Гений как он есть».

Совещание в Ставке.

Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, А. Гитлер, командир полка СС «Дойчланд» штандартенфюрер Ф. Штайнер

В этом эпизоде показательно все. И заглавие книги, которое иначе как вопиющим лизоблюдством назвать нельзя. В СССР был культ личности Сталина. Но подобных работ почему-то не издавали. Иосиф Виссарионович себя, безусловно, любил. Но чувство меры знал. Фюрер себя любил не меньше – вероятно, даже в разы больше. Но чувством меры был обделен в принципе. Иначе бы пинками выгнал представителя военно-исторического отдела не только с совещания, но и с занимаемой должности. А потом отправил бы на фронт начальника Генштаба – за то, что во время тяжелейшей войны тот зачем-то держит у себя дармоедов. Генеральный штаб – мозг армии. Там должны работать стратеги. Именно работать и именно стратеги. Их и нужно приглашать на совещания.

Но как раз им места в Ставке Гитлера зачастую не находилось. Однажды фюрер не пожелал даже выслушать генерал-полковника Гудериана. А все потому, что «быстрый Гейнц» имел наглость настаивать на своем: прорвать оборону русских силой даже 2 тыс. танков невозможно. Возможно, именно назло ему в приказе войскам Гитлер указывал: «На

направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира».

В Берлине размышлять о последствиях очередного непродуманного наступления не хотели. Гитлеру было некогда. Его занимали совсем иные вопросы. Например – ядерные исследования Третьего рейха. Основной докладчик по вопросу – личный фотограф Генрих Гофман. Казалось бы: где проявитель и закрепитель и где обогащение урана? Но дело в том, что фотограф дружил с министром почт рейха. А тот, в перерывах между контролем сортировки и доставки писем, проявлял интерес к этой насущной проблеме. И для удовлетворения собственных интеллектуальных запросов создал небольшую личную научно-исследовательскую лабораторию. Естественно, за счет бюджета рейха. Не самому же все оплачивать, в самом-то деле.

Любой другой руководитель страны, узнав о подобном, спросил хотя бы сам у себя: насколько человек, ответственный за функционирование почты, может быть компетентен в вопросах создания центрифуги? Если он настолько подкован в физике – его следует без промедления перевести на соответствующую работу. Если нет – не трата времени напрасно, выгнать с занимаемой должности и отдать под суд за бездумную трату рейхсмарок в момент, когда страна ведет тотальную войну. Но ни один из двух возможных вариантов действия Гитлера не интересовал. Он предпочел выслушать Гофмана и затем разразиться перед ним очередным монологом о собственной гениальности.

В Берлине размышлять о последствиях очередного непродуманного наступления не хотели. Гитлеру было некогда. Его занимали совсем иные вопросы.

Он все еще верил, что божественная воля провидения будет сопровождать каждый его шаг. И действительно, первые дни наступления вселили в руководство рейха надежду, что в войне наступил долгожданный перелом. Германская хроника с упоением передавала сообщения с Восточного фронта. А между тем в Москве, в Ставке Верховного главнокомандования, был разработан альтернативный план летней кампании 1943 года. По свидетельству начальника Генерального штаба маршала Василевского, Рабоче-крестьянская Красная армия готова была

перейти в наступление, если бы Гитлер продолжал откладывать свой реванш за Сталинградскую трагедию.

Через неделю после начала битвы на Курской дуге в Лондоне и Вашингтоне окончательно убедились – Германия не способна выиграть войну. Из обращения президента США Франклина Рузвельта к американцам: *«Никакого перемирия с Германией быть не может. Совершенные сторонниками Гитлера военные преступления ужасны. Все виновные должны понести наказание за преступление против мира и человечества. Только полная и безоговорочная капитуляция Третьего рейха может стать гарантией проведения мирных переговоров»*.

Крупнейшее сражение Великой Отечественной войны завершилось 23 августа 1943 года взятием Харькова и разгромом группировки немецких войск, на которую Гитлер возлагал так много надежд. Общие потери немцев составили около 500 тыс. человек и 1,5 тыс. танков. Восполнить их руководство тысячелетнего рейха уже не могло. Но фюрер словно и не тревожился об этом. Он заявил своему окружению: *«Мои мысли часто настолько выдающиеся и облечены в такую словесную форму, что их не колеблясь можно отдавать в печать»*. Услышав об этом, очередной начальник Генерального штаба Цейтцлер печально заметил: *«Это конец. Через год русские могут быть в Берлине, вопреки всем его гениальным мыслям»*.

Ярче всего те самые «гениальные мысли» проявились во время блокады Ленинграда. Начало было положено в мае 1941 года на совещании в Ставке фюрера. Присутствовали: Верховный главнокомандующий Гитлер, рейхсмаршал Геринг, фельдмаршал Кейтель. Принято решение: стереть город трех революций с лица земли. Фюрер считал, что Ленинград, так же как и Москва, одним фактом своего существования будет вдохновлять, как он выразился, восточные племена на борьбу с тысячелетним рейхом. Выступая потом по радио, он таких откровений себе не позволил, хотя и намекнул: *«Господь был милосерден к нашему народу и ко всему европейскому миру: если бы эти советские варвары двинули десятки тысяч своих танков до того, как мы двинули свои – вся Европа была бы потеряна, потому что этот враг состоит не столько из солдат, сколько из зверей»*.

5 сентября 1941 года считается первым днем блокады Ленинграда. Именно в этот день люфтваффе первый раз бомбили город на Неве. Всего за время Великой Отечественной войны немцы обрушили на него 150 тыс. тяжелых снарядов, сбросили 5 тыс. фугасных и 10 тыс. зажигательных бомб. Было разрушено и сожжено свыше 3 тыс. зданий. Немецкие генералы

протестовали против безжалостного уничтожения Ленинграда, одной из культурных столиц Европы. Фельдмаршал Рундштедт, например, попытался образумить Гитлера, но только зря потерял время.

Беседа продолжалась три часа. Казалось бы – времени более чем достаточно. Но на две трети она состояла из высказываний Гитлера о послевоенном обращении со славянами, а на одну треть – из чаепития. Официальные разговоры фюрером тогда категорически запрещались. Стоит ли удивляться, что итоги беседы оставили Рундштедта в состоянии крайнего недовольства. Ему пришлось подчиниться и выполнять директиву, данную войскам Восточного фронта: *«Нами создана предпосылка для окончательного мощнейшего удара, который должен сокрушить большевизм до наступления зимы. Затаив дыхание, вся Германия благословляет вас и будет с вами в грядущие трудные дни. С помощью Господа вы добьетесь победы!»*

Гитлер в свойственной ему манере не пожелал слушать донесения собственных разведчиков, твердивших, что большевики будут защищать Ленинград до последней капли крови.

Очередная перепалка с руководством армии если что и принесла Германии, так это окончательную убежденность фюрера в собственной гениальности. С этого дня он во всем и всегда оказывался прав, а бездарные стратеги вермахта только мешали ему успешно наступать или тактически отступать. Фюрер не признавал мужества советских солдат в первые годы Великой Отечественной войны и презрительно оценивал маршалов Сталина даже в 1944 году. Отрезвление придет в 1945-м, но будет уже поздно.

Блокадный Ленинград

Между тем политики в Лондоне и Вашингтоне были шокированы гитлеровскими методами ведения войны. Ведь против наших союзников, вплоть до лета 1944 года, вермахт сражался относительно по-джентльменски. Заложников не расстреливали, деревни вместе с жителями не сжигали. Другое дело – Советская Россия. А что касается Ленинграда, то и Черчилль, и Рузвельт не могли понять, как можно ставить целью уничтожение целого города. По их мнению, это даже варварством нельзя было назвать. Президент США так и сказал в одном из выступлений на радио: *«Можно было бы понять, если бы Гитлер вел войну ради подчинения Германии экономической мощи Советского Союза. Но его готовность уничтожить Ленинград поражает своей жестокостью. Это будет величайшим грехом в истории человечества, позором, которым навсегда покроет себя германская армия».*

Гитлер в свойственной ему манере не пожелал слушать донесения собственных разведчиков, твердивших, что большевики будут защищать Ленинград до последней капли крови. Для него это был самый обычный город. *«Нам покорился даже Париж, чего уж говорить о недочеловеках»,* –

хвастливо заявлял он тогда. По свидетельству очевидцев, фюрер сумел и руководству вермахта внушить свой ни на чем не основанный оптимизм и тягу к тотальной войне. Генерал-полковник Гейнц Гудериан написал в мемуарах: *«Немцы должны были сообразовывать образ своих действий с... международными договорами и с законами своей христианской веры... Война и без этих строгих приказов легла достаточно тяжелым бременем на плечи населения страны противника. Которое, так же как и население нашей страны, не было в ней повинно».*

Гитлер ничего об этом слушать не хотел. К тому же до конца войны для него оставалось загадкой, как могли полуголодные люди защищать свой город до последнего вздоха. Он не верил сводкам абвера, где говорилось, что ленинградцы, даже голодая, не берут зерна из уникальной вавилонской коллекции злаков во Всесоюзном институте растениеводства. В присутствии высшего военного руководства рейха он неоднократно насмехался над братскими могилами Пискаревского кладбища и шутил, что после победы закроет туда вход. В своих многочисленных выступлениях фюрер заявлял, что город ему не сдался только потому, что там зверствует НКВД. Гитлер никак не мог понять, что война с Советским Союзом не похожа на все его предыдущие кампании. Что ни один город в СССР не сдастся вермахту без боя.

В феврале 1944 года блокада Ленинграда была снята – сказалось победоносное наступление Красной армии под Курском. Оценив проявленные ленинградцами за 900 дней осады стойкость и мужество, Гитлер на очередном совещании скорбно заметил: *«Вот какое значение может иметь один человек для целой нации (он имел в виду Сталина. – А. Г.) – любой другой народ после таких сокрушительных ударов, вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердости своего вождя. Это вам не слабовольная скотина Черчилль, который пьянствует полдня»*, – добавил фюрер, посмотрев в глаза фельдмаршалу Кейтелю.

И в который раз ошибся. Каким бы значительным ни был вклад Сталина в победу, вермахт побеждали тогда все народы Советского Союза. Что же касается величия Гитлера, о котором многие почему-то азартно рассуждают до сих пор, то в очередной раз процитирую генерал-полковника Гейнца Гудериана: *«Немецкому народу следует только знать, что человек, стоявший во главе Германии, человек, которому народ так доверял, как ни один народ не доверял никогда ни одному вождю, был больным человеком».*

Москва. Кремль. Май 1944 года. Заседание Ставки Верховного главнокомандования. Присутствуют: Сталин, начальник Генерального штаба Василевский, командующие фронтами Жуков и Рокоссовский. Сталин в свойственной ему манере неспешно ходит по кабинету и обозначает цель операции: необходимо уничтожить дивизии вермахта в Белоруссии и освободить Минск. Достичь успеха любой ценой.

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский

Но такая формулировка не устраивает Рокоссовского. Он предлагает дерзкий план: обойти немцев по непроходимым болотам и ударить по ним с тыла. Присутствующие с ним не согласны. Рокоссовский отстаивает свою точку зрения, и авторитет Сталина для него в этом вопросе несущественен. Другой бы на его месте вспомнил, как издевались над ним следователи НКВД, и трижды подумал: стоит ли рисковать?

Но Константин Константинович проявляет принципиальность. Такие люди на вес золота во все века. Ценил их, разумеется, и Сталин. Он принимает план Рокоссовского. Легендарная операция «Багратион» начинается. Прочитирую приказ Ставки Верховного главнокомандования войскам 1-го Белорусского фронта: *«Частью сил наступать на Минск, а главными силами – на Слуцк, Барановичи, чтобы отрезать противнику пути отхода на юго-запад, и во взаимодействии с войсками 3-го Белорусского фронта как можно быстрее завершить окружение минской группировки фашистских войск».*

Пройдя за два месяца с боями несколько сот километров, войска Рокоссовского нанесли поражение группе армий «Центр», освободив Белоруссию, часть Литвы и Польши. Уже через неделю после начала наступления в Белоруссии 29 июня 1944 года генерал произведен в маршалы, а спустя месяц главный герой операции «Багратион» закономерно и заслуженно станет Героем Советского Союза. Не случайно генерал-лейтенант вермахта Зигфрид Вестфаль скорбно заметил спустя год: *«В течение лета немецкую армию постигло величайшее в ее истории поражение, по сравнению с которым померкла даже Сталинградская трагедия».*

Но такая формулировка не устраивает Рокоссовского. Он предлагает дерзкий план: обойти немцев по непроходимым болотам и ударить по ним с тыла.

Посмотрите внимательно на линию фронта в июне 1944 года. Она напоминает расстановку сил в том страшном для нас июне 1941-го. Но теперь уже наступает Рабоче-крестьянская Красная армия. Под оккупацией остается ряд районов Украины и Молдавии, Прибалтика и почти вся Белоруссия. Линия фронта проходила восточнее Витебска, Орши, Могилева, Жлобина, а также по Полесью. Образуется так называемый «Белорусский балкон» – обращенный на восток огромный выступ.

Занимает его группа армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Буша.

Немецкие генералы хорошо понимают уязвимость стартовой позиции. Они предлагают Гитлеру эвакуировать днепровский плацдарм. Но фюрер, разумеется, никого слушать не собирается. Для него неприемлема сама возможность очередного отступления. И, обращаясь к нации, он ясно дает всем понять: *«Считаю единственно возможным закончить войну нашей победой. Все зависит от воли Провидения. Военные условия благоприятны. Однако только при том, что высшее командование даст пример фанатической решимости. Если бы командование всегда черпало в народной жизни мужество, которое должен иметь каждый мушкетер, никаких неудач не было бы вообще».*

Основные силы вермахта были сосредоточены на правобережной Украине. Гитлер в очередной раз недооценил возможности РККА. Он почему-то был убежден, что планируется удар с Западной Украины на север, к Балтийскому морю. При этом мудрейший сын германского народа взялся апеллировать к опыту Фридриха Великого. По крайней мере, так передал мысли фюрера министр пропаганды Третьего рейха Йозеф Геббельс: *«Фюрер заявил, что дело нашей чести – заботиться о том, чтобы, если в Германии каждые 150 лет будет возникать такое же серьезное критическое положение, наши внуки могли сослаться на нас как на героический пример стойкости. Наша задача – до конца выполнить свой долг. В этих вещах фюрер – верный последователь Фридриха Великого».*

Почти ровно в третью годовщину плана «Барбаросса» состоялся реванш Рабоче-крестьянской Красной армии за лето 1941 года. После артиллерийской и авиационной подготовки войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов перешли в наступление. Основные силы группы армий «Центр» были разгромлены, германские войска потеряли свыше 400 тыс. солдат и офицеров. Это были потери, сопоставимые только со Сталинградом.

Из 47 генералов вермахта, командовавших корпусами и дивизиями, 21 попал в плен. Они и возглавят колонны пленных немцев в Москве 17 июля 1944 года во время «парада побежденных». Лаврентий Берия в рапорте в Государственный Комитет Обороны, поданном на бланке Народного комиссариата внутренних дел СССР, докладывал, что при конвоировании *«со стороны населения было большое количество антифашистских выкриков: «Смерть Гитлеру!» и «Смерть фашизму!».* До Победы оставалось уже меньше года.

К лету 1944 года в Лондоне и Вашингтоне окончательно убедились – дольше тянуть с открытием второго фронта нельзя. Не то чтобы Черчилль и Рузвельт очень хотели по-настоящему воевать с Гитлером – их просто пугала возможность оккупации Германии нашими войсками. Да, полагали лидеры союзников, Третий рейх необходимо сокрушить, но нельзя допустить, чтобы над всей Европой развевался красный флаг. Десант решено было высаживать во Франции. Черчилль в своем выступлении по радио постарался сразу внушить надежду жителям Туманного Альбиона: *«Мины, препятствия и береговые батареи в значительной степени преодолены. Воздушное десантирование было весьма успешным и проводилось в крупном масштабе. Высадка пехоты разворачивается быстро, и большое количество танков и самоходных орудий уже на берегу».*

Параллельно Черчилль просил Сталина побыстрее начать наступление советских войск в Белоруссии, чтобы Гитлер не смог подтянуть резервы в Нормандию. Генералы Паттон и Эйзенхауэр после войны признавались, что, узнав о начале операции «Багратион», они поверили в успех своей операции в Нормандии. Хотя на публике произносили совершенно другие монологи, которые должны были подчеркнуть мощь именно армий союзников: *«Если считать храбрецом того, кто не ведает страха, то, скажу вам, – я никогда не видел ни одного храбреца, поскольку все люди испытывают страх, и чем больше у человека мозгов, тем больше страха. Храбрый человек тот, кто заставляет себя идти вперед, несмотря на то, что ему страшно».*

Войска СС в битве за Нормандию запятнали себя несмываемым позором. Если до этого они еще могли утешать себя размышлениями о том, что являются «солдатами, как и все остальные», списывать казни мирных жителей на гестапо и шуцманшафт-батальоны и утверждать, что фронтовики к военным преступлениям никакого отношения не имеют, то после августа 1944 года речь об этом уже не заходила. Солдаты «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», элитного подразделения немецкой армии, выполнили приказ своего командира Иоахима Пайпера, хладнокровно расстреляв из пулеметов сотню попавших в плен американских солдат. Американцам, уже успевшим получить представление о зверствах СС в освобожденных нацистских концлагерях, эта бесчеловечная акция лишь придала упорства и решимости поскорее завершить войну. Кровавая расправа у бельгийского города Мальмеди подхлестнула американские войска куда эффективнее, чем вдохновенные речи генералов.

В Германии к известию о высадке союзников отнеслись на удивление спокойно. Во многом это объяснялось тем, что Гитлеру было в тот момент не до Нормандии. Его больше беспокоило, что Советская армия заканчивала приготовления к операции «Багратион» и в случае успеха выходила на границу с Германией. Пожалуй, это был тот самый редкий случай, когда вместо Гитлера к нации обратился Геринг. И хотя немецкий народ уже, мягко говоря, не особенно доверял «своему толстому Герману», в общественном сознании тот все еще был заместителем фюрера, а значит, и говорил как бы от его имени. *«Из мук рождается святость, чтобы противостоять этим разрушителям нашей нации. Со всей силой Господней, данной нам, мы их сокрушим! За двухтысячелетнюю историю наш народ боролся за выживание столько раз, что мы, без сомнения, преодолеем и нынешние тяжелые времена. Angloамериканцы получают в Нормандии свой Сталинград».*

Спустя два месяца после начала операции в Нормандии союзникам удалось прорвать немецкую оборону. Но как ни парадоксально – во многом благодаря Гитлеру. Он почему-то был уверен, что те будут высаживаться совершенно в другом месте, и об обороне Нормандии и не помышлял. Ежедневные просьбы фельдмаршала Клюге одуматься Гитлер воспринимал как личное оскорбление.

Когда же грянул гром, фюрер по традиции обвинил во всем собственных генералов и в очередной раз публично оскорбил фельдмаршала Кейтеля. Совсем другие настроения царили в Лондоне. Вспомнить хотя бы выступление Шарля де Голля: *«Наши части при содействии английских и французских морских сил, а также авиации сумели преодолеть сильно укрепленную оборону врага. Противник повержен. Мы захватили большое количество военной техники, в том числе несколько артиллерийских батарей».*

Началась агония Третьего рейха. Гитлер сам неустанно заявлял, что одна из причин поражения Германии в Первой мировой войне была связана с необходимостью воевать на двух фронтах. Но, не желая слушать других, фюрер в самый ответственный момент отказался вспомнить даже собственное предостережение. Генерал-полковник Гейнц Гудериан напишет в своих воспоминаниях: *«Все добрые духи покинули его тело, он окончил свою жизнь вместе с полной катастрофой своего дела».*

Стоит вспомнить, что до победы в Великой Отечественной русские войска дважды брали Берлин.

Внимательный читатель задаст закономерный вопрос: почему вы с такой частотой цитируете именно Гудериана? Десятки людей из окружения Гитлера оставили воспоминания о настроениях в рейхсканцелярии и о поведении фюрера. Почему бы не дать и им слово? Все так, пласт мемуаров действительно богатейший. Но, на мой взгляд, «быстрый Гейнц» оставил самое безукоризненное свидетельство о Третьем рейхе. С его оценками невозможно спорить. Это не Шпеер, который писал свои воспоминания, рассчитывая в том числе обелить себя перед потомками. Книга Гудериана – другая. Это, если угодно, – откровенный рассказ о катастрофе Германии. Если кто-то не читал – настоятельно рекомендую. Мы же с вами приближаемся к закономерному концу Третьего рейха.

Весна 1945 года. Берлин. Имперская канцелярия. Тысячелетняя империя доживает свои последние дни. Канцлер Германии Адольф Гитлер, пожалуй, был последним человеком в стране, кто еще надеялся, что войну можно выиграть. Этой надеждой проникнуто и последнее выступление Гитлера по радио: *«У нас сегодня только одна задача – восполнить потери, нанесенные нации интернациональными преступниками. Мы должны непоколебимо, до последнего вздоха, думать только о Германии. Мы будем жить лишь ради избавления нашей страны от этих бедствий, восстановления германской культуры, как и ее национал-социалистической жизни»*.

Стоит вспомнить, что до победы в Великой Отечественной русские войска дважды брали Берлин. Первый раз – во время Семилетней войны в 1760 году. Тогда всю Европу облетела фраза генерал-фельдмаршала Петра Шувалова: *«Из Берлина до Петербурга не дотянуться, но из Петербурга до Берлина достать всегда можно»*. Вторично русские заняли этот город, преследуя остатки армии Наполеона, в феврале 1813 года. В 1945 году уже Советской армии предстояло взять Берлин в третий раз. Маршал Василий Чуйков считал, что можно было сокрушить столицу Германии еще в феврале 1945 года. Однако Сталин рассудил иначе: войска устали, тылы отстали – наступление на Берлин стоит подготовить по всем правилам.

Руководство Третьего рейха делало все, чтобы оттянуть окончательный разгром. В бой все чаще и чаще бросали вновь сформированные полки народного ополчения. Доходило до того, что против советских танковых армий сражались 15-летние подростки из гитлерюгенда. В то же время командиры кадровых частей вермахта предпочитали сдаваться в плен, чтобы избежать ненужного кровопролития. Если о таких настроениях узнавали в рейхсканцелярии – смертный приговор изменникам выносился незамедлительно.

В то время как Гитлер обдумывал свое политическое завещание, советские войска уже находились в двух километрах от последней штаб-квартиры фюрера. Грохот снарядов мешал канцлеру заниматься своим излюбленным делом – обвинять всех в предательстве. Благо и повод у него был: британское радио сообщило о попытке сепаратных переговоров рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера с Международным Красным Крестом. Возможно, именно поэтому ближайшее окружение Гитлера, не желая расстраивать его еще больше, ничего не сказало фюреру о том, что советские и американские войска встретились на Эльбе, замкнув кольцо окружения.

В Лондоне и Вашингтоне ликовали: Германия на пороге капитуляции. Конечно, союзников огорчало, что Берлин штурмуют только русские армии. Но виду открыто никто не подавал. Мало того, с апреля 1945 года и начал складываться миф о том, что без помощи союзников Советский Союз не разгромил бы Германию. Достаточно ознакомиться, например, с такой мыслью фельдмаршала Бернарда Монтгомери: *«Все, война закончилась. Так же, как и плохие времена для Европы в целом – нацисты капитулируют на всех фронтах. Еще два года назад, когда они ожесточенно сопротивлялись нам в Африке, я предсказывал крах этого бесчеловечного режима. Мы сделали свое дело!»*

Между тем штабные работники 1-го Белорусского фронта заранее изготовили сразу девять Знамен Победы – по количеству дивизий, рвущихся к Рейхстагу. Сегодня много говорят о специальных знаменах, сделанных по стандарту Государственного флага СССР. На самом деле никто из непосредственных производителей этих стягов толком не знал, каким именно должно быть Знамя Победы. Не было ни добротного материала наподобие бархата, ни инструмента для изготовления древков. Одно из этих кустарных знамен, под № 5, отвезли в штаб 150-й дивизии, которая вела основные бои за Рейхстаг. Именно этому знамени было суждено взметнуться над зданием.

Руководители рейха пытались найти причину поражения Германии в войне. И это им вполне удалось. Министр пропаганды Геббельс написал в своем дневнике, что высший командный состав вермахта слишком стар, давно изжил себя и не может конкурировать с советскими маршалами. Правда, прежде Рабоче-крестьянская Красная армия оценивалась совсем по-другому. Например, на совещании 5 декабря 1940 года фюрер заявил: *«Русский человек – неполноценен. Армия не имеет настоящих командиров»*. Прошло пять лет, и выяснилось: русский человек более полноценен, чем «рожденные в вечном льду», и у него такие командиры, каких у Третьего

рейха нет и уже никогда не будет.

По свидетельству адъютантов Гитлера, в последние часы существования нацистской Германии в имперской канцелярии стояла гнетущая тишина. А после самоубийства фюрера министр вооружений почти уже несуществующего Третьего рейха Альберт Шпеер горестно заметил: *«Он так любил цитировать Бисмарка, но не сумел уяснить главного – с Россией воевать не стоило».*

В эти минуты министр пропаганды Германии Йозеф Геббельс готовился в последний раз обратиться к нации. Он еще не знал, что его призыв к борьбе до последнего немца станет фактически политическим завещанием. Его услышат лишь несколько кварталов Берлина: *«Фюрер приказал мне в случае прорыва обороны имперской столицы покинуть Берлин и принять на себя руководство назначенным им правительством. Впервые в жизни я вынужден категорически отказаться исполнять его приказ. И кроме меня всегда найдутся люди, которые укажут нации путь к свободе».*

Но не только немцы сводили в эти дни счеты с жизнью. Их примеру последовали десятки русских солдат и офицеров – тех, кого принято называть «власовцами». Они очень хорошо понимали, что их ждет на Родине, и допросам в НКВД предпочитали мгновенную смерть. Изменив присяге, они были заранее обречены на поражение. И даже помощь пражским повстанцам не могла повлиять на их участь. Предатель во все времена вне закона.

8 мая 1945 года, 23 часа 45 минут. Карлсхорст, бывший зал военных советов Третьего рейха. Соседнюю с актовым залом комнату заполнили полномочные представители Верховного командования союзных государств. Они продолжают уточнять последние детали предстоящего заседания. Именно здесь было окончательно подтверждено, что председательствовать на нем будет представитель Верховного главнокомандования Красной армии, командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Жуков.

Представьте картину: фельдмаршал Кейтель растерянно поднимается со стула, трясущейся непослушной рукой пристраивает старомодный монокль и направляется к маленькому столику. Вот он присел на краешек стула, обреченно подписал все 10 экземпляров документа. А через 15 минут диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан сделает объявление о капитуляции Германии.

В Лондоне в эти минуты BBC транслировало концерт классической музыки. Он был прерван выпуском новостей. Голос диктора дрожал от

волнения. Его легко понять. Этого дня жители Туманного Альбиона ждали пять долгих лет войны – войны, которую Англия в одиночку выиграть не могла. Черчилль и сам неоднократно подчеркивал, что если бы Гитлер не напал на Советский Союз, Великобритания, скорей всего, капитулировала бы – бороться против тысячелетнего рейха она была не в силах. Поэтому известий из Карлсхорста ждали в тот день с особым волнением. *«Экстренное сообщение из Москвы. Только что советский маршал Жуков принял капитуляцию Германии. Нацисты выбросили белый флаг. Война закончена. С победой вас!»*

Наступило 9 мая 1945 года. Именно этот день стал последним днем войны в Европе. И лишь один человек в Германии все еще тешил себя надеждой. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер обратился к нации с призывом продолжать борьбу. Правда, в силу сложившихся обстоятельств (обращение передавала маленькая местная радиостанция) его слова услышали лишь жители провинциального городка Фленсбург: *«В эту тяжелую минуту я призываю германский народ вспомнить зов крови и продолжить борьбу до полного уничтожения большевизма»*. А уже через 12 часов «кроткий Генрих» попадет в плен и все закончится.

Тем временем в Лондоне англичане ждали выступления своего премьер-министра Уинстона Черчилля. Он подошел к этому более чем ответственно – три раза исправлял уже готовую речь: *«Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина. В Англии питают глубокое сочувствие и добрую волю ко всем народам России – победителям нацизма»*. А в США к нации обратился президент Гарри Трумэн. Именно его выступление и стало краеугольным камнем будущей теории, согласно которой нацизм побеждали прежде всего американцы, а Советский Союз лишь помогал в этой войне войскам союзников: *«Мы приняли капитуляцию Германии. Нацистская империя смерти разгромлена. Пройдут столетия, но мир будет вспоминать беспримерный подвиг союзников»*.

И все же и в Лондоне, и в Вашингтоне ждали, что скажет «дядюшка Джо». Сталин выступил последним из лидеров союзников. Его заявление было с радостью встречено даже в побежденной Германии. Ну что же, гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ и его государство остаются. Поэтому уголовному преследованию и справедливому наказанию за преступления против мира и человечности должны быть подвергнуты только нацистские военные преступники.

Изучать материалы Нюрнбергского военного трибунала в России – занятие не самое простое. В полном объеме документы у нас никогда не

публиковались. Ограничились выпуском нескольких томов, хотя именно Кремль был главным инициатором суда над главарями тысячелетнего рейха. Трибунал готовился с особой тщательностью. Сталин лично инструктировал государственных обвинителей от СССР. Да и что скрывать, любой пункт обвинения до сих пор шокирует: как могла одна из самых культурных европейских наций в одночасье стать сборищем циничных убийц? Перечислять преступления тысячелетнего рейха можно часами: истребление евреев, миллионы узников в концлагерях, массовые расстрелы пленных солдат и офицеров, разграбление и уничтожение музеев, сожженные деревни и казни мирного населения... Все это ни для кого секретом не было. Гитлер, Геббельс и Гиммлер не скрывали своих планов и деяний, охотно делились ими с окружающими.

Так почему же материалы Нюрнбергского процесса до сих пор не изданы целиком? Некоторые историки почему-то считают, что это – в том числе из-за тех свидетелей, которых использовал Сталин: фельдмаршал Паулюс, генерал-фельдмаршал Манштейн, генерал-полковник Гудериан и многие другие. Когда их вызывали для дачи показаний, скамья подсудимых немела – их обвиняли их же соратники! Одним из тех, кто сделал попытку противостоять обвинителям, был Герман Геринг. Единственный раз ему удалось выкрикнуть с места: *«Меня обвиняет презренный трус, наш фельдмаршал Паулюс! Очень хорошо. Почему же вы, спасаясь от позора, не застрелились как солдат, а служите большевикам, против которых воевали? Или вы думаете, им не известна вся правда о вас?»*

Рейхсмаршал не ошибся. Сталину было известно все и о Паулюсе, и о Гудериане. Но бывшие стратеги Гитлера очень точно поняли поставленную задачу. Чтобы самим не попасть в разряд обвиняемых (а поводов для этого каждый из них дал предостаточно), нужно сделать все, чего ждали от них победители. И они делали. Паулюс, один из разработчиков плана «Барбаросса», обвинил во всем генералов Кейтеля и Йодля. Те не нашлись что ответить. Вместо них попытался выступить бывший генерал-губернатор Польши Ганс Франк: *«Я понимаю, почему теперь все на нас смотрят с презрением. Одни запятнали целую нацию немыслимыми преступлениями, другие пытаются выгораживать себя, чтобы сохранить жизнь. К чему это? Мы все привели Германию к катастрофе, и нет нам прощения».*

Допросы свидетелей на Нюрнбергском процессе у нас почти не публиковались. В принципе, я понимаю Сталина. Не очень приятно пользоваться услугами тех, кто еще недавно вскидывал вверх правую руку и, выкрикивая «Яволь, мой фюрер», грозился сравнять с землей Москву и

Ленинград. Зато обвинительные речи союзников у нас печатали всегда охотно. Таких как, например, Роберт Джексон: *«За все ваши преступления виселица – самое минимальное наказание. Я не понимаю, как вы можете с таким ледяным спокойствием слушать о столь ужасных поступках ваших подчиненных?»*

Союзники пошли иным путем. Они вызывали для дачи свидетельских показаний довоенных руководителей европейских стран. К примеру, Францию на процессе представлял бывший президент Эдуард Даладье. Примечательная деталь: Даладье не стал в присутствии Геринга рассуждать о Мюнхенском соглашении 1938 года, когда Англия и Франция фактически разрешили Гитлеру оккупировать Чехословакию. Вместо этого он предпочел несколько сместить акценты, переведя свою речь в другое русло: *«То, что мы тут услышали о преступлениях немцев, – ужасно. Как может господин Геринг заявлять, что ничего об этом не знал? Именно он отдавал приказы о бомбежках Варшавы, Лондона и Парижа. Или он думал, что его бомбы будут падать только на солдат?»*

В ходе Нюрнбергского процесса, который продлился почти год, состоялось 403 открытых судебных заседания, было допрошено 116 свидетелей, рассмотрены многочисленные письменные показания и фактические доказательства, в основном официальные документы германских министерств и ведомств. И, пожалуй, только Герман Геринг на этом процессе держался с достоинством. Бывший заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс симулировал потерю памяти, Ганс Франк впал в религиозный экстаз, руководитель Главного управления имперской безопасности Эрнст Кальтенбруннер назвал себя мелким клерком, руководитель организации «Гитлерюгенд» Бальдур фон Ширах прилюдно попросил у всех прощения: *«Я считал, что служение фюреру сделает наш народ и нашу молодежь счастливыми, свободными и сильными. Многие погибли за это. Моя вина заключается в том, что доверявшую мне молодежь я отдал во власть человека, который уничтожил миллионы. Вот что я могу сказать в свое оправдание».*

1 октября 1946 года был оглашен приговор. Все подсудимые, кроме Шахта, Фриче и фон Папена, были признаны виновными в предъявленных обвинениях и приговорены: Геринг, Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Заукель, Йодль, Зейс-Инкварт и заочно Борман – к смертной казни через повешение; Гесс, Функ и Редер – к пожизненному заключению; Ширах и Шпеер – к 20 годам, Нейрат – к 15, Дениц – к 10 годам тюрьмы.

Трибунал признал преступными организациями СС, гестапо, СД и

руководящий состав нацистской партии. Прошения осужденных о помиловании были отклонены, и в ночь на 16 октября 1946 года приговор был приведен в исполнение. Лишь Герингу удалось избежать виселицы. В ночь перед казнью он покончил жизнь самоубийством. Тысячелетний рейх сделал свои последние 12 шагов на эшафот.

Когда Германий стало две

Мы никогда не примем Аденауэра как представителя Германии. Если снять с него штаны и посмотреть на его задницу, то можно убедиться, что Германия разделена. А если взглянуть на него спереди, то можно убедиться в том, что Германия никогда не поднимется.

Н. Хрущев

Германия лежала в руинах. Но промышленность можно восстановить – было бы желание. Его у немцев всегда в избытке. Еще и многим европейским странам осталось бы. А как быть с растоптанным и униженным национальным сознанием? Вся нация стала воспринимать себя синдикатом убийц. Выяснилось, что за 12 лет существования Третьего рейха не было вообще ничего положительного. Только бесконечные зверства. Жить с такой мыслью невероятно тяжело. Германии срочно понадобились новые национальные герои.

История осмысления кровавого пути Третьего рейха и поиск подлинных героев гораздо занимательнее и поучительнее, чем германский экономический подъем, вступление в НАТО и следование в фарватере США. Об этом написаны уже десятки книг. Сложно добавить что-то новое. Поэтому я предлагаю вам взглянуть на идеологическое содержание процесса на примере трех человек: Клауса фон Штауффенберга, Рудольфа Гесса и Романа Редлиха. Каждый из них становился субъектом пропаганды в годы холодной войны. И если про покушение на Гитлера, совершенное одноруким полковником, сегодня многие слышали (другой вопрос, что исключительно послевоенные мифы), то две другие знаковые фигуры противостояния России и Германии нынче во многом несправедливо забыты.

Если в Германской Демократической Республике после окончания войны закономерно возник культ Эрнста Тельмана, то в Федеративной Республике Германия объектом всеобщего поклонения стали участники событий 20 июля 1944 года. Да, возникала значительная сложность. Офицеры изменили присяге, данной лично Гитлеру. Ее текст гласил: «Я приношу перед Богом эту святую присягу быть беспрекословно

послушным фюреру германского рейха и немецкого народа Адольфу Гитлеру. Готов как отважный солдат в любой момент отдать за него свою жизнь».

Казалось бы – положение безвыходное. Поэтому немецкому обществу была предложена такая трактовка: фюрер сам нарушил присягу. Совершенные нацистами и им самим преступления сделали ее недействительной. Тем паче что в церковных писаниях есть места, где недвусмысленно утверждается: присяга, принесенная тирану, не имеет силы закона. На том и порешили.

Сегодня, когда речь заходит о плане «Валькирия», все непременно представляют себе Тома Круза. О, волшебная сила кино! Для многих полковник фон Штауффенберг, вероятно, теперь уже навсегда будет ассоциироваться с этим голливудским актером. Дошло до абсурда. На обложке одной из книг, посвященных событиям июля 1944 года, красуется не полковник, а Круз в его образе. И хотя фильм дал значительно упрощенную картину тех событий – зрители убеждены, что именно так все и происходило. Но они ошибаются. Подлинная история «Валькирии» значительно интереснее.

К началу лета 1944 года стало окончательно ясно, что Третий рейх проиграл войну. Рабоче-крестьянская Красная армия выходила на границы Советского Союза, союзники готовились открыть второй фронт. Даже на Африканском континенте, где дела у Германии обстояли более-менее благополучно, наметился перелом. Понимали это и в Москве, и в Лондоне, и в Нью-Йорке. И лишь в Берлине были уверены, что все идет по плану и временные трудности будут преодолены. Но не все немцы уже свято верили Гитлеру и Геббельсу. Были и те, кто с риском для жизни боролся против национал-социализма.

В их число входили и высшие офицеры вермахта. Они понимали, что война проиграна, что единственный выход не только для Германии, но и для всего мира – немедленная капитуляция немецкой армии на всех фронтах и военный трибунал над главарями тысячелетнего рейха. Позже Гитлер охарактеризует этих людей соответствующим образом: *«Подлая клика ничтожных предателей народа осмелилась сделать самое страшное – изменить присяге. Однажды Германия уже пала жертвой заговора негодяев – в ноябре 1918 года. Но сейчас мы полны решимости уничтожить всех этих подлецов, всех до одного».*

Именно так, со злобной усмешкой, будут называть их в Германии в последний год коричневой империи – «подлая клика». Один из организаторов заговора войдет в историю благодаря трем емким фразам.

1939 год: *«Этот идиот развязал войну!»* 1941 год: *«Что-то слишком много побед на счету этой гиены»*. 1943 год: *«Смерть!»* Этого человека звали граф Клаус фон Штауффенберг.

Сегодня, когда речь заходит о плане «Валькирия», все непременно представляют себе Тома Круза.

Потом к этим трем лапидарным пунктам, характеризующим повестку дня, добавится еще один: *«Я сделаю это»*. Эти слова граф произнесет 28 июня 1944 года, фактически за месяц до событий. Его друг, полковник Генерального штаба Мерц фон Квирнхайм, в тот же день заметил: *«Если кто-то и сможет спасти Германию, так это будет граф. Он один из немногих, кого пока пускают к этой гиене»*. И все-таки даже Штауффенберг не смог совершить задуманного. Гитлера спас случай – в который уже раз.

Минувший век вообще стал временем краха всеобъемлющих историософских доктрин; вместе с ними рухнуло и то, что в разные времена называлось современниками событий Божьим промыслом, самодвижением абсолютного духа или историческим разумом. История предстала как территория случайностей, ее смысл свелся к нагромождению совпадений. Во времена Третьего рейха это подавалось народу как сила провидения. Об этом неустанно говорил и сам Гитлер: *«Я могу сказать, что никому Провидение не даровало больших успехов, чем нам. Чудеса, которых мы добились, противостоя целому враждебному миру, исторически уникальны. Особенно это касается преодоления кризисов, которые, естественно, у нас часто бывали за эти годы»*.

У фюрера тысячелетнего рейха действительно были все основания постоянно воспевать божественную силу провидения. Возможно, именно оно спасло Гитлера 8 ноября 1939 года, когда канцлер Германии покинул мюнхенский зал «Бюргерброй» за восемь минут до того, как адская машина, изготовленная столяром Георгом Эльзером и замурованная в основание столба, разнесла в щепки трибуну. Провидение спасло мудрейшего сына германского народа и 13 марта 1943 года, на пути из штаба войсковой группы «Центр» под Смоленском в Ставку в Восточной Пруссии. Тогда в самолете находились две бутылки из-под ликера «Куантро» – мнимый подарок одному офицеру в Ставке от полковника Хеннинга фон Трескова – со взрывчатой смесью. Бомба не взорвалась. Провидение позволило Гитлеру избежать смерти и спустя восемь дней, 21 марта, в берлинском Цейхгаузе на выставке трофейного русского

вооружения. Барон Кристоф фон Герсдорф, штабной офицер из окружения генерала фон Трескова, должен был сопровождать фюрера. В кармане у него лежало взрывное устройство, которое должно было сработать через 10 минут. Но Гитлер очень спешил и неожиданно ретировался.

И это еще не все. За всю историю тысячелетнего рейха на фюрера было сделано 42 покушения. Вот лишь три из них: капитан Аксель фон дем Бусше вызвался взорвать себя и Гитлера во время демонстрации новых моделей форменной одежды для армии, но за день до покушения вагон с экспонатами был разбит при воздушном налете. Лейтенант Эвальд фон Клейст предполагал расстрелять фюрера во время совещания. По случайному поводу охрана в последний момент не пропустила Клейста на виллу. Ротмистр фон Брейтенбух не сумел выполнить свое намерение убить вождя, так как был задержан эсэсовцами из-за какого-то пустяка.

Кажется, Гитлер действительно был любимцем ее величества фортуны. Не случайно германская еженедельная кинохроника Die Deutsche Wochenschau передавала на весь мир в августе 1944 года: *«Мы стали свидетелями удивительного явления – в одном человеке была одновременно и бесконечная доброта, и неумолимая жесткость. Эта жесткость, однако, проявилась лишь в крайнем случае, и только из-за любви к своему народу. Фюрер был уверен, что если не потребует от своих солдат невероятных, беспредельных усилий сейчас, то все одержанные прежде победы станут напрасными, станут бесполезными».*

Заговорщики попытались еще раз обмануть судьбу, хотя многие из них уже отчаялись осуществить покушение на Гитлера и предлагали просто дожидаться конца коричневой империи. Но Штауффенберг больше не мог ждать. Он прекрасно понимал, что каждый день промедления будет уносить жизни тысяч людей. В июне 1944 года граф твердо решил убить Гитлера. К этому моменту полковник уже был единственным из заговорщиков, кого еще пускали к фюреру. Полковник Мерц фон Квирнхайм, ставший одним из идеологов покушения, с горечью заметил: *«Это ни в коем случае не должен совершить фон Штауффенберг. Он будет необходим будущей, свободной Германии. Но выбора у нас нет».*

К июлю 1944 года Гитлер действительно ограничил свои контакты с внешним миром. Рейхсмаршал Герман Геринг, выступая по радио весной 1944 года, так объяснил его поведение: *«Фюрер предпринимает все возможные усилия, заботясь о людях, люди тоже должны вести себя достаточно хорошо и прилично, осознавая действия руководства и доверяя ему. Для немецкого народа существенно то, что он должен во взаимном доверии выполнить гигантскую задачу – завоевать в борьбе*

свободу германской нации».

У Штауффенберга и раньше были встречи с фюрером: полковника вызывали на доклад в резиденцию Бергхоф 6, 11 и 15 июля, однако тогда со взрывом решили повременить. На тех совещаниях не было Гиммлера и Геринга, а заговорщики собирались покончить с нацистской верхушкой одним ударом. Но время поджимало, и хотя 20 июля ближайших сподвижников Гитлера в «Логове волка» тоже не ожидалось, взрыв решили осуществить в этот день. Больше терпеть было нельзя.

Даже генерал-полковник Гудериан, который, кстати, отрицательно относился к заговорщикам, запечатлел в своих мемуарах характерный портрет фюрера того времени: *«Сгорбился, глаза навывкате смотрели застывшим, потухшим взглядом; щеки были покрыты красными пятнами. Он стал еще более раздражительным, терял в гневе равновесие, не отдавал себе никакого отчета в том, что он говорил и какие решения принимал».*

Полковник К. фон Штауффенберг

Незадолго до покушения, на очередном военном совете, Гитлер патетически заявил: *«Господа! Если в будущем для Германии наступит грозный час, я надеюсь, что вы, мои генералы, будете стоять на баррикадах вместе со мной! И вы, мои фельдмаршалы, бок о бок со мной, с обнаженными мечами!»* При этих словах фельдмаршал Манштейн, командовавший в то время армейской группировкой «Юг», вскочил со своего места и воскликнул: *«Ведите нас, фюрер!»*

Но так думали далеко не все. Конечно, Гитлер до конца не верил в искренность своих генералов, а 20 июля лишний раз убедился в их неблагонадежности. В этот день, перед отлетом в Растенбург, где находилась Ставка Гитлера, Клаус фон Штауффенберг встретился со своим братом Бертольдом и сказал ему фразу, которую тот записал в дневнике: *«Кто найдет в себе мужество сделать это, войдет в историю как предатель, но если он откажется это сделать, то будет предателем перед своей совестью».*

В Ставке фюрера Штауффенберг доложил о своем прибытии генерал-фельдмаршалу Кейтелю и от него узнал, что из-за жары совещание состоится не в бункере, как предполагал полковник, а наверху – в легком деревянном бараке. Конечно, это меняло условия, но времени, чтобы пересмотреть план действий, уже не оставалось: совещание начиналось через час, в половине первого.

Сославшись на необходимость сменить после дороги одежду, Штауффенберг отправился в спальню, чтобы там приготовить все необходимое для взрыва. Он рассчитывал собрать два взрывных устройства, но не успел. Полковнику, который после тяжелого ранения в Тунисе стал одноруким калекой, удалось справиться лишь с одним. Вторая бомба осталась без взрывателя.

Кейтель и Штауффенберг появились в бараке, когда совещание уже началось. Большинство присутствующих разместилось за массивным дубовым столом. Забегая вперед, скажу, что этот самый дубовый стол и стал счастливым орудием провидения, которое в тот день в 42-й раз избавило рейхсканцлера от неминуемой гибели.

А теперь давайте попробуем восстановить картину этого неудавшегося покушения. Итак, 20 июля 1944 года, 12 часов и приблизительно 35 минут. Растенбург, Ставка Гитлера. Участники совещания обсуждают положение дел на Восточном фронте. Штауффенберг находится справа от фюрера. Он будто бы случайно ставит под стол поближе к Гитлеру свой портфель с

бомбой и за пять минут до взрыва выходит из барака.

Оказавшись на улице за пределами Ставки, полковник наблюдает за взрывом, который в 12 часов 42 минуты буквально превращает барак в груды мусора. Штауффенберг уверен, что справился с возложенной на него задачей. С этим убеждением он и улетает в Берлин. А спустя несколько часов министр пропаганды Третьего рейха доктор Йозеф Геббельс, выступая по радио, иронизировал, оценивая сложившуюся ситуацию: *«В этом все наши военные. Ничтожные трусы и изменники. Понятно, почему мы до сих пор не сокрушили большевизм. Нас окружают одни предатели. У них даже не хватило мужества остаться до конца в Ставке фюрера»*.

Что ж, воля провидения и на этот раз спасла Гитлера. Кому-то из участников того рокового совещания портфель Штауффенберга мешал подойти к карте военных действий, и этот кто-то задвинул портфель за ножку стола. Так и вышло, что от бомбы фюрера защитила массивная дубовая ножка. В результате взрыва из 23 присутствующих четыре человека были убиты, многие ранены, а Гитлер отделался лишь легкими ушибами и слегка подпорченной одеждой.

Поиски преступника начались незамедлительно, и очень скоро выяснилось, кто стал исполнителем теракта. Его имя назвал шофер, отвозивший Штауффенберга и его ординарца на аэродром. Водитель увидел, как полковник выбросил из окна машины какой-то странный предмет. Этим предметом оказалась вторая бомба, которую так и не удалось привести в действие. Она-то и стала главной уликой, подтверждающей вину Штауффенберга.

В это время в штабе сухопутных войск в Берлине происходило следующее: Штауффенберг и Гефтен вместе с генерал-полковником Беком и другими заговорщиками пошли к командующему сухопутными силами резерва Фридриху Фромму и потребовали подписать план «Валькирия», который должен был вступить в силу в случае удачного завершения операции по ликвидации Гитлера. Но Фромм, уже зная о провале, присоединиться к заговорщикам отказался. Им ничего не оставалось, как посадить его под арест.

Тем же днем 20 июля 1944 года, ближе к вечеру, военный комендант Берлина Газе вызвал к себе командира батальона охраны майора Ремера и, сообщив ему о смерти фюрера (согласно телефонограмме Штауффенберга), приказал сохранять боевую готовность. В свою очередь Ремер, то ли для подстраховки, то ли для того, чтобы заручиться поддержкой высших чинов, напрямую связался с министром пропаганды Геббельсом и от него узнал, что на самом деле Гитлер не погиб. Ремеру также удалось установить связь

с самим фюрером, и тот отдал приказ: майор обязан подавить мятеж любой ценой, а в обмен получит повышение в звании – чин полковника.

О том, как чувствовал себя великий сын Германии в это не самое лучшее для него время, рассказал в своих воспоминаниях генерал фон Хольтиц: *«Гитлер сам себя вгонял в бессмысленное возбуждение, изо рта его буквально шла пена, все тело его тряслось так, что письменный стол, за который он ухватился, также пришел в движение. Когда он орал, что «эти генералы будут болтаться на виселице», я со всей определенностью понял: передо мной помешанный».*

Через несколько часов Клаус фон Штауффенберг и другие участники заговора были взяты под стражу. А освобожденный из-под ареста генерал-полковник Фромм приступил к решительным действиям: *«Господа, теперь я сделаю с вами то, что вы сегодня хотели сделать со мной».* На заседании военного суда он приговорил к смерти пять человек. Генерал-полковнику Беку позволили застрелиться самому, а остальных четверых заговорщиков – генерала Ольбрихта, лейтенанта Гефтена, Клауса фон Штауффенберга и полковника Мерца фон Квирнхайма вывели по одному во двор штаба и расстреляли.

За секунду до смерти Штауффенберг успел крикнуть: *«Да здравствует святая Германия!»* Узнав об этом, Гитлер внес изменения в свою речь для германского народа: *«Я верю, что такова была воля Всевышнего. Я уверен, что действую вполне в духе Творца всемогущего: борясь за уничтожение предателей, я борюсь за дело Божие. Я прикажу вешать изменников, одного за другим, и висеть они будут столько, сколько позволят элементарные нормы гигиены. И как только снимут одних, сразу же будут повешены следующие, пока мы не перебьем их всех».*

В случае победы заговорщиков канцлером Германии должен был стать Карл Гёрделер, президентом – Людвиг Бек, на должность главнокомандующего вермахта выдвигали генерала Ольбрихта. В подготовленном воззвании, с которым новые руководители Германии должны были обратиться к народу, говорилось: *«Гитлер не был избран народом, он пришел к власти благодаря самым мерзким интригам. Мы стремимся прекратить насилие, кровавый террор, развязанный диктатором, спасти от бессмысленной гибели миллионы людей».*

Увы, этим благородным намерениям не суждено было сбыться. Что же касается Гитлера, то после путча 20 июля за последние девять месяцев его правления погибло вдвое больше людей, чем за пять военных лет до покушения. Генерал-полковник Гейнц Гудериан написал в своих мемуарах: *«Свойственное его характеру глубоко укоренившееся недоверие к людям*

вообще и к генералам в частности превратилось теперь в ненависть. Он больше никому не верил. Он часто терял самообладание и не давал себе отчета в своих выражениях».

Даже сегодня, спустя 70 с лишним лет, не перестаешь удивляться мужеству людей, которые попытались спасти репутацию Германии в глазах всего мира. В предсмертной записке генерал-полковника Бека (а всем осужденным разрешили перед казнью отправить короткие записки близким) было сказано: *«Долг мужчин, которые действительно любят отечество, отдать ему все свои силы. Даже если нам не удалось добиться цели, мы можем сказать, что долг выполнили».*

Примерно о том же незадолго до путча говорил генерал Фридрих Ольбрихт своему приемному сыну: *«Не знаю, как потомки будут оценивать наш поступок, но знаю точно, что мы все действовали не ради своих личных интересов. В критической ситуации мы старались сделать все возможное, чтобы уберечь Германию от поражения».*

Понятно, каким было отношение к этим людям на суде. Председатель офицерского суда чести Роланд Фрейслер не выбирал выражений. Вот что он бросил в лицо генералу фон Вицлебену во время вынесения смертного приговора: *«Вы, грязное и подлое животное! Как смели вы поднять свою руку на фюрера, гений которого помогает всем немцам воевать за свое счастье? Смерть для вас будет минимальной платой за ваше предательство! Вы опозорили вермахт! Теперь понятно, почему мы до сих пор не сокрушили большевизм. Вы и вам подобные негодяи помогли еврейским ордам».*

Один из участников заговора Карл Герделер написал в тюрьме: *«Я прошу мир принять нашу мученическую судьбу как жертву за немецкий народ».* А генерал фон Тресков когда-то убеждал Штауффенберга: *«Покушение надо осуществить любой ценой. Даже если мы не добьемся никакой практической пользы, оно оправдает немецкое Сопротивление перед миром и историей».*

Штауффенберг и его соратники стали подлинными героями в Федеративной Республике Германия. Они напоминали немцам, что не все они в годы Второй мировой стали расчетливыми убийцами. Но были и те, кто продолжал считать участников заговора против Гитлера подлыми изменниками присяге. Речь в первую очередь идет о ХИАГ. Уверен, что эта аббревиатура ничего не скажет большинству читателей. И совсем иная реакция последует, если произнести «Досье «Одесса».

Великая сила искусства! Фредерик Форсайт, написавший детектив с таким названием, даже не подозревал, насколько изменит сознание людей.

Сегодня, говоря про «Общество взаимопомощи бывших членов войск СС», мало кто назовет его ХИАГ. Большинство уверенно скажет: та самая «Одесса». Споры нет, Форсайт создал невероятно увлекательное произведение. Но подлинная история, как это зачастую случается, оказалась намного интереснее.

Этот союз ветеранов был основан в 1951 году и своей основной задачей провозглашал оказание помощи в реабилитации и амнистии для бывших членов войск СС. Деятельность проходила под строгим надзором соответствующих органов, поскольку подавляющее большинство немцев не считало бывших военнослужащих дивизий «Мертвая голова» и «Флориан Гайер» солдатами, как и все остальные. И торжества по случаю очередной годовщины создания полка «Фюрер» не вызывали у бюргеров прилива добрых чувств. Тем паче что ряд деятелей ХИАГ взялся защищать человека, чье имя во многом стало синонимом власти нацистов.

На Нюрнбергском процессе он был единственным, кто во всеуслышание заявил, что не отрекается от идеалов Третьего рейха. Словно не ему свидетели обвинения рассказывали об ужасах концлагерей, полностью сожженных деревнях и городах, о миллионах жертв по всей Европе.

Именно его подпись стоит под документом об организации печально знаменитой «Хрустальной ночи», которая превратилась в дикий погром еврейских магазинов. Именно он активно помогал перевооружать Германию, готовя ее к войне. И, наконец, именно его многие считают истинным автором целого ряда ключевых положений в «Майн кампф». Это заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс.

Р. Гесс. До конца своих дней сохранил верность Гитлеру

После окончания Первой мировой войны Гесс переехал в Мюнхен, где и познакомился с Адольфом Гитлером. Вскоре он стал ближайшим другом и соратником будущего фюрера. Именно Гесс был одним из организаторов «Пивного путча» в 1923 году, за что вместе с Гитлером и отбывал срок в Ландсбергской тюрьме. Кстати, именно там был написан программный труд национал-социалистов – «Майн кампф», первым читателем и редактором которой стал Гесс. Как я уже говорил, ряд современных историков полагают, что значительную часть второго тома книги он сам и написал. Действительно, уж больно не похож стиль изложения основных идей национал-социализма на язык Адольфа Гитлера. Пожалуй, он больше подходит бывшему студенту Берлинского университета, лучшему ученику профессора Хаусхофера Рудольфу Гессу.

Генерал-фельдмаршал люфтваффе Эрхард Мильх так объяснял это уже после войны: *«Я не сомневаюсь, что именно Рудольф Гесс приложил руку к главам, касающимся темы расы. Ведь Гитлер, рассуждая о евреях в тесном кругу образованных людей, использует иной тон, нежели тот, которым говорит с массами. Учитывая образ жизни Гитлера, полное отсутствие у него рабочей дисциплины и то, что он так и не написал*

продолжения «Майн кампф», я убежден, что Гесс был его полноправным соавтором».

Рудольф Гесс вообще принимал самое активное участие в создании нацистской партии и после прихода Гитлера к власти занимал сразу два поста – рейхсминистра без портфеля и заместителя министра по партии. Это было время, когда Гесса называли «наци № 2». К тому же его связывала с фюрером не только партия, но и личная дружба. Именно Гитлер способствовал женитьбе Гесса, которому было уже за 40 и у которого из-за работы в партии (по его собственным словам) «времени на личную жизнь, чтобы пойти с кем-то познакомиться, совершенно не оставалось». Гитлер попросту обратил внимание Гесса на симпатичную фройляйн Ильзе и посоветовал жениться на ней. А когда у четы Гесс родился первый и единственный сын – присутствовал на крестинах.

Но постепенно авторитет и влияние Гесса на Гитлера начали ослабевать. Его старательно оттесняли Герман Геринг и Мартин Борман. Хотя на всех партийных съездах Гесс неизменно выступал перед самым фюрером и таким же неизменным был тон его выступлений: *«В мире нет другого государства, которое стоит на столь прочном фундаменте, как великая Германская империя Адольфа Гитлера. Любовь к фюреру и вера в него, а также слепое доверие ко всем его решениям и действиям ведут нашу нацию вперед»*.

Именно Гессу поступали на предварительное утверждение все законопроекты, он занимался подбором кадров, все военные акции Германии намечались и готовились при его участии. Это Гесс подписал преступные декреты об аншлюсе Австрии, о расчленении Чехословакии и о включении в состав рейха польских земель. Не случайно один из обвинителей на Нюрнбергском военном трибунале заявил, что Гесс трижды заслужил виселицы.

А теперь упомянем о событии в жизни нашего героя, которое до сих пор не получило однозначной оценки: 10 мая 1941 года Рудольф Гесс решился на отчаянный поступок. Он отправился в Великобританию, чтобы начать мирные переговоры. По словам «наци № 2», на это его уполномочил сам Адольф Гитлер. И каков же результат? Премьер-министр Англии Уинстон Черчилль отправил Гесса в знаменитый Тауэр, а Германия от него и вовсе откристилась. Министр пропаганды Йозеф Геббельс объявил тогда Гесса «сумасшедшим, живущим в плену иллюзий». Хотя несколькими годами раньше Геббельс с ликованием аплодировал этому «пленнику иллюзий» на одном из партийных съездов в Нюрнберге. Что, впрочем, неудивительно, если вслушаться в смысл выступления Рудольфа Гесса:

«Гитлер – это олицетворение чистого разума. Мы с гордостью видим, что только этот человек остается вне всякой критики. Мне было даровано многие годы жить и работать рядом с величайшим сыном нации, память о котором наш народ должен пронести через тысячу лет своей истории».

Истинные мотивы поступка Гесса до сих пор неизвестны. В советских учебниках истории было написано, что Гесс от лица Гитлера намеревался заручиться поддержкой Великобритании в войне с СССР. Его сын Вольф-Рюдигер Гесс, наоборот, считает, что, если бы переговоры состоялись, войны с Советским Союзом просто не было бы. В доказательство своей позиции он приводит слова самого Адольфа Гитлера, сказанные 22 июня 1941 года: *«Несмотря на все наши мирные инициативы, Англия снова стала проводить политику изоляции Германии, основанную на ненависти. Возник внешний и внутренний, столь знакомый нам заговор между демократами, большевиками и реакционерами. Возник с единственной целью – уничтожение нового народного немецкого государства и вторичное низвержение империи в бессилие и нищету».*

Как бы то ни было, способ отправки Гесса на мирные переговоры до сих пор вызывает удивление. Судите сами: ночью, на истребителе, с прыжком с парашютом и последующей сдачей английским властям! А между тем его сын утверждал, что Гитлер одобрил эту поездку в Великобританию – но с условием, что, если миссия провалится, Германия от Гесса откажется. Ведь в рейхе не поймут, зачем стремиться к заключению мира, если положение страны устойчиво и несколько соседних территорий занято германскими войсками. И еще один довод в пользу версии об осведомленности фюрера по поводу переговоров в Великобритании приводил Гесс-младший: *«Не забывайте, что даже после того, как отца объявили психически больным в рейхе, Гитлер и пальцем не тронул его семью. На этом основании я считаю, что мой отец был полномочным посланником фюрера».*

Давайте попробуем разобраться – зачем Германии понадобилось стремиться к миру, когда вся Европа была оккупирована вермахтом? Судя по всему, миссия Рудольфа Гесса в Великобритании отнюдь не преследовала мирных целей. Скорее всего, он мог предложить англичанам план выхода из войны с Германией, чтобы у Третьего рейха хватило времени и сил основательно подготовиться к войне с Советским Союзом, дата нападения на который была уже определена. Впоследствии все участники возможных переговоров предпочитали о них не вспоминать. Правда, на заседании Нюрнбергского трибунала 31 августа 1946 года Гесс,

кажется, собирался сообщить о своей миссии в Англии. Но едва он успел произнести: «Весной 1941 года...», как тут же был прерван председателем трибунала англичанином Лоуренсом. После этого Рудольф Гесс отказался отвечать на вопросы судей и обвинителей, разыгрывая невменяемого, потерявшего память.

Судить о том, насколько искренен был Вольф-Рюдигер Гесс, оправдывая своего отца, пока не представляется возможным. Все документы, касающиеся перелета Гесса в Великобританию, останутся засекреченными вплоть до 2047 года. Однако в одном из своих последних интервью Рудольф Гесс заявил следующее: *«Немцы – нордическая раса, и допускать смешение немцев и евреев, представителей другой расы, мы не могли. Наша политика была правильной. Этих взглядов я придерживаюсь и сейчас»*. Комментарии, что называется, излишни.

Когда начался Нюрнбергский процесс, Рудольф Гесс предстал перед судом как нацистский преступник и был осужден на пожизненное заключение в тюрьме Шпандау, которая совместно управлялась США, Великобританией, Францией и СССР. Список обвинений, предъявленных ему, содержал, в частности, следующие пункты: подписание Нюрнбергского закона, запретившего евреям занимать государственные должности и вступать в браки с «лицами арийской национальности», и подписание документа об аншлюсе – вхождении Австрии в Третий рейх. Гессу не было смысла отрицать это – ведь записи его выступлений на партийных съездах видел и слышал весь мир. В частности и вот эту: *«Поверьте мне, фюрер принимал множество решений, и некоторые из них давались с чудовищным трудом. Но он не боялся трудностей. То, что казалось недостижимым, становилось реальностью. Из бессилия и национального позора поднялась новая Германская империя, новая нация, более гордая и более сильная, чем когда-либо. Мы все видели это чудо, которое сотворил наш фюрер Адольф Гитлер»*.

Берлинская тюрьма Шпандау была выбрана союзниками как наиболее изолированное пенитенциарное учреждение в Германии. Пикантности ситуации добавляло и то, что во времена Третьего рейха эта тюрьма являлась местом сбора политических заключенных перед отправкой в концлагеря. Все стены Шпандау были испещрены надписями – память о тех, кто прошел через нее до того, как она приняла своих последних постояльцев. Интересно, что Гесс и в заключении остался верен себе, фактически дословно повторив свою речь в Нюрнберге 1933 года: *«Я безмерно счастлив, что мог наслаждаться присутствием фюрера в то время, когда я был очевидцем его славных дел. Вы все знаете нашего*

фюрера. Но я могу утверждать, что знаю его лучше, чем кто-либо другой, и прежде всего мне знакома бесконечная доброта его великого сердца».

Отбывая пожизненное заключение, Рудольф Гесс значился как узник № 7. Шпандау была огромной тюрьмой, рассчитанной на 600 человек. Но к 1966 году там не осталось других узников, кроме него, занимавшего камеру, соединенную из двух одиночных. Кстати, именно порядковый номер вызывал наибольшее неудовольствие Гесса. Он считал, что ему, как заместителю Гитлера по партии, полагается номер 1, и часто жаловался на такую несправедливость Бальдуру фон Шираху: *«Гесс постоянно жаловался, что таким образом союзники собираются вычеркнуть его из истории Третьего рейха. Я много раз пытался ему объяснить, что большинством наших поступков трудно гордиться – мы довели Германию до катастрофы. Но Гесс, казалось, не слышал меня. Снова и снова он повторял: «Я был заместителем фюрера и, значит, должен быть главным заключенным».*

Рудольф Гесс прожил долгую жизнь. Он умер 17 августа 1987 года, когда ему было уже 93 года. Его нашли повешенным на электрошнуре в садовом домике. Официальная версия – самоубийство, но она сразу же была подвергнута сомнению сначала сыном Гесса Вольфом-Рюдигером, а потом врачом из Уэльса Хью Томасом. Первый заявил, что его отец был слишком болен и слаб для того, чтобы совершить самоубийство. Тут не поспоришь. Гесс даже чашку кофе держал двумя руками, потому что держать одной у него не хватало сил. А врач пошел еще дальше, доказав, что Гесса душили дважды.

Кстати, после осмотра Томасом тела Гесса появилась также версия относительно пребывания в тюрьме не самого заместителя Гитлера по партии, а его двойника, потому что на теле умершего не нашли следов от пулевого ранения в грудь, которое Гесс получил во время Первой мировой войны. Это не на шутку встревожило британцев, и они разрешили независимым специалистам провести экспертизу – при вскрытии следы пулевого ранения все-таки были найдены.

Но давайте все же вернемся к версии об убийстве Гесса английскими спецслужбами, выдвинутой его сыном. Он считал, что Михаил Горбачев собирался поставить вопрос об освобождении Гесса, что и стало впоследствии причиной убийства престарелого заключенного Шпандау. Английские власти справедливо опасались, что он, выйдя на свободу, молчать не станет. К тому времени уже многие нацистские преступники, за исключением Гесса, были освобождены по состоянию здоровья.

Почти все они написали воспоминания, доставившие англичанам

немало неприятных минут. Такая опасность существовала и с Гессом, поскольку его сторонники пытались сделать из него «приличное» лицо национал-социализма и «мученика за мир». Высказывались даже предположения, что при других обстоятельствах Гесса могли выдвинуть на соискание Нобелевской премии. Еще осенью 1945 года премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль в разговоре с министром авиации заметил: *«Русские очень подозрительно относятся к истории с Гессом, у меня был продолжительный разговор на эту тему в Москве с маршалом Сталиным; он все время твердил, что Гесс был приглашен нашей секретной службой. Не в наших интересах, чтобы теперь все это всплыло».*

Между тем власти США, Франции и Англии дважды в год обращались к нам с предложением из гуманных соображений помиловать последнего заключенного Шпандау, но Москва неизменно отвечала отказом. Ничего удивительного в этом нет. Гесс остался убежденным национал-социалистом и даже в тюрьме продолжал восхвалять Гитлера, так, как он делал это всегда. Вот классический пример выступления Рудольфа Гесса, запись 1939 года: *«Наш фюрер Адольф Гитлер – выдающийся, величайший организатор нашей военной промышленности, он – блестящий, героический командующий нашими вооруженными силами; прежде всего он – гарант германской победы! Самый последний пехотинец знает, что победа будет завоевана, если он, как и весь германский народ, точно выполнит приказ фюрера».*

Была в самоубийстве бывшего заместителя Гитлера еще одна странность. Это записка, которую обнаружили у него в кармане. В ней Гесс благодарил всех своих родных за «все хорошее», что они для него сделали. Записка, несомненно, была написана рукой Гесса – но, как выяснилось, еще в 1969 году, когда он оказался в госпитале с обострением язвенной болезни.

НТС пережил советскую власть, с которой так яростно боролся. Но и сам стал последовательно сначала заложником собственного прошлого, а потом и достоянием истории, так и не написав толком свою летопись для потомков.

Через неделю после смерти своего последнего узника перестала существовать и сама тюрьма Шпандау. Ее снесли, а садовый домик, где нашли повешенного Гесса, сожгли. Но сын Гесса продолжил свое расследование. Он выяснил, что в день смерти его отца санитар, который ухаживал за ним в Шпандау, придя в сад, увидел на полу летнего домика

неподвижно лежащего Гесса, а над ним двух человек в американской военной форме, чье появление было строжайше запрещено тюремными правилами.

Санитар кинулся к Гессу, чтобы сделать ему искусственное дыхание, но кислородный баллон почему-то оказался пуст. Причем мужчина ни минуты не сомневался в том, что проверял баллон за день до случившегося. Один из стоящих над телом военных стал помогать санитару делать массаж сердца. Как утверждает сын Гесса, помогал он столь усердно, что сломал последнему узнику Шпандау несколько ребер. Все эти факты сын «наци № 2» привел в своей книге «Убийство Рудольфа Гесса». Но гораздо интересней и показательней другое. Заканчивается книга последними словами Гесса на Нюрнбергском процессе: *«Много лет своей жизни я проработал под началом величайшего сына нашего Отечества, рожденного впервые за тысячи лет его истории. Даже если бы это было в моей власти, я бы не захотел вычеркнуть этот период из своей памяти. Я счастлив, что выполнил свой долг перед народом – долг немца, национал-социалиста, верного последователя фюрера. Я ни о чем не сожалею».*

Сын Гесса подал на британские власти в суд. Прошло почти 30 лет, уже давно умер и сам истец, а процесс так и не завершен...

Но гораздо больше, чем строительство капитализма, сотрудничество с НАТО, проблемы неонацизма в Федеративной Республике Германия и дело Гесса, Москву волновал и нервировал НТС – Народно-трудовой союз российских солидаристов. Крупнейшая антисоветская организация, обосновавшаяся во Франкфурте-на-Майне, была источником вечной головной боли для КГБ и идеологического отдела ЦК КПСС. Нацмальчики. Новопоколенцы. Солидаристы. Как их только не называли на Родине за 86 лет существования организации! Молодому читателю имена Байдалакова, Георгиевского, Околовича, Поремского, Редлиха, Романова, Артемова уже ничего не скажут. Другая эпоха наступила.

НТС пережил советскую власть, с которой так яростно боролся. Но и сам стал последовательно сначала заложником собственного прошлого, а потом и достоянием истории, так и не написав толком свою летопись для потомков. Лишь незначительное число воспоминаний, обрывки старых фотографий, страницы писем, дневников. Всем желающим сегодня узнать подробности борьбы членов союза за Белую Россию, по сути, предлагаются две не самые большие книжки. И число вопросов после их прочтения только увеличивается.

Кризис государственной идеологии в начале 1990-х годов привел к пересмотру истории. Члены НТС стали восприниматься иначе. Нет,

сотрудничество с немцами во время Великой Отечественной войны пересмотрено не было. По крайней мере, подавляющим большинством населения страны. А вот борьба с советской властью в 1930-х годах многими стала восприниматься как правое дело.

В результате сложилась следующая доктрина: нацмальчики «ходили» в СССР посмотреть, как живет народ при большевиках. Распространяли подпольно свою литературу и готовили террористические акты против партийных активистов. Они и не могли поступать иначе, если вспомнить, что глава Русской православной церкви за границей митрополит Антоний Храповицкий в те годы проповедовал: *«Властью, данной мне от Бога, благословляю всякое оружие, против красной сатанинской власти поднимаемое, и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителем за русское Христово дело».*

А как же попадали в СССР эти мстители, спросит иной читатель? Ведь не по туристической же визе? Разумеется, нет. Граница переходилась нелегально, при поддержке разведок сопредельных стран. Да и могло ли быть иначе? И могли ли при этом члены НТС не попасть в разработку НКВД? Опять-таки – нет. Они и попали.

Мало того, им уделялось больше внимания, чем всем остальным организациям русской эмиграции вместе взятым. Что, в общем, тоже понятно. Созданный в 1924 году бароном Врангелем Русский общевоинский союз – РОВС – был инфильтрирован агентурой Москвы, а остальные многочисленные эмигрантские союзы политикой толком и не занимались. Бесконечная болтовня и жизнь в мире самодельных иллюзий. Чего не скажешь об НТС. Нацмальчики взяли за принцип активную борьбу – словом и делом. Пантеон их погибших героев велик. Но об их судьбе, если начать разбираться в теме серьезно, толком ничего не известно. Даже тем, кому довелось быть знакомыми со старыми членами НТС.

В марте 2013 года мы обсуждали эту тему с Сергеем Кривошеевым у меня в эфире. Сергей – тот самый человек, который закрывал разработку в ФСБ агентурного дела НТС в конце 1990-х годов. Откликов на эфир было много. Писали из России, Украины, Германии, Бельгии... Нас обвиняли в реанимации старых советских мифов и благодарили за демонстрацию архивных документов. Разбору той программы даже посвящена отдельная глава в вышедшей впоследствии книге воспоминаний старого члена НТС.

Предсказать это было несложно. Все, что связано со спецслужбами, пользуется популярностью в обществе. Как в Бразилии каждый может тренировать сборную по футболу, так и у нас каждый считает для себя возможным обсуждать деятельность разведки на основе полученных

посредством кино знаний – они традиционно считаются в социуме достоверными – или обрывков далеких впечатлений из детства. Я сам через это проходил.

В конце 1980-х годов, когда я был еще обычным советским школьником, попалась мне в руки легендарная книга академика Яковлева «ЦРУ против СССР». От каждого абзаца веяло таким ледяным ужасом, такой нечеловеческой подлостью врагов, что кровь холодела. Эта классика контрпропагандистской работы и сейчас производит сильное впечатление, а уж тогда-то! На всю жизнь мне запомнился пособием немцев Поремский: *«Разговор происходил в Берлине за обедом... Поремский тогда работал диктором на немецком радио. Меня раздирали внутренние сомнения... не пора ли бежать от грязного дела: хозяева требуют от нас призывать советских солдат сдаваться в плен немцам... Поремский не переставал жевать спокойно, слишком спокойно для русского патриота. Так мог жевать человек, у которого совесть в полной гармонии с поступками.*

– Меня это ничуть не пугает. Я совершенно сознательно призываю. Главное – свергнуть большевиков.

– Но это захват России немцами!

– Пустяки. Идея солидаризма их растворит».

Согласитесь, очень сильный момент. Тысячи людей гибнут ежедневно, а он спокойно жует. Стало сразу понятно, почему при слове НТС у народного артиста СССР Олега Басилашвили в свое время волосы вставали дыбом. Мог ли я тогда подумать, что пройдет несколько лет, и мне доведется встретиться с тем самым Поремским. В Москве! И не на показательном процессе, где гитлеровский наймит отвечал бы за свои преступления против нашего мирного государства. А в самой что ни на есть мирной обстановке, в центре города.

Я с интересом разглядывал Поремского, силясь побороть искушение задать вопрос про тот самый обед. Он внимательно посмотрел на меня и произнес: «Я вижу, вы хотите спросить». Отступать было некуда, и, набравшись смелости, буквально на одном дыхании я процитировал этот отрывок. Поремский улыбнулся. У него была очень обаятельная улыбка. И удивительные глаза. В них, за заметной всем веселостью, читалась грусть. «О нас много писали в СССР, – сказал он, – всегда придумывая что-то». Но беда в том, что особо придумывать советскому агитпропу было не нужно. Правда про НТС иной раз была страшнее.

Началась их история в 1930 году. Тогда в Белграде прошел первый съезд Национального союза русской молодежи. Устав новой организации был характерным для русской эмиграции: желание спасти Родину от власти

большевиков и готовность пожертвовать собой ради этой цели. *«Братья, неужели мы заслуживаем правительство грабителей и убийц, позором покрыли большевики русское имя во всем мире. Бывает время, когда становится стыдно жить. Да здравствует национальная революция!»*

Под такой программой могли бы подписаться многочисленные союзы, существовавшие в русской эмиграции. Конкретики в этом маловато. Все больше лозунги. Понимали это и отцы-основатели НТС. Поэтому вскоре перешли к подробному описанию задач и механизмов их решений: *«Организация и ведение борьбы с коммунистической властью; установление связи и сотрудничества с пробуждающимися и восстающими народными силами, идеологическое и организационное их обслуживание».*

Это из довоенных документов НТС. Тогда нацмальчики, стремящиеся свергнуть власть большевиков, нелегально переходили границу. Естественно, как уже говорилось, – при помощи разведок сопредельных стран. Кто бы им позволил действовать самостоятельно! Им казалось, что национальная революция уже близка, что нужно сделать последнее усилие – и коммунизм падет. Реальность оказалась другой. Подавляющее большинство членов НТС было арестовано НКВД и в дальнейшем расстреляно. Вот лишь очень короткий список: Иван Николаев, Григорий Михайлов, Мария Михайлова, Степан Барышников, Иван Власов, Петр Павлов...

Всего же, по оценкам современных историков спецслужб, при переходах границы, а также на территории СССР органами НКВД было убито и приговорено к расстрелу свыше 200 эмиссаров НТС. Цифра гигантская для эмигрантских организаций! К примеру, Русский общевойсковой союз отправил в СССР по крайней мере раз в пять меньше боевиков. При том, что по численности эти организации невозможно сравнивать.

А потом началась Великая Отечественная война. Звездный час НТС! Они – единственные представители эмиграции, кто принял в этих событиях самое активное участие в столь массовом порядке. Члены союза занимали должности в Министерстве восточных территорий Третьего рейха, служили переводчиками в вермахте, работали на оккупированных немцами территориях. Во многом именно на идеологической базе НТС был написан манифест власовской армии.

Об этом сегодня знают многие. Однако за кадром остались практическая деятельность НТС и вопрос, как воплощался в жизнь девиз *«Да здравствует национальная революция!»*. Важным источником по этой

теме служат мемуары членов организации. Лучше, чем сами бывшие участники, об НТС никто не расскажет. Эти воспоминания, к огромному сожалению, почти не известны широкой публике. Публиковались они в далекие 1960-е годы и нынче уже являются библиографической редкостью. А многие даже и не подозревают об их существовании.

Вот свидетельство бывшего члена НТС Николая Климова: *«Можно привести немало случаев грубых требований энтсовцев выполнения населением распоряжений немецких властей по сдаче сельскохозяйственных продуктов на нужды германской армии, составления и передачи в гестапо списков лиц, которые саботировали выполнение указаний оккупантов. Нужно сказать, что, лакейски угодничая, энтсовцы ни в жестокости, ни в зверствах в отношении населения оккупированной территории ничуть не уступали гитлеровцам».*

А вот воспоминания другого бывшего члена НТС Константина Черезова. Это уже послевоенный этап деятельности. Теперь – в содружестве не с вермахтом, а с британской и американской разведками. *«Как я смог убедиться за тринадцатилетнее пребывание в организации, НТС целиком и полностью зависит от американской и других разведывательных служб, которые финансируют, направляют и контролируют всю его деятельность. Свои «идеологические убеждения» мы пополняли стрелковой подготовкой, изучением материальной части оружия, практической стрельбой из пистолета. Не последнее место занимали способы подделки советских документов, штампов, печатей, изготовление и применение взрывчатых веществ».*

Предсказать, как будут реагировать на публикацию этих документов нынешние сторонники НТС, несложно. Начнется яростное отрицание и молниеносный перевод дискуссии в классическое словоблудие. Будут рассказывать про жертвенность первых нацмальчиков, про погибших в нацистских концлагерях. И, разумеется, про НКВД – КГБ – ФСБ. С нападок на силовые структуры подобные разговоры начинаются и ими же заканчиваются.

Я вовсе не утрирую. После памятного обсуждения истории НТС в моей программе незамедлительно последовал ответ. Опубликован он был, как несложно догадаться, на сайте «Эхо Москвы»: *«Все те же общие слова о «терроризме» и «деятельности в интересах вражеских разведок», которые при уточняющих вопросах ведущего сводятся к пресловутой «идеологической диверсии» (а под нее, как известно, мастера советского сыска могли подвести что угодно)».*

Я не возьмусь судить за всех российских граждан. Да и не имею на это

права. Могу сказать лишь за тех, кто интересовался темой всерьез – то есть изучал архивные документы по НТС, а не ограничился послевоенными воспоминаниями, подвергнутыми значительной внутренней цензуре. Так вот, они, мягко говоря, очень скептически оценивают подобные заявления.

С другой стороны, совершенно понятно, что не эти единичные люди являются целевой аудиторией НТС. Вот любители бесконечного срыва покровов на «Эхо Москвы» им охотно верят. И будут верить дальше, какие бы документы и свидетельства им ни показывали. Как говорится, если факты противоречат – тем хуже для фактов. Больше того, вам будут агрессивно доказывать свою правоту. Даже не понимая, что я, например, этих самых старых членов НТС знал лично еще тогда, когда большинство их нынешних сторонников даже не подозревало о существовании каких-то нацмальчиков.

Лекция в университете. Средний возраст присутствующих едва ли превышал 18 лет. Этим и объяснялось то, что они без всякого интереса смотрели на своего преподавателя. Пока он не заговорил. *«Моя задача – попробовать сформулировать идею самосознания, юридического и религиозного, философствующего самосознания. Что такое человек? Зачем он живет на свете? Зачем живут люди? Каков смысл их существования?»* Все это настолько не вязалось с привычной всем картиной советских средних школ, что в зале стояла гробовая тишина. Было слышно лишь, как переворачиваются исписанные страницы конспектов.

Имя преподавателя ничего не говорило студентам. К примеру, я, уже в то время интересовавшийся политикой, не сопоставил с ним одного из героев легендарного советского пропагандистского фильма Генриха Боровика. Понимание, кто именно рассказывает нам о классической русской философии, пришло позднее. Когда я все-таки вспомнил, где же видел это лицо.

Представьте себе картину: вы сидите и слушаете Романа Николаевича Редлиха. «Капитана Воробьева» из власовской армии. Одного из главных врагов советской власти. Человека, которого обвиняли в сотрудничестве с гестапо. Что может быть ужаснее? Это и сегодня выглядит неслабо, а уж по тем-то временам! Сколько присутствующих на лекции могли бы сказать что-то внятное про русскую эмиграцию? Уверен, что никто. А тут не просто человек из эмиграции, а один из самых ярких ее представителей!

После одной из лекций я набрался смелости и подошел к Роману Николаевичу в курилке. Попросил посоветовать почитать что-нибудь про эмиграцию. Мои познания на тот момент не уходили дальше книг

«Мертвая зыбь» и «Возмездие». Не будем забывать, что на дворе стоял 1992 год. Это сегодня вы можете выйти в Интернет и читать подшивки «Часового» или «Вестника Общества галлиполийцев». А тогда и «Красный террор в России» Мельгунова не всякий желающий мог купить. Дефицит был жуткий, даже спекулянты на Кузнецком Мосту иной раз молча разводили руками...

Роман Николаевич улыбнулся. Поинтересовался, как мое имя и отчество. У 17-летнего подростка, который ему во внуки годился! «Прочтите «Дроздовцы в огне» генерала Туркула». Эту фамилию я помнил по «Хождениям по мукам» и, естественно, тут же, со свойственным юношеству максимализмом, решил обсудить свои соображения с Романом Николаевичем. Он очень внимательно слушал.

Представьте себе картину: вы сидите и слушаете Романа Николаевича Редлиха. «Капитана Воробьева» из власовской армии. Одного из главных врагов советской власти.

Это великая способность человека – уметь слушать. Даже когда твой собеседник ошибается в выводах. Редлих пригласил меня на «домашний семинар», чтобы продолжить разговор. Там собирались студенты, которые интересовались русской философией больше остальных. За чаем Роман Николаевич рассказывал про ранние годы НТСНП, про Ильина, Околовича, Власова... Знал бы я тогда, чем буду заниматься дальше в жизни, – записывал бы все на диктофон.

Незаметно прошел год. Приближалось время сессии. К экзамену у Редлиха я, естественно, не готовился. И так помнил содержание его лекций очень близко к тексту. Да и был уверен, что, по советской традиции, если у ученика и учителя хорошие отношения, то оценка будет по определению высокой. «Вытянул» Достоевского, прочитанного к тому моменту полностью. В какой-то момент обратил внимание, что говорит уже преподаватель, а я с большим интересом слушаю. И запоминаю отдельные фразы.

К примеру, что красота спасет мир. Кто не слышал этих слов? Я мало того что помнил их, так еще и процитировал триединую философскую формулу: «добро, красота, истина». «Правильно, Армен Сумбатович. Но красота не просто входит в эту формулу. Она проникает. Добро и истина всегда красивы. Об этом, вероятно, и писал Достоевский...» Получил я тогда вполне объективную тройку. И даже не огорчился. Однокурсницы предложили пересдать у другого преподавателя, но я категорически

отказался. Оценка от ученика самого Семена Людвиговича Франка представлялась в разы ценней.

Написал и вспомнил, как в октябре 1993 года Редлих поехал сдавать кровь для раненых. Врачи категорически отказывались использовать 82-летнего донора. Он настаивал. Люди, стоящие рядом, молчали. Для них все это было совершенно непонятным...

Пожалуй, главное, что я вынес из своего общения с Редлихом, – это не анализ прочитанного и услышанного, не любовь к истории, политологии и философии. Эти позиции значительны, но есть более важная. Уважение к человеку. Никогда не забуду, как Роман Николаевич однажды подал мне в прихожей куртку. Мне было очень неловко, а он объяснил, что воспитанный человек не может поступить иначе. Казалось бы, незначительная деталь, но как много она говорит о Редлихе. Он любил повторять, что выдумываются только глупости, а хорошая мысль приходит в голову сама.

Это с одной стороны. А с другой – служба в рядах немецкой армии. Больше того – в бригаде Каминского, которая входила в СС. Это тогда мы о ней ничего не знали. Вообще все познания рядового советского человека о коллаборационистах в годы Великой Отечественной войны сводились к двум простым определениям «власовцы» и «бандеровцы». Со вторыми все ясно, а к первым причислили всех, кого только можно: казаков, латышских и эстонских добровольцев СС, грузинских и армянских легионеров вермахта, крымских татар, туркмен... Лишь потом, начиная серьезно изучать тему, ты понимаешь: никакого отношения к армии Власова эти люди не имели. Но, повторяю, – осознаешь это намного позже, спустя годы.

Хотя члены НТС не любили вспоминать подробностей своей жизни в годы Великой Отечественной войны, Редлих оставил мемуары о службе в бригаде Каминского. Вот, например, как он описывает самого вождя «Локотской республики»: *«Инженер-химик по профессии, зэк по воспитанию и отношению к советской власти, как у человека, прошедшего такие «университеты». Был он человек волевой, властный, командный, обращавшийся к любым средствам и приемам, в которых был воспитан и научен за проволокой. И с такой же психологией. Он стоял на позициях: все равно с кем, хоть с чертом, лишь бы большевиков резать. Хорошие немцы, плохие, а мне какое дело. Он был зверский антикоммунист, как сейчас говорят – нещерный».*

В этом фрагменте меня удивляет то ледяное спокойствие, с которым Редлих об этом написал. Обратите внимание на важный нюанс. Не «бороться с большевиками», что являлось привычной речевой

конструкцией той эпохи, а именно «резать». Кто-то может возразить, что конкретное слово серьезного значения не имеет. Какая разница, как именно написать, если о многочисленных преступлениях Каминского и его подчиненных хорошо известно? Нет, друзья, это момент принципиальный. Уж поверьте, не стал бы Редлих просто так употреблять это слово. Сама эта конструкция «большевиков резать» говорит о многом. И сам Редлих ее не критикует, ограничиваясь констатацией факта. То есть формально одобряет террор, который происходил в «Локотской республике». Для философа и интеллигентного человека это, мягко говоря, странно.

И еще один фрагмент из тех же воспоминаний Редлиха, который вызывает у меня серьезные сомнения в его правдивости: *«В Локоть я впервые приехал весной 1943 года. Явился к Каминскому. Представился: я из Министерства Восточных областей. Хочу посмотреть, познакомиться с системой самоуправления. Он достает бутылку, наливает по стаканчику – конечно, самоделка, но хорошая. Завязался дружеский разговор. Он сетует, что не хватает интеллигентных кадров. Я отвечаю ему, что пришло людей из перевоспитанных нами военнопленных. На том и расстались»*.

В этом тексте мне категорически не нравится абсолютно все. Во-первых, Локотский спиртзавод работал и в годы немецкой оккупации. То есть пить самогон, пусть даже и хороший, бургомистру не требовалось. Была вполне качественная продукция под рукой. Во-вторых, если верить Редлиху, то весь смысл его визита в Локоть по линии Министерства восточных территорий состоял в том, чтобы выпить с бургомистром самогонки, пусть и хорошей, за дружеским разговором. В-третьих, у меня большие сомнения, что первое, что сделал бургомистр на встрече с высоким гостем из Берлина, – достал бутылку самогона. Это только на страницах романа «В час дня, Ваше превосходительство» коллаборационисты только и делали, что безостановочно пили. В реальной жизни все было несколько иначе.

Впрочем, бог с ней, с этой бутылкой самогона. Это все незначительные мелочи. Гораздо интереснее свидетельство члена Народно-трудового союза Бориса Башилова: *«Сейчас при ЦК партии (имеется в виду руководство НТС. – А. Г.) создан особый партийный отряд, будто бы с целью охраны Каминского, а на самом деле против него. Правда, с каждым днем Каминский все более подпадает под влияние нового члена ЦК Романа Дитриха (так автор называет Р. Редлиха. – А. Г.), начинает более решительно бороться с насилиями над населением, которое продельывает Працук и другие преступные типы, пробравшиеся в РОНА. Но вообще*

решено, что если Каминский в ближайшее время не займет более решительного курса против насилий, то партийный отряд произведет переворот. Каминский будет арестован и на его место будет выдвинут любимец РОНА подполковник Белай».

То есть фактически Редлих не только пил самогон с бургомистром, но и готовил устранение Каминского, чтобы у генерала Власова не осталось конкурентов, претендующих на пост лидера всех русских коллаборационистов. Сам этот факт в свете службы на врагов своей Родины мало что значит. Но много говорит о моральном облике. Как бы ни было неприятно сознавать такое про своего учителя философии.

Выходит, я знал двух Редлихов. Одного – прекрасного русского философа, очень правильно рассуждающего: *«В XX веке, в котором мы живем, в мысли русской, уже подготовленной к этому спецификой развития русского самосознания, подчеркивается другой момент: Я как индивид, как отдельный человек никогда не существовал, «Я» всегда есть частица некоего «МЫ». Мы вместе. Мы – народ».*

Другой Редлих – преступник, состоявший на службе у нацистов и оставивший весьма своеобразные мемуары об этом времени. Хотя ему, вне всякого сомнения, было о чем рассказать. Но – не захотел.

Так какой Редлих был настоящим?

После Берлинской стены

Отбоя не было, борьба продолжается.

Генерал фон Лампе

Объединение Германии, распад Советского Союза и смутное для нас время 1990-х годов, казалось, навсегда поставило точку в этой истории. Наступила другая эпоха. Ветераны Рабоче-крестьянской Красной армии и вермахта стали встречаться и обсуждать самую страшную в мировой истории войну. Немецкая пресса на первом этапе благожелательно писала о том, как в России строится демократическое общество. Путину аплодировали в бундестаге. Казалось бы, противостояние навсегда останется в прошлом. Но нашлись те, кому это категорически не нравилось. Худшие технологии времен холодной войны снова пущены в ход.

Формальным поводом послужило возвращение Крыма в состав России. Мне казалось, что германское общество, которое еще не забыло, что значит «разделенный народ», поймет и примет желание крымчан. Так, собственно, и произошло. Но политики посчитали иначе. И сразу был реанимирован классический миф — большевики изнасиловали всю Пруссию в 1945 году. Азиатские орды по пять и даже более раз надругались тогда над каждой немецкой женщиной. Вот характерный пример риторики: *«Будущие поколения должны знать истинные ужасы войны и заслуживают того, чтобы увидеть неприкрашенную картину. Каков был реальный масштаб изнасилований? Чаще всего называются цифры в 100 тысяч женщин в Берлине и два миллиона по всей Германии. Эти цифры были экстраполированы из скудных медицинских записей, сохранившихся до наших дней».*

Оценили? Содрогнулись? Поставьте себя на место рядового немца. У вас с детства воспитывается комплекс вины за преступления нацистов. А тут вам начинают рассказывать, что победители Гитлера были ничуть не лучше него. В чем-то даже хуже. Поверите? Конечно. Эта новость будет ласкать ваш слух. Не только наши родители были исчадием ада! Русские совершили преступлений не меньше. Прискорбно, конечно, что документов по этому поводу сохранилось мало, но правду не утаить.

Разумеется, мантра *«Европа не знала такого ужаса со времен*

нашествия гуннов» была моментально и с нескрываемой радостью подхвачена российскими либералами. Эти вообще готовы повторять любую мерзость, лишь бы показать свое неприятие народа. Их абсолютно не волнует, что за изнасилование как тяжкое военное преступление в Советской армии жестоко наказывали.

Напоминаю, что 19 января 1945 года был издан приказ Сталина. Он гласил: *«Оставшееся население на завоеванных областях, независимо от того, немец ли, чех ли, поляк ли, не должно подвергаться насилию. Виновные будут наказаны по законам военного времени. На завоеванной территории не позволяются половые связи с женским полом. За насилие и изнасилования будут виновные расстреляны».*

Поставьте себя на место рядового немца. У вас с детства воспитывается комплекс вины за преступления нацистов. А тут вам начинают рассказывать, что победители Гитлера были ничуть не лучше него.

Я человек невероятно скверный и не люблю, когда мне рассказывают про отсутствие документов. Проверить ведь не очень сложно. Зачастую уже и не требуется ехать в архив, писать запрос, получать заветные папки. С лихвой хватает уже опубликованных документов. Так вот, за мародерство и изнасилования полагался расстрел. Если члены военного трибунала были в тот день в хорошем настроении, могли заменить его штрафбатом или 15 годами лагерей. Существует доклад военного прокурора 1-го Белорусского фронта о совершенных в Германии преступлениях в конце апреля – начале мая 1945 года. То есть как раз в то время, когда каждую немецкую женщину изнасиловали пять и более раз.

Открываем этот пожелтевший от времени документ. В нем сказано, что всего зафиксировано 124 преступления. Нас интересуют, разумеется, изнасилования. Таковые действительно были. 72 факта на семь армий фронта. Под каждым фактом считается один случай с одной женщиной. Отсюда возникает неприятный вопрос: где же миллионы изнасилованных немок? Задать его стоит историку Энтони Бивору, с чьей легкой руки миф и получил современную популярность. Но сомнительно, что автор соблаговолит вам ответить.

Сделаю это я. Как и всегда в случае со стандартами холодной войны, перекладывают с большой головы на здоровую. На сей счет существуют два важных документа. Их аутентичность не вызывает сомнений. Первый датирован 2 мая 1945 года. Военный прокурор 1-го Белорусского фронта

Яченин докладывает в Москву: *«Насилиями, а особенно грабежами и барахольством, широко занимаются репатриированные, следующие на пункты репатриации, а особенно итальянцы, голландцы и даже немцы. При этом все эти безобразия сваливают на наших военнослужащих».*

Обычно, когда я привожу сторонникам мифа про «изнасилованную Пруссию» этот документ, они тут же закатывают глаза и начинают исполнять вампуку: советским отчетам верить категорически нельзя, прокурору важно было во всем обвинить загнивающий Запад, иначе к нему придет злой особист и самого отправит в ГУЛАГ. Спокойно выслушиваю и задаю очень простой вопрос: известно ли им содержание доклада Берии Сталину, сделанного в это же время? Обычно наступает тишина. А между тем в докладе есть важные для понимания всей истории детали: *«В Берлине находится большое количество освобожденных из лагерей военнопленных итальянцев, французов, поляков, американцев и англичан, которые забирают у местного населения личные вещи и имущество, грузят на повозки и направляются на Запад. Принимаются меры к изъятию у них награбленного имущества».*

И не надо мне сейчас рассказывать, что таким образом Лаврентий Павлович пытался скрыть правду от Иосифа Виссарионовича. Товарищ Сталин был в этом плане очень недобрым человеком и крайне не любил, когда его обманывают. Печальна была судьба тех, кто пытался вводить в заблуждение советского вождя. Но дело тут даже не в этом. И Сталин, и Берия прекрасно знали: миф об «изнасилованной Пруссии» является в полном объеме продуктом деятельности рейхс-министерства народного просвещения и пропаганды. Сиречь – ведомства Геббельса. И это не просто какой-то чиновник проявил рвение, а он сам. Лично.

Доказывается это элементарно. В марте победного для нас 1945 года Геббельс записывает в своем дневнике: *«В лице советских солдат мы имеем дело со степными подонками. Это подтверждают поступившие к нам из восточных областей сведения о зверствах. Они действительно вызывают ужас. В отдельных деревнях и городах бесчисленным изнасилованиям подверглись все женщины от десяти до семидесяти лет. Кажется, что это делается по приказу сверху, так как в поведении советской солдатни можно усмотреть явную систему».*

Дневник Геббельса – важнейший исторический источник. Он позволяет понять и проследить формирование нацистской пропаганды от первых шагов до краха Третьего рейха. Я не случайно обращаю ваше внимание на фактор пропаганды. Геббельс и к своему дневнику относился как к важной части этого процесса. Туда он вносил не только свои мысли

по текущему положению дел, но и предложения для обсуждения с фюрером. Случай с «изнасилованной Пруссией» – яркий пример этого.

Министр пропаганды изложил свои соображения Гитлеру. И фюрер тут же обращается к населению: *«Вы, солдаты на Восточном фронте, знаете большей частью уже сами, какая судьба уготована прежде всего немецким женщинам, девушкам и детям. В то время как старики и дети будут убиты, женщины и девушки будут низведены до казарменных проституток. Остальные попадут в Сибирь».*

Перед нами классический призыв к ожесточенному сопротивлению до конца. Он построен на простейшем нарративе: «Ради наших матерей!» И любой адекватный человек это прекрасно понимает. Что в те годы, что сейчас. Но из этого вовсе не вытекает не менее странное утверждение, будто Советская армия вообще не совершила на территории Германии ни единого преступления. Согласно документам военной прокуратуры, под трибунал попало более 4 тыс. солдат и офицеров за бесчинство по отношению к мирному населению. Было проведено несколько показательных процессов, закономерно закончившихся вынесением смертных приговоров.

Сегодня, когда многие на Западе стремятся пересмотреть итоги Второй мировой войны, геббельсовский миф обрел новую жизнь. Нужно показать наших прадедов и дедов форменной азиатской ордой, сборищем убийц и насильников и уравнивать таким образом СССР и Третий рейх. Все попытки продемонстрировать пропагандистам «изнасилованной Пруссии» подлинные документы пока успехом не увенчались. Для них это вопрос веры, и слушать они никого не хотят.

Здесь можно было бы и поставить точку, но 2016 год внес свежую струю в идеологическое противостояние. Немецкое издание Die Welt сообщило своим читателям: *«Парад в Москве в июне 1945 года был организован как ультимативное оскорбление вермахта. 200 немецких штандартов были брошены в грязь. Впрочем, некоторые из них не заслуживали такого унижения».* Не знаю, кто как, а я ждал этого давно.

Тот самый парад является для всех нас одним из символов победы над нацизмом. Бросание штандартов поверженной армии – его кульминация. Это был момент высшего торжества воли народа, победившего, казалось бы, несокрушимую армию. И конечно же, в постоянном процессе пересмотра истории без него не могли бы обойтись. Вину за это несет в том числе советский агитпроп.

Долгие годы полный список знамен вермахта, СС и НСДАП, брошенных к Мавзолею, был недоступен. Победителям было настолько

противно, что вслед за вражескими штандартами они бросали перчатки, в которых эти знамена несли. Поверьте, и сегодня нужно приложить усилия, чтобы узнать, кому принадлежали флаги. Относительно просто вычислить только первый ряд. Работая над этой книгой, я специально потратил время, чтобы внести хотя бы промежуточный итог в эту историю.

Знамена поверженного рейха бросают к Мавзолею. 24 июня 1945 года

Итак, на известной всем фотографии присутствуют:

1. Древяно знамени дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» образца 1935 года.
2. Пехотное знамя образца 1935 года.
3. Танковый (возможно – артиллерийский) штандарт образца 1935 года.
4. Знамя пехотной части образца 1935 года.
5. Егерское (возможно – горноегерское) знамя образца 1935 года.
6. Кавалерийский штандарт образца 1860 года.
7. Пехотное знамя образца 1935 года.
8. Кавалерийский штандарт образца 1935 года.

9. Саперное знамя образца 1935 года.
10. Знамя частей люфтваффе образца 1935 года.
11. Пехотное знамя образца 1935 года.
12. Егерское знамя образца 1935 года.
13. Знамя ландвера образца 1860 года.
14. Пехотное знамя образца 1935 года.
15. Штандарт частей артиллерии образца 1935 года.
16. Знамя подразделений СС.
17. Пехотное знамя образца 1935 года.
18. Штандарт легкой кавалерии образца 1890 года.
19. Танковый (возможно – артиллерийский) штандарт образца 1935 года.
20. Знамя частей люфтваффе образца 1935 года.

Всего же было брошено 178 знамен. Из них 26 полковых знамен, остальные – флаги батальонов и артиллерийских дивизионов. Исполнял этот символический акт сводный батальон, замыкавший прохождение войск на параде. Десять шеренг по двадцать человек в каждой. Немецкие знамена несли настолько низко, что они волочились по брусчатке.

Видите, скажет иной либеральный читатель, в списке присутствуют знамена еще времен Германской империи. Собрали все, что можно, и без разбора кинули. Вроде бы даже и русский триколор там присутствовал. Все это я слышал уже много раз. Никаких русских знамен в тот день не было. Что же касается штандартов XIX века, то они перешли к частям вермахта по наследству. И теперь мы подходим к главному: был ли этот акт осквернением знамен, как утверждает немецкое издание?

Давайте вспомним, что по итогам войны каждый пятый из оказавшихся под оккупацией 70 млн. советских граждан не дожил до Победы. Это еще по самым скромным подсчетам. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников зафиксировала 54 784 акта о зверствах в отношении мирного населения на оккупированных советских территориях. Среди них: использование гражданского населения в ходе военных действий, насильственная мобилизация мирного населения, расстрелы мирных жителей и уничтожение их жилищ, изнасилования, охота за людьми для германской промышленности.

За все это в полной мере ответственны вермахт и СС. Вердикт Нюрнбергского трибунала никто не отменял. Поэтому сама формулировка «осквернение знамен» – кощунственна по отношению к той цене, которую

заплатила наша страна за победу над нацизмом: 27 миллионов бесценных человеческих жизней. Очень жаль, что некоторые немецкие журналисты не способны этого понять. Но чего Бог не дал – в аптеке не купишь.

Послесловие

Подведем итоги. Две мировые войны и долгие десятилетия идеологического противостояния. Миллионы погибших. Все основные события уместились в 50 лет. По меркам исторического процесса – не слишком много. Но какое же влияние оказали на последующие поколения эти годы! Они оказались едва ли не одной из сложных эпох в многовековой истории России и Германии. Ни о каком времени не спорят с таким остервенением, как о годах Первой мировой и Великой Отечественной. Это – один из показателей значимости тех событий.

Мы можем с вами бесконечно долго обсуждать, как развивались бы события в случае успеха революции в Германии или отстранения Гитлера от власти. Но история не терпит сослагательного наклонения. Ее невозможно переиграть. Прошлые двух стран по сути стало одним на двоих. Многие современники событий так и оценивали ситуацию. И нам, спустя 80 лет, стоит поступать так же и заниматься не пересмотром истории, а ее изучением. Дабы не допустить повторения.

Вдумайтесь в известные строки нашего прекрасного поэта Расула Гамзатова, точнее всего описавшего проблему. Эти слова не нуждаются в каких-то дополнительных комментариях. Их просто стоит перечитать еще раз внимательно. Осознать. Рассказать знакомым. Чтобы поняли и они то, что было очевидно нашим с вами предкам. Это ведь несложно, не так ли?

*И вы должны, о многом беспокоясь,
Пред злом ни шагу не подавшись вспять,
На нашу незапятнанную совесть
Достойное равнение держать.
Живите долго, праведно живите,
Стремясь весь мир к собратству сопричь,
И никакой из наций не хулите,
Храня в зените собственную честь.*

Список использованной литературы

Hitler A. Mein Kampf. Eine kritische edition. Institut für Zeitgeschichte. München – Berlin. 2016.

MacDonogh G. After the Reich. London: John Murray. 2007.

Rosenfeld G. Hi Hitler. How the nazi past is being normalized in contemporary culture. Cambridge University Press. 2015.

Безыменский Л. Германские генералы с Гитлером и без него. М.: Соцэкгиз, 1961.

Бланк А. Неонацизм – реваншизм. Мифы психологической войны, М.: Мысль, 1985.

Борозняк А. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М.: Росспэн, 2014.

Буллок А. Гитлер и Сталин. Смоленск: Русич, 1998.

Вермахт на советско-германском фронте. Следственные и судебные материалы из архива уголовных дел немецких военнопленных. М.: Русский путь, 2011.

Воробьев Ф., Кравцов В. Победы Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне. М.: Военное издательство, 1954.

Враг всего мира. Факты и документы. М.: Издательство иностранной литературы, 1962.

Гелен Р. Отдел Восток, М.: Алгоритм, 2011.

Герэн А. Серый генерал. М.: Прогресс, 1970.

Германия и русская революция 1917–1924. М.: Памятники исторической мысли, 2004.

Герцштейн Р. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск: Русич, 1996.

Гетман Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. М.: Росспэн, 2014.

Гинбенбург П. Из моей жизни. М.: Принципиум, 2013.

Головин Н. Военные усилия России в Мировой войне. М.: Кучково поле, 2001.

Граф Келлер. М.: Посев, 2007.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999.

Данилевский В. Фашизм – заклятый враг культуры. М.: Госполитиздат, 1941.

Деникин А. Очерки русской смуты. М.: Айрис, 2015.

Дивнич Е. НТС, нам пора объясниться! Нью-Йорк: Соотечественники,

1968.

Дневники Йозефа Геббельса (июнь – август 1944). М.: Дашков и Ко, 2014.

Еременко А. Против фальсификации истории Второй мировой войны. М.: Издательство политической литературы, 1958.

Зачевский Е. История немецкой литературы времен Третьего рейха. СПб.: Крига, 2014.

Зверев С. Военная риторика Второй мировой. СПб.: Алетейя, 2014.

Ильин И. Die woche» или СССР на стройке, М.: МГОУ, 2010.

История Гражданской войны в СССР. М.: Государственное издательство, 1938.

Кениг Х. Будущее прошлого. Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М.: Росспэн, 2012.

Кох-Хиллебрехт М. Номо Гитлер: психограмма. Минск: Попурри, 2014.

Кривошеев С. КГБ против НТС. М.: Тривант, 2015.

Ленин В., Сталин И. О защите социалистического отечества. М.: Госполитиздат, 1945.

Людendorф Э. Мои воспоминания о войне. М.: Вече, 2014.

Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1. М.: АПН, 1981.

Мельтюхов М. Прибалтийский плацдарм. М.: Алгоритм, 2014.

Мельтюхов М. Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии. М.: Аиро-XXI, 2013.

Молодяков В. Риббентроп. М.: АСТ. 2008.

На службе ЦРУ. М.: Молодая гвардия, 1977.

НДП – Новая нацистская партия. М.: Прогресс, 1968.

Никонов В. Молотов. Наше дело правое. М.: Молодая гвардия, 2016.

Новик Ф. Неонацизм в ФРГ: подъемы и поражения 1949–1974 гг. М.: Наука, 1976.

Нюрнбергский процесс. М.: Юридическая литература, 1965.

Ольденбург С. Царствование императора Николая II. М.: Феникс, 1992.

О поджоге Рейхстага. М.: Издательство ЦК МОПР СССР, 1933.

Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего рейха против СССР. Смоленск: Русич, 2000.

Преступные цели – преступные средства. М.: Издательство политической литературы, 1968.

Полтораки А. Нюрнбергский эпилог. М.: Военное издательство, 1969.

Против фальсификаторов истории Второй мировой войны. М.: Военное издательство, 1959.

- Рар А.* Путин и Запад. От любви до ненависти. М.: Алгоритм, 2014.
- Риббентроп И.* Между Лондоном и Москвой. М.: Мысль, 1996.
- Риббентроп Р.* Мой отец – Иоахим фон Риббентроп. М.: Яуза, 2015.
- Рисс К.* Кровавый романтик нацизма. Доктор Геббельс. 1939–1945. М.: Центрполиграф, 2006.
- Рис Л.* Темная харизма Адольфа Гитлера. Ведущий миллионы в пропасть. М.: КоЛибри», Азбука-Аттикус, 2014.
- Розенберг А.* Политический дневник. М.: Русская книга, 2015.
- Руге В.* Гинденбург. Портрет германского милитариста. М.: Мысль, 1982.
- Семенников В.* Политика Романовых накануне революции. От Антанты к Германии. М.: Государственное издательство, 1926.
- Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Издательство политической литературы, 1946.
- СССР – Германия. 1939–1941. Секретные документы. М.: Эксмо, 2011.
- СССР и страны капитализма. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.
- Тихомиров А.* Лучший друг немецкого народа, Культ Сталина в Восточной Германии. 1945–1961 гг. М.: Росспэн, 2014.
- Толанд Д.* Адольф Гитлер. М.: Интердайджест, 1993.
- Фест И.* Адольф Гитлер. Пермь: Алетейя, 1993.
- Филатов М.* Нацистские мифы вчера и сегодня: Критика литературно-политических спекуляций нацизма и неонацизма. Алма-Ата: Казахстан, 1979.
- Фрайденссон Т.* Дети Третьего рейха. М.: Захаров, 2013.
- Швагуляк М.* Неонацизм без маски. Киев: Политиздат Украины, 1987.
- Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. М.: АСТ, 2015.
- Шнеер А.* Воспоминания. М.: Прогресс, 1997.
- Штрайт К.* Они нам не товарищи. М.: Русская панорама, 2009.
- Шютт П.* Мавр сделал свое дело. Существует ли расизм в Федеративной Республике Германии? М.: Прогресс, 1985.
- Эванс Р.* Третий рейх. Зарождение империи. 1920–1933. М.: Астрель, 2010.
- Эренбург И.* Война. М.: АСТ, 2016.
- Яковлев Н.* ЦРУ против СССР. М.: Правда, 1985.